Серия «Библиотека ГВЛ»
основана в 2005 г. в память
об ученом, политике, предпринимателе
Геннадии **В**икторовиче **Л**ебедеве
(1957—2004)

Murray N. ROTHBARD

WHAT HAS GOVERNMENT DONE TO OUR MONEY?

1964

Фонд либеральных программ
«СВОБОДНЫЙ МИР»

БИБЛИОТЕКА ГВЛ

серия
ДЕНЬГИ

Мюррей РОТБАРД

ГОСУДАРСТВО И ДЕНЬГИ

Как государство завладело денежной системой общества

СОЦИУМ

УДК 336.74.0
ББК 65.26
Р79

Библиотека ГВЛ — совместный проект
издательства «Социум» и Фонда либеральных программ
«Свободный Мир»

Перевод с английского: А. Куряев, Гр. Сапов
Е. Филиппова
Перевод с французского: Ю. А. Школенко
Научная редакция: Гр. Сапов

Ротбард М.
Р79 **Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества.** 3-е изд. / Мюррей Ротбард ; пер. с англ. и франц. под ред. и с предисловием Гр. Сапова. — Челябинск: Социум, 2008. — xvii+207 с. (Серия: «Библиотека ГВЛ»)

ISBN 978-5-91603-012-9

Книга является лучшим введением в денежные проблемы. Автор показывает, что деньги возникают в ходе добровольных обменов на рынке, никакие общественные договоры или правительственные эдикты не создают деньги, что свободный рынок нужно распространить на производство и распределение денег. Начав с рассмотрения классического золотого стандарта XIX в., автор завершает свое исследование анализом вероятного появления европейской денежной единицы и возможного мира неразменных денег. В послесловии Г. Хюльсман продолжает анализ с того пункта, где закончил Ротбард и доводит до наших дней, до появления евро. По его мнению, рано или поздно выстраиваемую сегодня денежную систему единой Европы ждет крах.

УДК 336.74.0
ББК 65.26

ISBN 978-5-91603-012-9

© ООО Издательство «Социум»,
перевод, 2004

Оглавление

Предисловие к первому русскому изданию VI
Предисловиек четвертому изданию 3
Введение 7

Глава I. ДЕНЬГИ В СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ 11

1. Значение обмена 11
2. Бартер 13
3. Косвенный обмен 14
4. Значение денег. 19
5. Денежная единица 21
6. Форма денег 25
7. Частный чекан монет 27
8. Проблема «правильного количества» денег 33
9. Проблема «тезаврации» 40
10. Проблема «стабильного уровня цен» 46
11. Параллельные денежные системы. 48
12. Денежные склады 52
13. Заключение 67

Глава II. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕНЕЖНУЮ СИСТЕМУ. 70

1. Доходы государства 70
2. Экономические последствия инфляции 72
3. Государственная монополия на чекан 79
4. Порча денег 81
5. Закон Грэшема и монеты 82
6. Заключение: государствои монетное дело 88
7. Разрешение банкам не возвращать средства вкладчикам 89
8. Центральный банк: разрушение барьеров на пути инфляции 93
9. Центральный банккак организатор и инициатор инфляции 99

10. Отказ от золотого стандарта 102
11. Необеспеченные бумажные деньги и золото. 105
12. Необеспеченные бумажные деньги и закон Грэшема 109
13. Государство и деньги. 113

Глава III. ФИНАНСОВЫЙ ЗАКАТ ЗАПАДА 116

1. Первый этап: Классический золотой стандарт, 1815—1914 гг. . . . 117
2. Второй этап: Первая мировая война и послевоенные годы, 1914—1926 гг. 120
3. Третий этап: Золотослитковый стандарт (Великобритания и США), золотодевизные стандарты остальных стран, 1926—1931 гг. 122
4. Четвертый этап: Плавающие неразменные бумажные валюты, 1931—1945 гг. 126
5. Пятый этап: Бреттон-Вудс и новый золотодевизный стандарт (США), 1945—1968 гг. 128
6. Шестой этап: Распад Бреттон-Вудской системы, 1968—1971 гг. 133
7. Седьмой этап: Конец Бреттон-Вудской системы: плавающий курс неразменных бумажных валют, август—декабрь 1971 г. 136
8. Восьмой этап: Смитсоновское соглашение, декабрь 1971—февраль 1973 г. 137
9. Девятый этап: Плавающий курс неразменных бумажных валют,март 1973 г. — ? 138

Гвидо Хюльсман
ЕВРО: НОВАЯ ПЕСНЯ НА СТАРЫЙ ЛАД 145

1. Новые денежные власти 145
2. Возникновение Европейской валютной системы (ЕВС) 152
3. Значение ЕВС (1979—1998 гг.) 155
4. Роль Бундесбанка в ЕВС 163
5. Конец ЕВС и создание Европейского центрального банка (ЕЦБ) 165
6. Европейский центральный банк и евро: экономические и политические перспективы 174
7. Существует ли альтернатива евро? 178
8. Американская инфляция и бум на фондовом рынке (1982—2001 гг.) 182
9. Мировые экономические кризисы конца 90-х годов (1997 г. — ?) 192

Предметно-именной указатель 201

Предисловие к первому русскому изданию

Предлагаемая вашему вниманию книга американского экономиста Мюррея Ротбарда (1926—1995) о деньгах, без сомнения, будет с огромным интересом прочитана теми, кто интересуется феноменом денег, и ничего не знает о теоретических баталиях по этому поводу. Экономисты, получившие общее экономическое образование, а также, возможно, некоторые историки, прочтут ее с удивлением и, скорее всего, с немалой долей раздражения. Я думаю, знай Ротбард, что он удовлетворил любопытство интересующихся и рассердил ученых-экономистов, он был бы доволен (хотя, повторю, это — целиком и полностью мой домысел).

По своим научным взглядам Ротбард принадлежит австрийской школе экономической мысли. Эта школа была когда-то знаменита на весь мир, затем ее постигло почти полное забвение, а сегодня она вернула себе научный престиж и медленно, но верно становится известной широкой публике. Одним из признаков роста этой известности стало предлагаемое — второе — издание книги, которую вы держите в руках.

«Австрийской» эта школа, возникшая в последней четверти XIX в., называется потому, что ее основатель и его ближайшие последователи были австрийцами. Работы этих авторов (Карла Менгера, Ойгена Бен-Баверка, Фридриха фон Визера и других) были переведены на итальянский, французский, шведский и английский языки, и на рубеже XIX—XX вв. оказывали

сильнейшее влияние на ту ветвь мировой экономической мысли, которая не разделяла социалистических взглядов. К началу 1930-х годов, когда вышли работы представителей второго поколения австрийской школы, она стала влиятельной и признанной, однако затем угасла, попав под набиравший мощь водопад кейнсианских работ. После войны 1939—1945 гг. кейнсианство, сумев приспособить для своих нужд доминировавшую ранее неоклассическую традицию, на долгие годы стало господствующей философией экономистов, государственных служащих, журналистов и широких слоев общественности западного мира. Австрийская школа, казалось, умерла (ученик Ротбарда, американский экономист Уолтер Блок, писал, что в 1965 г., готовясь к защите Ph.D. по экономике в Колумбийском университете, он ничего не слышал о существовании этого направления экономической мысли до своего личного знакомства с Ротбардом).

Именно в конце 1940-х годов происходит знакомство автора предлагаемой книги с величайшим экономистом и социальным философом XX в., лидером австрийской школы Людвигом фон Мизесом (1881—1973). Л. фон Мизес, переехавший в США в 1940 г., работал тогда над подготовкой к изданию своего главного труда «Человеческая деятельность» (русский перевод вышел в издательстве «Экономика» в 2000 году, в настоящее время издательство «Социум» готовит его второе издание). Кроме того, по своей многолетней, еще венской привычке, Мизес вел семинар, организовав его при Школе бизнеса Университе-

та г. Нью-Йорк. Этот семинар и стал посещать, начиная с 1947 г., Мюррей Ротбард — тогда молодой математик, получивший вдобавок магистерскую степень по экономике, выпускник Колумбийского университета, куда более престижного нью-йоркского высшего учебного заведения. С этого семинара началась долгая и успешная научная и общественная карьера Ротбарда.

Приняв решение о необходимости получения Ph.D. по экономике, Ротбард выбрал своими наставниками Мизеса и одного из лучшего американского специалиста по истории экономической мысли Джозефа Дорфмана, профессора Колумбийского университета (Мизес, отношение к которому в академической среде было по меньшей мере сложным, не имел формального права быть научным руководителем). Во время подготовки и после защиты диссертации он пишет и публикует одну за другой теоретические статьи, а в 1963 г. издает фундаментальный трактат по экономической теории «Человек, экономика и государство». Перу Ротбарда принадлежат также много раз переиздававшаяся «Великая депрессия в Америке», четырехтомник по экономической истории колониального периода и войны за независимость США, «Власть и рынок» (русское издание 2003 г.), «Этика свободы», двухтомная «История экономической мысли: австрийский взгляд» и другие книги. Всего за 45 лет активнейшей научной, преподавательской и общественной деятельности им написано 25 книг и тысячи статей, в том числе более пятисот в академическом формате.

В 1982 г. Ротбард организует (при поддержке вдовы Мизеса, Маргит фон Мизес, а также видного американского публициста Генри Хэзлита и ученика Мизеса, занимавшегося у него еще в венском семинаре, Фридриха Хайека) Институт Людвига фон Мизеса, возглавляет редакцию Austrian Economics Review, выступает в печати по актуальным проблемам экономической политики.

Книга «Государство и деньги» впервые вышла в 1964 г. Она переведена на многие языки мира и неоднократно переиздавалась в США. Русский перевод дополнен работой нового, уже пятого поколения экономистов австрийской школы, немецкого ученого Гвидо Хюльсмана, в которой события денежной истории прослежены от второй половины 1970-х годов до рубежа XX—XXI вв.

Заслуги австрийской школы велики и многообразны. Поставив во главу угла человеческую индивидуальность, эти экономисты обнаружили единство логики любой человеческой деятельности. Чем бы ни занимался человек, он действует целенаправленно и намерено, его усилия имеют неустранимую духовную компоненту. Мы можем постичь намерения других людей, глядя на то, что они фактически делают. Люди могут ошибаться — и не только потому, что не знают всех законов природы, но и потому, что оценки и планы людей изменчивы. Все многообразие человеческих мотивов и целей базируется на едином принципе: *человек действует, желая изменить улучшить ситуацию так, как он это понимает это улучшение*. Из этой акси-

омы австрийцы выводят всю экономическую конкретику. Экономическая наука в их изложении перестает быть собранием никак не связанных осколков эмпирии, хаотически перемешанных с линейным программированием, математической статистикой и жалкими пародиями на законы термодинамики. Однако, приобретая цельность, экономическая теория в исполнении австрийской школы лишается статуса идеологического, «научного» оправдания сменяющих друг друга авантюр в области экономической политики. С ее помощью невозможно ни оправдать инфляцию, ни указать верные «точки роста», способные будто бы обеспечить некие «прорывы», ни освятить научным авторитетом какие-то другие волшебные способы обеспечить экономический рост ценой — всего-навсего — насильственного перераспределения к общему благу чужой собственности группой лиц, называющих себя государством.

Важнейшим частным случаем человеческой деятельности является обмен. Пристальное внимание австрийской школы к обмену объясняется теоретической прозорливостью и любопытством ее основателей. *Обмен — это добровольный акт, в ходе которого стороны отказываются от того, что ценят меньше, получая то, что ценят больше*. Обмен позволяет человеку получить то, чего у него нет. Но это не единственный способ. Альтернатива обмену — насилие или изолированное существование. Насилие имеет для многих некое обаяние. Скажем, дети часто, насмотревшись кино, играют в войну или в гангстеров. Но, вырастая из детского возраста, люди, — кто

раньше, кто позже, — начинают понимать: для того, чтобы насилие обеспечивало одних булками, свежими сорочками, мерседесами, электролампочками, сменными лезвиями для бритвы, не говоря уже о штанах, другие должны произвести эти мерседесы и штаны. Изолированное существо при известной сноровке, конечно, может, затратив изрядное время, произвести булку или штаны. Но вот производство электролампочек (не говоря уже о мерседесах и жигулях) для изолированного человека более проблематично. *Обмен расширяет и углубляет разделение труда и специализацию, обеспечивая на этой основе накопление капитала, который не только умножает человеческие усилия, но и делает возможным то, что невозможно для изолированного человека*. Обмениваясь, люди сотрудничают. Сотрудничая, они получают гораздо больше, чем враждуя. Когда эта нехитрая мысль была усвоена сильными мира сего, вдруг выяснилось, что для того, чтобы понежиться под солнцем, северянам вовсе не обязательно завоевывать южан. Достаточно купить билет на самолет и снять номер у моря. Южанам тоже больше не улыбается перспектива ежегодных набегов на северные города с целью увода в рабство изготовленных на севере автомобильных стад. Обмен продуктивен именно потому, что каждый отдает то, что ценит меньше, получая то, что ценит больше. Особенно эффективен обмен, осуществляемый с помощью денег.

На первый взгляд, деньги обеспечивают пусть удивительно простой и изящный, но всего лишь способ некой рационализации обмена. Теперь не нужно искать

всех, кто согласен участвовать в длинных и нестабильных обменных цепочках — появляется возможность продавать и покупать. *Деньги — универсальное средство обмена, являющееся таковым в силу известности этого факта и привычки к нему.* Однако эта простота денег закрывает от нас факт совершенно революционной трансформации мира, знающего деньги, по сравнению с миром, обменивающегося вещами напрямую. Появляются денежные цены и возможность предварительного расчета своих действий. Цены указывают нам и наши возможности, и интенсивность спроса на наш труд или товары. Полагая цены более или менее постоянными, мы начинаем по-иному организовывать свои действия. То, что ценится выше, бросает обратный отсвет на то, что нужно для его производства. Не потому золото дорого, что тяжел труд старателя — старатель идет на тяжелый труд, потому, что золото дорого.

Действуя так, чтобы достичь своих целей, в чем бы они ни заключались, человек всегда опирается на некие известные ему факты и параметры настоящего. Кроме того, он считает, что эти причинно-следственные связи, соединяющие факты в его сознании между собой, эти параметры или, по крайней мере, их соотношения, сохранятся в будущем. Булка вряд ли будет стоить дороже мерседеса завтра, если она стоила много дешевле сегодня, и если система цен не разрушится. Будущее, однако, не предопределено. Истрачиваются горы долларов и рублей на маркетинговые исследования и «научные» прогнозы, однако банкротства в бизнесе от

этого никуда не деваются. Нечто произведено, а спроса нет, причем, это обидным образом выясняется апостериорно, когда ресурсы затрачены. Великий механизм рынка безошибочно указывает, что именно общество признаёт за результат, но только после того, как результат предъявлен. Покупая товары и услуги, или отказываясь от покупки, люди голосуют рублем. Под ударением здесь слово «люди» — из оценки переменчивы, их вкусы непостоянны. Покупатели лишь своими фактическими действиями показывают производителям, что именно они считают более ценным, чем истраченные ресурсы, а про что думают — это не стоит сожженного топлива и глянца рекламных страниц.

Итак, будущее чревато убытками. Но именно поэтому оно чревато и прибылью. Предприниматель получает вознаграждение не потому, что он хороший человек. И не потому, что он паук-кровопийца. И не потому, что он создал рабочие места. Предприниматель создал рабочие места потому, что он полагает — произведенное будет больше цениться людьми, чем истраченное при производстве. *Прибыль — выигрыш в споре с неопределенностью будущего*, а сама эта неопределенность есть неотъемлемое следствие человеческой деятельности. Человек действует, желая изменить ситуацию к лучшему, так, как он это лучшее понимает — и поди объясни ему, что эти ботинки хороши, а эти автомобили лучше тех. Прибыль — честный заработок, а бизнес — честный спорт, пока продавец не заставляет покупать силой. Но тогда это деяние не покупка, а предприниматель — не предприниматель,

а всего лишь грабитель. «Всего лишь» — потому что предприниматель, кроме того, что он выносит суждение о будущем, имеет волю и храбрость, которая и не снилась грабителям — он действует в соответствии со своим представлением о том, что будет, когда он организует производство и выйдет к покупателям с товаром, не имея возможности заставить их признать этот товар более ценным, чем деньги покупателя. Покупка — это частный случай обмена, а обмен, как мы уже знаем, есть добровольный акт, в ходе которого стороны отказываются от того, что ценят меньше, получая то, что ценят больше.

Действуя на рынке, люди ориентируются на рыночные цены. И когда мы действуем как предприниматели, и когда — как покупатели, мы рассчитываем на некую структуру цен. За газету вчера я платил десять рублей, а за пакет молока — двадцать. Вряд ли завтра за газету я буду платить сто рублей, а за пакет молока — пять. Мы понимаем, что газета, которую мы хотим пролистать, стоит столько-то, а газета, которую мы хотим купить как налаженное производство и бренд — столько-то. Денежные цены — это количества денежных единиц, которые нужно отдать в обмен за нужные нам товары и услуги. От того, насколько система цен отражает всю совокупность представлений о сравнительной ценности товаров, напрямую зависит то, что будет производиться, а что нет, сколько усилий будет затрачено на производство штанов, а сколько — на производство электролампочек или газет. Силовое вмешательство в эту систему, даже

с самыми благими намерениями, чревато быстрым распадом всей кажущейся такой незыблемой и устойчивой современной цивилизации. История показывает, что от фиксации хлебных цен до хлебных бунтов проходят не годы, а месяцы. Мерседес при определенных обстоятельствах вполне может оказаться не дороже булки (я, правда, надеюсь этого не застать, хотя и равнодушен к автомобилям).

Политическому классу гораздо более соблазнительным кажется не трогать цены, а раздавать деньги. Однако, чтобы нечто раздавать, нужно это откуда-то взять. В современном обществе, основанном на демократических процедурах, этот способ аккумуляции раздаваемого имеет довольно очевидные ограничения. Заслуга Кейнса состоит в том, что он сформировал у политического класса убеждение, будто экономическая наука знает способ раздавать деньги, ни у кого их не отбирая. После семидесяти лет распространения и господства кейнсианства в теории и все более широкого применения на практике, политический класс на Западе стал подозревать, что здесь что-то не так. В нашей стране обаяние кейнсианства, однако, по-прежнему велико. Возможно, причина этого в неизжитых иллюзиях нашей общественной мысли 1960—1980-х годов. Социализм желателен и возможен, только нужно переназвать его, отказавшись от наиболее одиозных, «некультурных» форм. Тогда, переведенный на русский язык еще в советское время Кейнс, немало способствовал утверждению этого умонастроения. «Вот, можно же, то же самое, но как-то…

по-человечески, с использованием товарно-денежных отношений. Государственные программы, общественные работы, управление денежной массой наконец».

Однако неверный путь остается неверным вне зависимости от того, прямой он, как марксистская стрельба по классовым врагам, или кружной, как кейнсианское или монетаристкое манипулирование денежной системой. Это — путь в тупик. Одной иллюзией, правда, стало меньше. Теперь, когда мы не изолированы от мира, оказалось, что на этом пути стоят более или менее все. Многозначное лукавое «мы» опять поменяло свое значение. Мы теперь в большей степени — мы все. И скучные европейские бюрократы, и всемогущие владыки из экзотических стран, и мы, которые тут живем, — это теперь мы все.

На каком отрезке этого пути *мы все* находимся и как *мы все* здесь оказались? Можно ли — хотя бы теоретически — пойти другой дорогой? Один из вариантов ответа на этот вопрос дает книга Мюррея Ротбарда, предлагаемая читателю.

Гр. Сапов,
февраль 2004 г.

ГОСУДАРСТВО И ДЕНЬГИ

Как государство завладело денежной системой общества

Предисловие к четвертому изданию

Если не считать войн, то денежная политика является главным способом усиления государственного вмешательства в экономику. С ее помощью осуществляется разрастание государственного аппарата, финансируется дефицит государственного бюджета, вознаграждаются группы специальных интересов и ведется предвыборная борьба. Без денежной политики рухнет федеральный Левиафан, и мы сможем вернуться к республике, построенной на принципах отцов-основателей.

Кроме того, наша денежная система не только политически коррумпирована, она также порождает инфляцию и экономический цикл. Что здесь можно сделать?

В качестве ответа на этот вопрос Институт Людвига фон Мизеса рад представить вниманию читателей четвертое, дополненное издание классической работы Мюррея Ротбарда «What Has Government Done to Our Money?»

Впервые опубликованная в 1964 году, эта книга является одним из первых произведений проф. Ротбарда, оказавших существенное влияние, несмотря на свой небольшой объем. Невозможно подсчитать сколько раз читатели, как экономисты, так и не экономисты, говорили мне о том, что эта небольшая книга раз и навсегда изменила их взгляд на денежную политику. Прочитав эту работу, уже невозможно испытывать благоговейный трепет, выслушивая заявления служащих Федерального

резерва. Невозможной становится и та доверчивость, с которой люди, не читавшие ее, относятся к бесчисленным статьям по денежным вопросам. Предлагаемая вашему вниманию книга Ротбарда — несомненно, лучшее введение в денежные вопросы. Как и для других работ профессора Ротбарда, для нее характерны ясность изложения и неотразимость выводов и фактов.

В книге затронуты экономико-теоретическая, политическая и историческая проблематика. В области экономической теории автор разделяет позицию Людвига фон Мизеса, согласно которой деньги как экономический феномен возникают в процессе добровольных рыночных обменов. Никакой общественный договор или правительственное постановление не состоянии *создать деньги*. Они появляются как следствие поиска людьми таких форм добровольных экономических отношений, которые были бы более удобными, чем бартер. Увеличение совокупного запаса денег, имеющихся у всех членов общества, в отличие от увеличения совокупного количества товаров и услуг, не сопровождается увеличением общественных выгод. Деньги лишь облегчают обмен товарами и услугами. Если же совокупное денежное предложение увеличивается учреждением центрального банка (каковым является Федеральный резерв), то это влечет за собой совершенно разрушительные последствия. В книге профессор Ротбард дает самое ясное и исчерпывающее объяснение феномена инфляции и анализ ее последствий.

Анализ экономической политики, проводимый автором, приводит к выводу, согласно которому прин-

ципы свободного рынка можно и нужно распространить на «производство» денег и процесс их распространения по обществу. Нет никакой необходимости оставлять это в монопольном ведении министерства финансов США, не говоря уже о картеле частных банков с государственным участием и поддержкой, каковым является Федеральный резерв.

Для того, чтобы деньги хорошо работали, необходимо всего-навсего фиксированное определение денег.

В такой денежной системе свободного рынка исчезает проблема конвертируемости — деньги, определенные таким образом, являются по определению конвертируемыми как внутри страны, так и за рубежом. Депозиты до востребования, чековые счета и т.п. возможны только в случае 100-процентного обеспечения резервами, а для срочных вкладов структура резервов определяется экономическим благоразумием конкурирующих между собой банкиров и бдительностью потребителей их услуг.

Однако, главное в книге проф. Ротбарда — ее исторический контекст. Начав с классического золотого стандарта XIX века, автор завершает свое исследование изучением последствий введения единой европейской валюты и мира неразменных денег. Особого внимания заслуживают его анализ Бреттон-Вудской системы и ликвидации «золотого окна» в начале 1970-х годов.

Исследование профессора Ротбарда показало, что всегда и всюду государство является противником устойчивых денег. С помощью банковских картелей и инфляции группы частных лиц, называющие себя

«государством» грабят людей, уменьшают ценность имеющихся у них денег и провоцируют спад и депрессию в экономике.

Значительная часть этих выводов отрицается или игнорируется основным течением («мейнстримом») экономической науки. В работах мейнстрима упор всегда делается на то, как «нам» лучше всего «использовать» экономическую политику. На какие показатели роста должен ориентироваться Федеральный резерв, планируя денежное предложение? На динамику ВВП? На процентные ставки? На кривую доходности? На изменение курса доллара к иностранным валютам? На индекс товарной биржи? Профессор Ротбард ответил бы, что во всех этих вариантах предполагается существование централизованного денежного планирования, а значит ответы на эти вопросы не имеют значения. Ведь именно такое планирование и *порождает* все те проблемы, решить которые мейнстрим предполагает, ставя эти вопросы, именно оно и является корнем и причиной многочисленных зол.

Пусть как можно более широкое распространение этой книги поможет тому, что американцы при следующих денежных кризисах перестанут мириться с тем, что государство делает с денежной системой общества.

Л. Роквелл,
президент Института Людвига фон Мизеса,
Оберн, Алабама (США),
ноябрь 1990 г.

Введение

Деньги представляют собой одно из самых сложных для понимания экономических явлений. Какой экономической политики, — жесткой или мягкой — следует придерживаться? Какую роль должны играть Федеральная резервная система и министерство финансов? Какими были и какими могут быть различные варианты золотого стандарта? По всем этим вопросам ведутся жаркие споры. Должно ли государство накачивать деньги в экономику или, наоборот, оно должно «откачивать» их из нее? Какой именно государственный орган должен этим заниматься? Должно ли государство стимулировать кредит или оно обязано сдерживать его? Следует ли вернуться к золотому стандарту? Если «да», то по какому курсу? Кажется, нет конца этим и аналогичным вопросам, и их число непрерывно растет.

Возможно, причиной имеющейся путаницы в воззрениях на деньги является неверно понимаемое стремление человека «*быть реалистичным*», то есть проявлять интерес только к тем политическим и экономическим проблемам, которые в данный момент являются наиболее острыми. Стоит погрузиться в текущую экономическую проблематику, как очень скоро выяснится, что упуская из виду главные, фундаментальные проблемы, мы не в состоянии сформулировать по-настоящему важные вопросы. Без глубокого понимания основ мы оказываемся беспомощными в потоке быстро

сменяющих друг друга событий. Без такого понимания коренные проблемы денежной системы отступают на второй план, а последовательная денежная политика сменяется бесцельным дрейфом.

Для лучшего понимания вещей порой необходимо подняться над повседневностью, увидеть перспективу. В особенности, это верно применительно к современной экономической системе. Для нее характерно наличие огромного числа чрезвычайно сложных взаимосвязей. Чтобы понять их, нам придется мысленно выделить и проанализировать несколько самых важных факторов, а затем проследить, как они действуют в реальном мире. Именно в этом состоит смысл «метода Робинзона Крузо», любимого приема классической экономической теории.

Этот интеллектуальный прием, когда анализу подвергается искусственная ситуация — взаимоотношения Робинзона и Пятницы на необитаемом острове — является объектом ожесточенных нападок многочисленных критиков. Они указывают не неприменимость выводов, полученных в ходе такого анализа, к сегодняшней действительности. Однако этот прием выполняет очень полезную и чрезвычайно важную функцию. Он проясняет действие основных аксиом человеческой деятельности.

Поскольку деньги — самое сложное из всех экономических явлений, именно здесь мы более всего нуждаемся в широкой перспективе. Кроме того, именно деньги — это та область экономики, на которой искажающее воздействие государственного вмешатель-

ства, имевшее место в течение столетий, сказалось в наибольшей мере.

Многие экономисты, приверженные идеям свободного рынка в принципе, приступая к исследованию феномена денег, впадают в своеобразный интеллектуальный столбняк. Деньги, говорят они, это «другое дело». Предложение денег должно обеспечиваться государством. Государство, согласно их воззрениям, не обязано регулировать экономику, но должно регулировать денежную систему. Государственное регулирование денежной сферы не считается ими вмешательством в свободный рынок. Эти экономисты не могут согласиться с тем, что выводы, справедливые для свободного рынка в целом, применимы также и деньгам. По их мнению, именно государство и только оно должно чеканить монету, выпускать бумажные деньги, декретировать «узаконенное средство платежа», создавать центральные банки, накачивать деньги в экономику (и «откачивать» их оттуда), поддерживать «постоянный уровень цен» и т.п.

Исторически деньги действительно были одним из первых объектов контроля со стороны государства, и революция свободного рынка XVIII—XIX вв. не изменила ситуацию в денежной сфере коренным образом. Поэтому давно пора основное внимание сосредоточить на денежной системе. Она поистине так же важна для бизнеса, как система кровообращения для человека.

Прежде всего давайте зададим себе вопрос: можно ли организовать денежную сферу, полагаясь на принцип свободы экономической деятельности? Можем ли

мы иметь свободный рынок денег, такой же, какой мы имеем в случае других товаров и услуг? Как будет выглядеть такой рынок? К каким последствиям приведет его государственное регулирование? Если мы приветствуем свободный рынок в других областях, если мы стремимся устранить вмешательство государства в дела частных лиц и права собственности, то у нас нет более важной задачи, чем исследовать способы функционирования свободного рынка в денежной сфере.

ГЛАВА I

Деньги в свободном обществе

1. Значение обмена

Как возникают деньги? Понятно, что Робинзону Крузо на необитаемом острове деньги были не нужны. Он не мог питаться золотыми монетами. Даже если бы Робинзон обменивался с Пятницей, например, получая рыбу в обмен на доски, они оба могли не беспокоиться по поводу денег. Ситуация, при которой могут возникнуть деньги, имеет место, только когда общество расширяется за пределы нескольких семей.

Чтобы уяснить себе смысл существования денег, мы должны вначале понять, почему люди вообще занимаются обменом? Ведь обмен лежит в основе денег и всей экономической жизни. В сущности без обмена не было бы общества.

Очевидно, что добровольный обмен возможен потому, что каждая сторона ожидает, что в результате она извлечет какую-то выгоду, улучшит ситуацию по сравнению с ситуацией, существовавшей до обмена.

Обмен означает наличие соглашения между *А* и *Б* о передаче товаров или услуг, принадлежащих одному человеку, *А*, за товары и услуги другого человека, *Б*. Очевидно, что это выгодно обоим, поскольку каждый из них ценит то, что получает, больше, чем то, от чего отказывается. Скажем, когда Робинзон меняет

некоторое количество досок на рыбу, то рыбу, которую он «покупает» у Пятницы, он ценит больше, чем доски, которые «продает». В то же время Пятница, напротив, ценит доски больше, чем рыбу.

От Аристотеля до Маркса люди ошибочно полагали, что обмен предполагает *равенство ценности*. Если одна сеть рыбы меняется на десять досок, думали они, то между этими предметами существует какое-то внутреннее единство. На самом деле обмен и был-то произведен только потому, что каждая сторона *ценила* эти два блага *по-разному*.

Главной причиной такой широкой распространенности обмена является огромное природное разнообразие. Каждый человек обладает своим уникальным набором талантов и способностей. Каждый участок земли отличается своими уникальными характеристиками, своими специфическими ресурсами. В основе обмена лежит факт этого внешнего, данного природой разнообразия. Люди меняют пшеницу Канзаса на железо Миннесоты, медицинские услуги на мастерство скрипача. Специализация дает возможность каждому человеку развивать свои таланты, а каждому региону — использовать его специфические ресурсы. Если бы никто не мог обмениваться, если бы каждый человек был вынужден полагаться только на самообеспечение, бóльшая часть человечества умерла бы от голода, а оставшиеся с трудом поддерживали бы существование. Обмен является источником жизненной силы не только экономической деятельности, но и самой цивилизации.

2. Бартер

Прямой обмен полезными товарами и услугами смог бы только поддерживать экономику на уровне чуть выше первобытного. Такой прямой обмен, или бартер, едва ли эффективнее самообеспечения. Почему? По одной-единственной причине: очевидно, что при этом могло бы производиться очень мало продукции. Если существует только бартер и Джонс нанимает рабочих, чтобы построить дом, то чем он будет с ними расплачиваться? Частями дома? Неиспользованными в ходе строительства стройматериалами?

Две главные проблемы, возникающие при бартере, — проблема неделимости и проблема несовпадения потребностей. Если Смит изготовил плуг, за который он хотел бы получить *несколько* нужных ему вещей (например, муку, мясо и одежду), то как он может это проделать? Он же не может разломать плуг и отдать одну его часть фермеру, а другую — портному. Но даже в тех случаях, когда товары являются физически делимыми, вообще говоря, крайне невероятно, чтобы обе обменивающиеся стороны встретились между собой за приемлемое время. Предположим, что у *А* есть овощи, а у *Б* — пара сапог. Как они могут прийти к соглашению, если *А* захочет получить не обувь, а одежду? Или представим себе преподавателя экономической теории, который вынужден искать пекаря. Для того чтобы обмен состоялся, этот пекарь должен хотеть взять несколько уроков (причем именно экономической теории) в обмен на

свои изделия. Любой преподаватель экономической теории скажет, что в условиях прямого обмена невозможна никакая цивилизованная экономика!

3. Косвенный обмен

Пробуя и ошибаясь, люди обнаружили способ, который позволил им осуществлять экономическую деятельность и даже расширять ее масштабы. Этот способ — косвенный обмен.

При косвенном обмене вы продаете ваш продукт не за те товары, в которых прямо нуждаетесь, а за некие другие товары. После этого вы отдаете эти другие товары в обмен на те, которые действительно нужны вам.

На первый взгляд это кажется какой-то неуклюжей, окольной операцией. Но в действительности это удивительный инструмент, делающий возможным развитие цивилизации.

Рассмотрим случай, когда *А*, фермер, хочет купить сапоги, изготовленные сапожником, *Б*. Предположим, что *Б* не нужен хлеб и он не желает менять сапоги на хлеб. Фермер, выяснив у *Б*, что ему нужно, узнает, что ему нужна, скажем, рыба. Тогда *А* выменивает за свой хлеб у рыбака *В* его рыбу, после чего отдает эту рыбу *Б* в обмен на сапоги. Он сначала покупает рыбу не потому, что она нужна лично ему, а потому, что это позволит ему получить сапоги.

Точно так же обстоит дело в примере с неделимым изделием. Смит (владелец плуга) продаст его

за такой товар, который ему будет легче разделить и продать — скажем, масло, — и затем, разделив это масло на части, обменяет их на муку, мясо, одежду и т.д.

В обоих случаях преимуществом рыбы и масла (и причиной дополнительного спроса на них) является их бóльшая обмениваемость. Если один товар обладает большей обмениваемостью, чем другие, иными словами, если все уверены, что этот товар продать легче, чем другие, то в этом случае и спрос на него будет бóльшим, ведь его будут использовать в качестве средства обмена. Именно он станет тем средством, с помощью которого человек, освоивший определенное ремесло, сможет обменять свой продукт на товары людей, владеющих другими умениями и навыками.

Для природы, как мы знаем, характерно огромное разнообразие условий и ресурсов. Не меньшее разнообразие наблюдается и среди людей. Точно так же обстоит дело и с обмениваемостью товаров. Некоторые товары пользуются более широким спросом по сравнению с другими. Некоторые легче делятся на части без потери ценности. Некоторые служат дольше других. Некоторые проще перевозить на дальние расстояния. Каждое из этих преимуществ способствует повышенной обмениваемости. Очевидно, что в любом обществе в качестве средства для обмена постепенно будут выбираться наиболее реализуемые товары. По мере того, как будет расширяться их признание в качестве такого средства, спрос на них будет

увеличиваться, и они станут еще более реализуемыми. Результатом будет самоусиливающаяся положительная обратная связь: бóльшая обмениваемость становится причиной более широкого использования в качестве средства обмена, что приводит к еще большей обмениваемости и т.д. В конце концов, остается один или два товара, которые используются людьми как общие универсальные средства обмена практически во всех обменных актах. Эти-то товары и называются деньгами.

Исторически в качестве средств обмена использовались различные товары: табак в Вирджинии колониальных времен, сахар в Вест-Индии, соль в Абиссинии, скот в Древней Греции, гвозди в Шотландии, медь в Древнем Египте, а также зерно, бусы, раковины каури и рыболовные крючки. Со временем роль денег стали выполнять два металла, вытеснившие другие товары в ходе многовековой конкуренции на свободном рынке, — золото и серебро. Оба металла обладают уникально высокой степенью обмениваемости. Они пользуются устойчивым спросом в качестве материала для украшений и отличаются всеми другими необходимыми качествами. Не так давно серебро, которое является менее редким, чем золото, считалось более пригодным для небольших обменов, а золото — более удобным для крупных сделок. В конечном счете важно то, что независимо от причин, по которым это произошло, свободный рынок признал золото и серебро наиболее эффективными видами денег.

Этот процесс — кумулятивное развитие средства обмена на свободном рынке — представляет собой единственный способ, которым товары могут утвердиться в денежном качестве. Деньги не могут возникнуть никаким иным способом. Они не могут появиться, если все вдруг решат начать делать деньги из какого-нибудь бесполезного материала. Они не могут возникнуть вследствие принятия государственного акта, в котором «деньгами» будут именоваться кусочки бумаги[1].

Дело в том, что наличие спроса на денежный товар в отличие от спроса на товары для непосредственного использования предполагает, что люди имеют представление о денежных ценах ближайшего прошлого. Но такое представление может возникнуть только в том случае, если все начинается с некоего полезного товара и бартера с последующим увеличением спроса на этот товар, но предъявляемого уже как на средство обмена. Этот добавочный спрос «прибавляется» к начальному спросу на товар, который предназначен для непосредственного использования. Например, спрос на золото как на средство обмена возникает как

[1] [Ошибка государственной теории происхождения денег связана с тем, что после того, как некий товар утверждается в качестве денег в ходе свободной конкуренции, государство имеет техническую возможность — и пользуется ею — *удостоверять* подлинность денег. Насильственная монополизация процесса такого удостоверения и ее последствия разбираются автором ниже. — *Прим. науч. ред.*]

добавочный по отношению к первоначальному спросу на золото как на материал для украшений[1]. Таким образом, государство бессильно создать деньги; они могут возникнуть только в ходе обменов, совершаемых на свободном рынке.

Важнейшая истина, вытекающая из нашего обсуждения, заключается в том, что деньги — это товар. Усвоение этого простого урока является одной из самых важных задач в мире. Как часто люди считают деньги чем-то бо́льшим или чем-то меньшим!

Деньги — не абстрактная единица учета, существующая отдельно от конкретного товара. Они не являются бесполезными жетонами, пригодными только для обмена. Они — не некие «требования к обществу». Деньги — не гарантия фиксированного уровня цен. Это просто товар. Деньги отличаются от других товаров только тем, что они пользуются спросом главным образом как средство обмена. Но помимо этой особенности они являются товаром.

Как и все товары, они характеризуются наличием определенного запаса. Люди предъявляют спрос на покупку этого товара и на обладание им. Как и для обычных товаров, «цена» денег — выраженная в других товарах — определяется соотношением их совокупного предложения, или запаса, и совокупного

[1] О происхождении денег см.: *Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992. С. 217—242; *Мизес Л. фон.* Теория денег и средств обращения. Челябинск: Социум, 2007.

спроса на их покупку и хранение. Люди «покупают» деньги путем продажи за них своих товаров и услуг, а покупая товары и услуги, они «продают» деньги.

4. Значение денег

Возникновение денег стало великим благом для человеческой цивилизации. Без денег, без этого общего средства обмена, не могло бы существовать настоящей специализации, не могла бы появиться развитая экономика. Экономическое развитие не пошло бы далее скудного, примитивного уровня. С появлением товара под названием «деньги» исчезают проблемы неделимости и «несовпадения потребностей», так досаждавшие бартерному обществу. Теперь Джонс сможет нанять рабочих и заплатить им... деньгами. Смит отдаст сделанный им плуг в обмен на единицы... денег. Денежный товар делим на мелкие единицы и принимается всеми. Это означает, что все товары и услуги продаются за деньги, после чего деньги вновь используются для покупки других нужных людям товаров и услуг. Благодаря деньгам может быть сформирована развитая «структура производства», в рамках которой земля, услуги труда и капитальные товары совместно участвуют в развитии производства на каждой его стадии и получают платежи деньгами.

Появление денег приносит огромную пользу еще одного рода. Так как все обмены осуществляются в деньгах, то все меновые отношения выражены в деньгах. Тем самым люди получают возможность сравнить

рыночную стоимость каждого товара со стоимостью любого другого товара. Раз телевизор обменивается на 3 унции золота, а автомобиль обменивается на 60 унций золота, то каждый понимает, что на рынке один автомобиль «стоит» 20 телевизоров. *Эти меновые отношения и есть цены*, а денежный товар служит общим знаменателем для всех цен. Только установление денежных цен на рынке создает условия для развития цивилизованной экономики, поскольку только они позволяют предпринимателям производить экономические расчеты. Теперь предприниматели могут судить о том, насколько хорошо они удовлетворяют потребности потребителей, сравнивая цены, по которым продают свою продукцию, с ценами на факторы производства (своими «затратами»). Так как все эти цены выражены в деньгах, предприниматели могут установить, получают ли они прибыль или терпят убытки. Именно этими расчетами руководствуются предприниматели, работники и землевладельцы в своем стремлении получить денежный доход. Только с помощью таких расчетов ресурсы распределяются по наиболее производительным способам их использования, т.е. по таким, которые в наибольшей степени удовлетворяют нужды потребителей.

Во многих учебниках по экономике утверждается, что деньги выполняют несколько функций. Деньги являются и средством обмена, и единицей учета, и «мерой ценности», и «средством сохранения ценности» и т.д. Однако все эти функции являются простыми следствиями одной главной: служить средством об-

мена. Именно в силу того, что золото является общепринятым средством обмена, т.е. обладает наибольшей обмениваемостью, его можно хранить с тем, чтобы использовать в качестве средства обмена в будущем, точно так же, как оно используется в настоящем. Именно поэтому все цены выражаются в единицах золота[1]. Поскольку золото является товарным посредником для всех обменов, оно может служить в качестве единицы учета для настоящих и ожидаемых будущих цен. Важно понять, что деньги не могут быть абстрактными единицами учета или прав требования. Они являются таковыми только в той мере, в какой служат в качестве средства обмена.

5. Денежная единица

Теперь, когда мы поняли, как появились деньги и что они порождают, мы можем спросить себя: как используется денежный товар? Или, говоря более конкретно, что представляет собой денежный запас, или общий объем предложения денег в обществе, и как устроен денежный обмен?

Прежде всего отметим, что большинство товаров торгуются на вес. Вес является отличительным признаком материальных товаров, поэтому торговля ведется в таких единицах, как тонны, фунты, унции,

[1] Деньги не «измеряют» цены или ценность; они являются общим знаменателем для их выражения. Цены выражаются в деньгах, а не измеряются ими.

граны[1], граммы и т.д.[2] Золото не является исключением. Золото, подобно другим товарам, будет торговаться в единицах веса[3].

Очевидно, что размерность общей единицы, избранная для применения в торговле, для экономиста не имеет значения. В одних странах люди используют метрическую систему и предпочитают считать в граммах; в других, таких как Англия или Америка, — в гранах или унциях. Все единицы веса легко переводятся из одной в другую: 1 фунт равен 16 унциям; 1 унция равна 437,5 грана, или 28,35 грамма и т.д.

Предполагая, что в качестве денег выбрано золото, мы считаем несущественным вопрос о размерности золотой единицы, используемой в расчетах. Джонс может продать куртку за одну унцию золота в Америке или за 28,35 грамма во Франции. Обе цены идентичны.

Может показаться, что мы обсуждаем очевидные вещи. Но скольких бедствий можно было бы избежать, если бы люди полностью осознавали эти простые истины! Например, почти все думают о деньгах, как о различных абстрактных единицах, каждая из которых ха-

[1] [Гран — мера веса, = 0,065 *г*. — *Прим. пер.*]

[2] Даже когда товары номинально обмениваются на основании единиц объема (кипа, бушель и т.д.), неявно предполагается, что единица объема имеет стандартный вес.

[3] Одним из главных достоинств золота является его однородность: в отличие от многих других товаров оно не имеет отличий в качестве. Унция чистого золота равна любой другой унции чистого золота во всем мире.

рактерна для определенной страны. Даже во времена золотого стандарта люди мыслили так же. Даже тогда американскими деньгами были «доллары», французскими — «франки», немецкими — «марки» и т.д. Признавалось, что все национальные валюты «привязаны к золоту», но при этом все они рассматривались как суверенные и независимые. Это обстоятельство, кстати, позже облегчило странам отказ от золотого стандарта. Однако все эти наименования были просто названиями единиц веса золота и серебра.

Британский фунт стерлингов первоначально обозначал вес фунта серебра. А что такое доллар? Вначале доллар являлся общепринятым названием веса унции серебра, чеканившейся в XVI в. фон Шликом, богемским графом. Граф фон Шлик жил в местности, носившей название долина св. Иоахима, или по-немецки Joachimstal (от имени Joachim и слова Tal, означающего по-немецки «долина»). Монеты графа заработали высокую репутацию в силу их единообразия и чистоты металла. Их называли «Joachim's taler», или просто «талеры». От этого слова («талер») и произошло слово «доллар»[1].

Таким образом, на свободном рынке различные названия денежных единиц являются просто определениями единиц веса. Когда до 1933 г. у нас в США существовал золотой стандарт, люди часто говорили,

[1] [Существует альтернативное объяснение происхождения названия «талер». Согласно ему, слово «талер» более древнее и восходит к немецкому der Teil — часть. — *Прим. науч. ред.*]

что «цена золота» «зафиксирована на уровне двадцати долларов за унцию золота». Но такой взгляд на наши деньги способствовал опасным заблуждениям. В действительности *доллар был определен как название такого количества золота, которое весило примерно* $^1/_{20}$ *унции*. Именно поэтому все разговоры о «курсах обмена» валюты одной страны на валюту другой вводили людей в заблуждение. «Фунт стерлингов» на самом деле не «обменивался» на 5 «долларов»[1]. Доллар был определен как $^1/_{20}$ унции золота, а фунт стерлингов в то время был определен как название для приблизительно $^1/_4$ унции золота. Вот почему фунт стерлингов «продавался» за 5 долл., — $^1/_4$ унции золота просто меняли на $^5/_{20}$ унции золота. Ясно, что такие «обмены» и такая путаница названий сбивали с толку и вводили в заблуждение.

Ниже, в главе о вмешательстве государства в систему денежного обмена, мы покажем, как возник этот сумбур. На абсолютно свободном рынке золото бы обменивалось просто как «граммы», граны или унции, и все эти сбивающие с толку названия, все эти «доллары», «франки» и т.п. были бы излишними. Поэтому в этом разделе мы будем считать, что деньги обмениваются непосредственно в граммах или гранах.

Очевидно, что в качестве общепринятой единицы рынок выберет наиболее удобный вес денежного товара. Если бы деньгами была платина, вероят-

[1] В действительности фунт стерлингов обменивался на 4,87 долл., но мы используем цифру 5 долл. для простоты расчетов.

но, она торговалась бы долями унции; если бы использовалось железо, то счет шел бы на фунты или тонны. Для экономиста масштаб денежной единицы не имеет значения.

6. Форма денег

Если масштаб и наименование денежной единицы не имеют экономического значения, то этого нельзя сказать о форме денежного металла. С того момента, когда товары из некоего металла становятся деньгами, весь доступный людям запас металла образует мировой запас денег. Не имеет значения, в какой форме находится весь этот металлический фонд. Если деньгами является железо, то деньгами является все железо независимо от того, существует ли оно в форме брусков или воплощено в деталях сложных механизмов[1]. Золото использовалось в качестве денег в виде самородков, золотого песка и даже в виде ювелирных украшений. Не должно вызывать удивления, что золото или другие деньги могут торговаться, пребывая в самых разных формах, поскольку единственной важной характеристикой является их вес.

Следует, однако, признать, что одни формы часто более удобны, чем другие. В течение веков для обслуживания мелких повседневных сделок золото и серебро использовались в форме монет, а для крупных

[1] Железные мотыги активно использовались в качестве денег в Азии и Африке.

сделок — в виде больших брусков. Из остального золота изготавливались ювелирные украшения и другие драгоценности. Любое преобразование металла из одной формы в другую требует затрат времени, усилий и других ресурсов. Выполнение этой работы — такой же бизнес, как и любой другой. Цены на эти услуги будут устанавливаться так же, как обычно. Многие согласны с тем, что изготовление ювелирами украшений из самородного золота законно. Но люди часто отрицают применимость этого принципа к изготовлению монет. Однако на свободном рынке чекан монет представляет собой, по сути дела, такой же бизнес, как и любой другой.

Во времена золотого стандарта многие монеты считались в некотором смысле более «настоящими» деньгами, чем простые, не отчеканенные золотые «слитки» (в форме брусков, болванок или в любой другой). Действительно, монеты включали в себя премию по сравнению со слитком, но причина была не в неких мистических свойствах монет. Просто изготовить монеты из слитка стоит дороже, чем переплавить монеты в слиток. Вследствие этой разницы на рынке монеты ценились выше[1].

[1] [На наш взгляд, это объясняется дополнительной ценностью монет, премией, связанной с экономией на взвешивании и удостоверении пробы, а уже эта добавочная ценность делает экономически оправданной соответствующие затраты. — *Прим. науч. ред.*]

7. Частный чекан монет

Идея частной чеканки сегодня кажется настолько странной, что ее стоит подвергнуть тщательному исследованию. Мы привыкли думать о чеканке монеты как о неотъемлемом «атрибуте власти». Но в конце концов мы — американцы, граждане республики, и именно поэтому не разделяем теории «королевской прерогативы». Кроме того, именно в соответствии с американской политической концепцией источником власти является не государство и его институты, а народ.

Как мог бы функционировать частный чекан? Мы уже отвечали на этот вопрос — так же, как функционирует любой другой частный бизнес. Каждый монетчик производил бы монеты такого веса и формы, которые в наибольшей степени устраивали бы потребителя. Цены на монеты устанавливались бы в ходе свободной рыночной конкуренции.

Обычное возражение на это состоит в том, что тогда при каждой сделке возникнет слишком много сложностей с определением веса и пробы этих изготовленных частным образом кусочков золота. Но что может помешать монетчикам ставить на свои изделия штамп с указанием веса и пробы? Частный мастер может гарантировать качество своих монет ничуть не в меньшей степени, что и государственный. Изношенные кусочки металла не принимались бы в этом случае за полноценные монеты. Люди использовали бы монеты тех мастеров, продукция которых имеет наиболее высокую репутацию благодаря своему качеству. Выше мы

видели, что именно так из всех европейских монет выделился предок доллара, — талер — конкурентоспособная серебряная монета.

Оппоненты частного чекана предсказывают широкое распространение мошенничества. Но эти же оппоненты склонны доверить осуществление чекана монет государству. Однако, если государству вообще можно доверять, тогда не подлежит сомнению, что в условиях частного чекана государству можно было бы доверить и предотвращение мошенничества, а также наказание мошенников.

Считается, что именно предотвращение и наказание мошенничества, воровства и других преступлений является оправданием самого существования государства. Но если государство не может арестовать преступника в условиях, когда общество доверяет частному чекану, то как можно рассчитывать на надежность процесса изготовления денег, когда мы отказываемся от честности частного рынка в пользу государственной монополии?

Если государству нельзя доверить поимку случайного преступника на свободном рынке монетного чекана, то почему ему можно доверять в ситуации, когда у него в руках оказывается полный контроль над деньгами?

Ведь тогда государство, став единственным оператором рынка, станет и единственным потенциальным нарушителем. Оно к тому же будет иметь освященную законом санкцию на нарушения. Государство в этих условиях сможет спокойно снижать ценность мо-

нет, подделывать их и применять другие недозволенные методы, не имеющие шансов на успех в условиях свободного рынка.

Говорить о том, что государство должно обобществить всю собственность для того, чтобы помешать кражам, есть очевидная глупость. Однако в основе идеи насильственного прекращения частного производства монет лежит точно такая же логика.

Кроме того, стоит напомнить, что практика гарантирования стандартов лежит в основе буквально всех видов бизнеса. Аптеки продают лекарства в пузырьках по 8 унций, говядина продается в однофунтовой расфасовке. Покупатели ожидают соблюдения стандартов веса, и эта гарантия действительно соблюдается. Вспомним о миллионах видов выпускаемой сегодня промышленной продукции, удовлетворяющей весьма жестким спецификациям и требованиям стандартов. Покупатель болта диаметром $^{1}/_{2}$ дюйма получит именно полудюймовый болт, а не болт диаметром $^{3}/_{8}$ дюйма.

И несмотря на наличие этого обстоятельства, бизнес не рушится. Немногие считают, что государство для исполнения своей функции защитника стандартов от подделок должно национализировать машиностроительные предприятия. Современная рыночная экономика состоит из бесконечно большого числа сложнейших обменных цепочек, которые решающим образом зависят от соблюдения стандартов количества и качества. Мы видим, что на практике мошенничество сведено к минимуму, да и эти немногочисленные случаи выявляются

и преследуются по закону, по крайней мере теоретически. С частным чеканом было бы то же самое. Мы можем быть уверены, что клиенты частного монетчика (а также его конкуренты) внимательнейшим образом будут отслеживать каждый случай мошенничества с весом или пробой производимых им монет[1].

Сторонники установления государственной монополии на изготовление монет указывают на то, что деньги отличаются от других товаров. Они ссылаются при этом на «закон Грэшема», утверждая, что, согласно этому закону, в процессе обращения «плохие деньги вытесняют хорошие». Поэтому, говорят они, свободному рынку нельзя доверять обеспечение общества хорошими деньгами.

Эта формулировка основана на неверной интерпретации знаменитого закона Грэшема. В действительности этот закон звучит следующим образом: «Деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им».

Предположим, например, что в обращении находятся золотые монеты, каждая из которых весит одну унцию. Через несколько лет в силу естественного снашивания некоторые монеты станут весить, скажем, 0,9 унции. Очевидно, что на свободном рынке за 100 изношенных монет будут давать только 90 пол-

[1] См.: *Spencer H.* Social Statics. New York: D. Appleton & Co., 1890. P. 438. [*Спенсер Г.* Социальная статистика. Челябинск: 2009. С. 418.]

ноценных. Иными словами, изношенная монета будет воплощать в себе только 90% ценности полновесной монеты. Это означает, что при обменах номинальная ценность изношенных монет перестанет приниматься во внимание[1]. Если уж на то пошло, то именно «плохие» монеты будут удалены с рынка.

Ситуация кардинально меняется, если неким государственным актом установлено, что каждый *должен* считать изношенные монеты полностью равными полновесным монетам и *обязан* принимать их к оплате наравне с полновесными. Что в действительности сделало государство этим актом? Оно принудительно ввело государственное регулирование цен, вмешавшись в процесс установления «обменных курсов» двух типов монет. Настаивая на обмене по номиналу в ситуации, когда изношенные монеты обмениваются с 10%-ной скидкой, государство искусственно завышает ценность изношенных монет и недооценивает новые. Следовательно, в обменах все будут пользоваться изношенными монетами, предпочитая накапливать или экспортировать новые, полноценные монеты. А на свободном рынке «плохие деньги» вовсе

[1] Для решения проблемы износа частные монетчики могут либо устанавливать временно́й лимит на клеймо, гарантирующее вес, либо соглашаться заново перечеканивать монеты, сохраняя или уменьшая их вес. Мы можем отвлечься от того факта, что в свободной экономике не будет принудительной стандартизации монет, существующей при государственной монополии на управление деньгами.

не вытесняют «хорошие». Закон Грэшема представляет собой непосредственный результат государственного вмешательства.

Несмотря на бесконечные притеснения со стороны государства, порождавшие чрезвычайную нестабильность рыночных условий, на протяжении человеческой истории частные системы предложения денег неоднократно испытывали периоды настоящего процветания. В полном соответствии с законом, согласно которому источником всех новшеств является не государство, а свободные индивиды, первые монеты были отчеканены частными лицами и частными ювелирами. На самом деле, когда правительство впервые начало пытаться монополизировать чеканку монет, королевские монеты опирались на гарантию частных банкиров, которым публика доверяла гораздо больше, чем правительству. В Калифорнии золотые монеты частной чеканки обращались до 1848 г.[1]

[1] Исторические примеры частного чекана см.: *Barnard B. W.* The Use of Private Tokens for Money in the United States // Quarterly Journal of Economics (1916—1917). P. 617—626; *Conant C. A.* The Principles of Money and Banking. Vol. I. New York: Harper Bros., 1905. P. 127—132; *Spooner L.* A Letter to Grover Cleveland. Boston: B. R. Tucker, 1886. P. 79; *Laughlin J. L.* A New Exposition of Money, Credit and Prices. Vol. I. Chicago: University of Chicago Press, 1931. P. 47—51. О чекане монет см. также: *Mises.* Op. cit. P. 65—67; *Cannan E.* Money. 8th ed. London: Staples Press, Ltd., 1935. P. 33 ff.

8. Проблема «правильного количества» денег

Теперь мы можем вернуться к вопросу: из чего складывается совокупное предложение денег в обществе и как это предложение используется? В частности, мы можем задаться вечным вопросом: сколько денег «нам надо»? Следует ли регулировать предложение денег в соответствии с неким «критерием» или в решении этой задачи можно положиться на свободный рынок?

Во-первых, в каждый данный момент времени совокупным запасом или предложением денег в обществе является общий вес существующего денежного материала. На данном этапе изложения предположим, что в роли денег в ходе конкуренции на свободном рынке утвердился только один товар. Предположим далее, что этим товаром является золото (мы могли бы в качестве примера взять и серебро, и даже железо, но в действительности не «мы», а рынок выбирает наиболее подходящий товар для использования в качестве денег). Форма золота не имеет значения, кроме тех ситуаций, когда затраты, связанные с каким-то определенным преобразованием золотого материала, превышают затраты на другой вид воздействия на него (например, когда затраты на чеканку выше, чем на переплавку). В этом случае в качестве расчетной денежной единицы рынком будет выбрана одна из форм золотого материала. Использование других форм будет сопровождаться премией или скидкой в зависимости от определяемых рынком относительных затрат на их производство.

Изменение совокупного запаса золота будут определять те же причины, которые определяют изменение запаса любых других товаров. Запас золота, совокупный золотой фонд, будет увеличиваться вслед за ростом золотодобычи и уменьшаться по мере снашивания металла, в процессе его использования в промышленности и вследствие других видов неденежного потребления. Поскольку рынок выберет на роль денег товар длительного пользования и деньги не потребляются с такой же интенсивностью, что другие товары, а используются в качестве средства обмена, доля нового ежегодного производства в совокупном накопленном запасе будет весьма незначительной. Поэтому изменения в совокупном запасе золота будут происходить очень медленно.

Каким же «должно» быть предложение денег? Для ответа на этот вопрос предлагались самые разные критерии. Говорили, что «объем денег должен меняться в соответствии с изменением численности населения», что динамика денежного предложения должна следовать «за объемом торговли», «за количеством произведенных товаров» (часто утверждается, что последнее нужно для того, чтобы обеспечивалась «стабильность общего уровня цен») и т.п. Немногие предлагали оставить решение на усмотрение рынка.

Деньги отличаются от остальных товаров одной существенной особенностью. И осознание этого отличия дает ключ к пониманию денежных вопросов. Увеличение предложения любого другого товара приносит общественную пользу, вызывая подчас всеобщее ликование.

Большее количество потребительских товаров означает более высокий уровень жизни людей; увеличение количества капитальных товаров означает сохранение и повышение уровня жизни в будущем. Открытие новых плодородных земель или запасов ценных природных ресурсов также обещает повысить уровень жизни в настоящем или в будущем. А что можно сказать про деньги? Означает ли добавление денег к существующему совокупному запасу появление неких выгод для всех?

Потребительские товары расходуются в процессе потребления; капитальные товары и природные ресурсы расходуются в процессе производства потребительских товаров. Но в этом смысле деньги не расходуются, ведь их функция — служить посредником в процессе обменов. Они призваны способствовать быстрейшему перемещению товаров и услуг от одного человека к другому. Эти обмены производятся людьми, принимающими решения на основании денежных цен. Если, к примеру, 1 телевизор обменивается на 3 унции золота, мы говорим, что 3 унции золота есть цена телевизора. В любой момент времени все товары в экономике меняются на золото в определенных соотношениях, или, что то же самое, продаются по определенным ценам. Как мы говорили ранее, деньги, или золото, служат общим знаменателем всех цен. А что же сами деньги? Есть ли «цена» у них?

Так как цена есть просто меновое отношение, то понятно, что она есть и у денег. Но в случае денег «цена» есть *набор бесконечного числа меновых отношений всех товаров, присутствующих на рынке*.

Предположим, что телевизор стоит 3 унции золота, автомобиль — 60 унций, батон хлеба — $^{1}/_{100}$ унции, один час юридических консультаций мистера Джонса — 1 унцию. Тогда «ценой денег» будет *бесконечный набор альтернативных обменных соотношений*. 1 унция золота будет «стоить» *либо* $^{1}/_{3}$ телевизора, *либо* $^{1}/_{60}$ автомобиля, *либо* 100 батонов хлеба, *либо* 1 час юридической консультации мистера Джонса и так далее по всему списку имеющихся возможностей. Цена денег — это «покупательная способность» денежной единицы, в данном случае — 1 унции золота. Она говорит нам о том, что́ можно купить в обмен на эту унцию, точно так же, как денежная цена телевизора говорит нам, сколько денег можно получить в обмен на телевизор.

Что определяет цену денег? То же, что определяет все цены на рынке — старый, но верный закон спроса и предложения.

Всем известно, что если предложение томатов увеличится, то их цена упадет. Мы знаем также, что если вырастет покупательский спрос на томаты, то их цена возрастет. Абсолютно то же самое верно и в отношении денег. Увеличение предложения денег будет снижать их «цену»; увеличение спроса на деньги ее повысит.

Но что представляет собой «спрос на деньги»? Мы знаем, чту означает «спрос» на томаты, это то количество томатов, на покупку которых потребители готовы потратить деньги, плюс те томаты, которые поставщики придерживают, не направляя в продажу. То же самое относится и к деньгам. «Спрос на деньги» означает

различные товары, предлагаемые в обмен на деньги, плюс наличные деньги, которые не тратятся на протяжении некоторого периода времени. В обоих случаях термин «предложение» может относиться к совокупному запасу товара на рынке.

Далее, что произойдет, если предложение золота увеличится, а спрос на деньги останется неизменным? В этом случае упадет «цена денег». Иными словами, покупательная способность денежной единицы упадет для всего списка товаров. Унция золота теперь будет стоить меньше, чем 100 батонов хлеба, $^1/_3$ телевизора и т.д. И наоборот, если предложение денег снизится, то покупательная способность унции золота возрастет.

Каковы последствия изменения предложения денег? Воспользовавшись мысленным экспериментом философа Давида Юма (который, кстати, был одним из первых экономистов), зададим себе вопрос: что произойдет, если добрая фея незаметно подложит деньги (в нашем случае — золото) в наши карманы, кошельки и банковские хранилища, удвоив неким волшебным образом общий запас денег? Станем ли мы в два раза богаче? Очевидно, нет. Богаче нас делает изобилие товаров. Оно ограничивается редкостью ресурсов, а именно земли, труда и капитала. Умножение количества монет *само по себе* не воплотит эти ресурсы во что-то полезное. Мы можем на мгновение *почувствовать* себя так, *как будто* стали в два раза богаче. Но очевидно, что на самом деле мы всего лишь *разбавили* имевшееся предложение денег. Как только народ ринется тратить это нежданно-негаданно обретенное богатство, цены

вырастут в той же мере, т.е. примерно в два раза. Эта оценка очень приблизительна, но что можно утверждать с уверенностью, так это то, что цены будут расти до тех пор, пока не будет удовлетворен спрос и деньги не перестанут конкурировать друг с другом за оставшийся неизменным запас имеющихся товаров.

Таким образом, мы понимаем, что при увеличении предложения денег их цена понижается (как это происходит и в случае с любым другим товаром). При этом в отличие от других товаров изменение объема денег не приносит никакой общественной пользы. Народ в целом не становится богаче. Если потребительские или капитальные товары вносят вклад в повышение уровня жизни, то появление дополнительных денег только повышает цены, т.е. разбавляет их собственную покупательную способность.

Разгадка этой головоломки заключается в том, что деньги *полезны только в той мере, в которой они обладают меновой ценностью*. Другие товары обладают «реальной» применимостью, они используются. Именно поэтому увеличение их предложения удовлетворяет возросшие потребительские запросы. Но в случае денег их единственная полезность состоит в способности участвовать в планируемых обменах. Их полезность заключается в их меновой ценности, в их «покупательной способности». Сформулированный нами выше закон, согласно которому увеличение денег не приносит общественной пользы, вытекает из уникальности способа их применения — служить средством обмена.

Итак, увеличение предложения денег лишь снижает

эффективность каждой унции золота. С другой стороны, уменьшение предложения денег повышает способность каждой унции золота выполнять свою функцию. Мы приходим к поразительному выводу: *величина предложения денег не имеет значения*. Любой объем денежного предложения будет действовать так же, как и любой другой. Свободный рынок просто адаптируется, изменив покупательную способность или эффективность золотой денежной единицы. Нет никаких оснований вмешиваться в действие рынка с целью изменить определенное им предложение денег.

Здесь сторонник государственного регулирования денег может возразить: «Хорошо, пусть увеличение предложения денег бессмысленно. Но не является ли тогда бесполезной растратой ресурсов и добыча золота? И не следует ли государству сохранять предложение денег на постоянном уровне, запретив золотодобычу?»

Этот аргумент способен убедить тех, кто не имеет принципиальных возражений против вмешательства государства не в свои дела. Однако последовательных защитников свободы он не убедит. В этом возражении упускается из виду одна важная деталь: золото является не только деньгами, но и товаром. Увеличение предложения золота может не приносить денежной пользы, но это увеличение имеет и «неденежное» следствие, а именно оно увеличивает предложение золота, используемого в потреблении (украшениях, стоматологии и т.д.) и производстве (во многих отраслях промышленности). Поэтому золотодобыча вовсе не является для общества растратой или потерями.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, как и для любых других товаров, установление объема предложения денег лучше всего предоставить свободному рынку. Помимо общих этических и экономических преимуществ свободы по сравнению с принуждением, никакое установленное в приказном порядке количество денег не будет действовать лучше по сравнению с любым другим. Свободный рынок установит производство золота на уровне, соответствующем его относительной (по сравнению со всеми остальными производимыми товарами) способности удовлетворять нужды потребителей[1].

9. Проблема «тезаврации»

Однако критиков денежной свободы не так-то просто убедить помолчать и подумать. Они апеллируют, в частности, к существующему до сих пор древнему страху «тезаврации». При слове «скупец» воображение рисует образ эгоистичного старого скряги, который, движимый каким-то иррациональным стремлением, или в силу своей природной порочности, копит золото в своем подвале или закапывает его в кладах. Тем самым он прерывает процесс обращения, останавливает торговлю, вызывая депрессию и порождая другие экономические проблемы. Посмотрим, действительно ли тезаврация представляет собой некую опасность?

[1] Разумеется, золотодобыча не является более прибыльной, чем любой другой бизнес; в долгосрочной перспективе ее рентабельность будет равна чистой рентабельности любой другой отрасли.

Прежде всего отметим, что на самом деле произошло лишь увеличение спроса на деньги со стороны этого скряги. В результате падают цены на товары и повышается покупательная способность каждой унции золота. Общество не понесло никаких потерь. Оно просто оперирует более низким активным предложением денег, а каждая унция золота является более «сильной» в терминах количества благ, которые можно на нее купить.

Даже самый пессимистический взгляд на эту проблему показывает, что все идет нормально и денежная свобода не создает трудностей. Но у этой проблемы есть еще один аспект. Нет ничего иррационального в том, что люди желают иметь больший или меньший запас наличных денег, или, как еще называют этот запас, остатки наличности.

Давайте остановимся на остатках наличности более подробно. Почему люди вообще создают запасы наличности? Предположим, что каждый из нас способен предсказать будущее с абсолютной определенностью. В этом случае никому не пришлось бы держать на руках запас наличных денег. Каждый знал бы точно, какой доход он получит в любой момент в будущем и сколько он потратит. Не было бы никакой необходимости держать деньги на руках. Избыточное в данный момент золото ссужалось бы с тем, чтобы получать необходимую сумму в тот самый день, когда должны делаться запланированные расходы. Но мы живем в мире, который является принципиально неопределенным. Люди не могут знать точно, что с ними случится или какими будут их будущие доходы и расходы. Чем

больше неизвестность и неуверенность, тем больший запас наличных денег люди захотят иметь.

Другая причина хранения наличных также является следствием неопределенности реального мира. Если люди ожидают, что в ближайшее время цена денег упадет, они будут тратить свои деньги сейчас, пока их ценность выше, тем самым «детезаврируя» их и снижая свой спрос на деньги. Наоборот, если они считают, что цена денег возрастет, то будут ждать этого момента для того, чтобы потратить свои деньги позже, когда они станут более ценными, а спрос на наличность увеличится. Таким образом, спрос людей на остатки наличности возрастает и снижается по понятным причинам и на основании вполне рациональных соображений.

Экономисты ошибочно считают «неправильной» ситуацию, при которой деньги не находятся в процессе постоянной активной «циркуляции». Да, деньги полезны только благодаря их меновой ценности, но *они полезны не только в тот момент, когда фактически совершается акт обмена*. Эту истину часто игнорируют. «Праздно» лежащие в составе чьих-то остатков наличности деньги и даже деньги, пребывающие в сокровищах скупца, полезны не менее, чем деньги, находящиеся в обороте[1]. Потому что деньги, которые хра-

[1] В какой момент запас наличности человека превращается в пользующееся дурной славой «сокровище», а предусмотрительный человек в скрягу? Здесь невозможно установить четкого критерия: как правило, обвинение в «тезаврации» означает, что *A* хранит больше наличности, чем ему следует хранить, по мнению *B*.

нятся в ожидании возможного будущего обмена, полезны своему владельцу прямо сейчас. Такое хранение делает возможным совершение обменов в любое время — сейчас или в будущем — как только у их владельца возникнет такое желание.

Напомним, что все золото кому-то принадлежит. Поэтому все золото должно находиться в остатках наличности людей. Если в обществе есть 3000 тонн золота, то все эти 3000 тонн должны иметь владельцев и в каждый момент времени храниться в составе их остатков наличности. Общая сумма индивидуальных остатков наличности всегда тождественна совокупному предложению денег в обществе.

Ирония состоит в том, что если бы в реальном мире не было неопределенности, то денежная система вообще не могла бы существовать! В полностью определенном мире никто не стремился бы хранить наличность, поэтому спрос на деньги в таком обществе снизился бы до бесконечно малой величины, цены бы без конца росли и вся денежная система рухнула. Существование остатков наличности не является досадным и создающим неудобства фактором, искажающим денежный обмен. Наоборот, эти остатки абсолютно необходимы любой денежной экономике.

Остановимся теперь на выражении «денежное обращение». Оно предполагает, что деньги обращаются, или, как еще говорят, «циркулируют». Очевидно, это словосочетание вводит нас в заблуждение. Подобно всем метафорам, заимствованным из физических наук, оно подразумевает некий независимый от

воли людей механический процесс, который осуществляется с некоторой скоростью. Только в рамках этой картины мира имеется *поток* денежного обращения, для которого определено понятие «*скорость обращения*». В действительности, однако, деньги не «циркулируют». Они время от времени передаются от одного человека другому, перемещаясь из запаса наличности одного в запас наличности другого. Еще раз повторим, от желания людей хранить запас наличности зависит само существование денег.

В начале этого раздела говорилось о том, что «тезаврация» не причиняет никакого ущерба обществу. Сейчас мы поймем, что изменение цены денег, вызываемое изменениями в спросе на деньги, приносит общественную пользу — точно такую же, какую приносит увеличение предложения товаров и услуг.

Мы видели, что общая сумма всех имеющихся в обществе остатков наличности равна и тождественна совокупному предложению денег. Пусть предложение остается постоянным, на уровне, скажем, 3000 тонн. Далее предположим, что по какой-то причине (возможно, под влиянием усилившихся дурных предчувствий) люди увеличили спрос на остатки наличности. Несомненно, удовлетворение этого спроса является благом для общества. Но как же он может быть удовлетворен, если общая сумма наличности постоянна? Очень просто: раз люди ценят остатки наличности более высоко, чем остатки товаров, то спрос на деньги увеличится, а цены товаров упадут. В результате в той же величине остатков наличности будет воплощена более высокая, чем ра-

нее, «реальная» величина остатков наличности. Иными словами, ценность остатков наличности стала выше *по отношению к ценам товаров* — к той «работе», которую должны «выполнить» деньги. Кратко это называется увеличением эффективных остатков наличности. Снижение спроса на наличность, напротив, приведет к увеличению расходов и к более высоким ценам. Стремление людей иметь более низкие эффективные остатки наличности будет удовлетворено тем, что данной сумме наличности придется выполнять больше работы.

Итак, изменение цены денег, вызванное изменением денежного предложения, лишь меняет эффективность денежной единицы, не принося никакой общественной пользы. В то же время понижение или повышение, вызываемое изменением в *спросе* на остатки наличности, *приносит* общественную пользу — оно удовлетворяет желание людей иметь либо более высокое, либо более низкое отношение остатков наличности к той работе, которую необходимо выполнить наличным деньгам. С другой стороны, увеличение *предложения* денег будет препятствовать спросу людей на *эффективный* (в терминах покупательной способности) совокупный объем наличности.

Почти всегда люди говорят, что хотели бы иметь как можно больше денег. Но в действительности они хотят иметь не просто больше денежных единиц — унций золота или «долларов». Люди стремятся иметь больше *эффективных* единиц, т.е. они хотели бы получить возможность приобретать за деньги больше товаров и услуг. Мы видели, что общество не может

удовлетворить свой спрос на большее количество денег путем увеличения их предложения, так как увеличившееся предложение просто разбавит эффективность каждой унции, и «изобилие денег» будет не выше, чем до этого. Уровень жизни нельзя повысить увеличением золотодобычи (мы не принимаем сейчас во внимание немонетарное использование золота). Если люди хотят иметь в составе своих остатков наличности более эффективные унции золота, они могут добиться этого только посредством снижения цен и повышения эффективности каждой унции.

10. Проблема «стабильного уровня цен»

Некоторые теоретики называют свободную денежную систему неразумной на основании того, что она не позволяет «стабилизировать уровень цен», т.е. не сохраняет цену денежной единицы постоянной. При этом они исходят из допущения, согласно которому деньги являются фиксированным и неизменным измерителем. Поэтому, говорят они, ценность денег, их покупательную способность, следует стабилизировать. Поскольку на свободном рынке цена денег неизбежно будет колебаться, то для обеспечения стабильности свободу следует заменить государственным управлением[1]. Стабильность денег обеспечит

[1] Здесь неважно, как именно государство будет решать эту проблему. В своей основе это будут управляемые государством изменения в предложении денег.

справедливость, например, в отношении должников и кредиторов, которые будут уверены, что выплачиваемые доллары или унции золота имеют ту же покупательную способность, что и данные в долг.

Однако, если кредиторы и должники желают застраховаться от будущих изменений в покупательной способности, они легко могут это сделать на свободном рынке. В контракте может быть оговорено, что сумма выплат будет скорректирована в соответствии с согласованным индексом изменения ценности денег. Сторонники стабилизации давно предлагают подобные меры, но, как это ни странно, те самые кредиторы и заемщики, которые, как полагают, больше всего выиграют от стабильности, редко пользуются этой возможностью. Должно ли правительство силой навязывать некие «выгоды» людям, которые уже открыто их отвергли? Видимо, в нашем мире неустранимой неопределенности коммерсанты скорее будут делать ставку на свою способность прогнозировать ситуацию на рынке. Они могут менять свое поведение в ответ на изменения в спросе. Почему они не могут делать это, реагируя на изменения цены денег?

Будучи реализованной на практике, искусственная стабилизация серьезно исказит и деформирует действие рынка. Как мы уже указывали, людям не удастся реализовать свое желание изменить реальную пропорцию остатков наличности. У них не будет никакой возможности изменить соотношение между остатками наличности и ценами. Кроме того, повышение

уровня жизни людей есть следствие инвестирования. Повышение производительности ведет к снижению цен (и издержек) и тем самым распространяет плоды свободного предпринимательства среди всех людей, повышая уровень жизни всех потребителей. Принудительное поддержание уровня цен мешает распространению более высокого уровня жизни.

Одним словом, деньги не являются «фиксированным измерителем». Деньги — это товар, который служит в качестве средства обмена. Гибкость его ценности в ответ на спрос потребителей столь же важна и столь же благотворна, как и всякое свободное рыночное ценообразование.

11. Параллельные денежные системы

Итак, на данный момент мы имеем следующую систему принципов функционирования денег в совершенно свободной рыночной экономике.

В качестве средства обмена используются золото и серебро. Золотые монеты производятся конкурирующими частными фирмами, они обращаются, обмениваясь по весу. Рыночные цены свободно колеблются в ответ на колебания спроса потребителей и предложения производственных ресурсов. Из свободы цен необходимо следует свобода изменения покупательной способности денежной единицы: невозможно силовыми методами вмешаться в изменение ценности денег без того, чтобы одновременно не нанести вред гибкой системе свободных цен всех товаров.

Экономика, основанная на этих принципах, не будет хаотичной. Наоборот, постоянно стремясь удовлетворить желания потребителей, такая экономика будет работать быстро и эффективно. Денежный рынок также может быть свободным.

До сих пор мы упрощали проблему, предполагая, что существует только один денежный металл, скажем, золото. Предположим, что на мировом рынке имеют хождение два или более вида денег, например золото и серебро. Возможно, золото будет являться деньгами, обслуживающими обмены в одной сфере, а серебро — в другой. Они могут также находиться в обращении одновременно. Например, золото, имеющее бóльшую удельную ценность, может использоваться в крупных сделках, а серебро — в мелких. Не приведет ли наличие двух видов денег к хаосу? Может быть, государству стоит вмешаться и установить фиксированное соотношение между ними («биметаллизм») или каким-то способом демонетизировать один из металлов (установив «единый стандарт», или «монометаллизм»)?

Вполне возможно, что свободный рынок, предоставленный сам себе, в конце концов утвердит в качестве денег один металл. Мы видим, что на протяжении последних нескольких веков серебро упорно конкурировало с золотом. Однако государству нет необходимости вмешиваться и спасать рынок, считая желание поддерживать два вида денег досадным капризом. Серебро оставалось в обращении именно ввиду его удобства (например, для мелкой разменной

монеты). Серебро и золото вполне могут находиться в обращении одновременно, и в прошлом имела место именно такая ситуация. Курс обмена между этими двумя металлами определится спросом и предложением на них. Этот курс, как и любая другая цена, будет постоянно колебаться в ответ на эти относительные изменения спроса и предложения. В какой-то период времени серебро и золото будут обмениваться в пропорции, скажем, 16:1, в другой период — 15:1 и т.д. Какой металл будет использоваться в качестве единицы учета, зависит от конкретных обстоятельств рынка. Если расчетной денежной единицей будет золото, тогда бóльшая часть сделок будет считаться в унциях золота, а унции серебра будут обмениваться по свободно колеблющимся ценам, выраженным в золоте.

Следует понимать, что курсы обмена и покупательная способность единиц этих двух металлов будут стремиться к пропорциональности. Если цены товаров, выраженные в серебре, в 15 раз выше, чем цены, выраженные в золоте, то курс обмена будет на уровне 15:1. В противном случае будет выгодно менять один металл на другой до тех пор, пока не будет достигнут паритет. Поэтому если цены, выраженные в серебре, в 15 раз выше, чем цены, выраженные в золоте, а серебро меняется на золото как 20:1, то люди будут стремиться продавать свои товары за золото, покупать серебро, а затем выкупать товары за серебро, получая значительный выигрыш. Это быстро восстановит «паритет покупательной способности» обменного курса. По мере того, как золото будет дешеветь от-

носительно серебра, цены товаров, выраженные в серебре, будут расти, а цены, выраженные в золоте, будут снижаться.

Одним словом, в условиях свободной денежной системы рынок является весьма регулярным и эффективным механизмом, даже когда в обращении находится несколько видов денег.

Какой именно стандарт установится, если деньги будут свободными? Это безразлично. Важно, чтобы стандарт не был навязан государственным актом. Предоставленный сам себе, рынок может выбрать на роль единых денег золото («золотой стандарт»), серебро («серебряный стандарт») либо, что вероятнее всего, оба металла будут деньгами со свободно колеблющимися курсами обмена («параллельные стандарты»)[1].

[1] Исторические примеры параллельных стандартов см.: *Джевонс У. Ст.* Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 74—89; *Lopez R. S.* Back to Gold, 1252 // The Economic History Review. December 1956. P. 224. В современной Европе чекан золотых монет впервые появился одновременно в Генуе и Флоренции. Во Флоренции был установлен биметаллизм, в то время как в «Генуе, наоборот, в соответствии с принципом ограничения насколько возможно вмешательства государства не было попыток навязать фиксированное соотношение между монетами, сделанными из разных металлов» (там же). О теории параллельных стандартов см.: Мизес. Теория денег... Гл. 10. О предложении чиновника Пробирной палаты США о том, чтобы США перешли на параллельный стандарт, см.: *Sylvester J. W.* Bullion Certificates as Currency. New York, 1882.

12. Денежные склады

Предположим далее, что свободный рынок выбрал золото в качестве единых денег (для простоты на данном этапе мы опять не будем принимать во внимание серебро). Даже если золото используется в удобной форме, например в монетах, часто его непосредственное использование в каждой сделке является неудобным. Например, при крупных покупках перевозка нескольких сот фунтов — дорогое и хлопотное дело. На помощь и здесь приходит свободный рынок, всегда готовый удовлетворить общественную потребность.

Прежде всего золото необходимо где-то хранить. Подобно тому, как в других сферах бизнеса в условиях свободного рынка возникает эффективная специализация, она возникнет и в складском бизнесе. На рынке вполне успешными будут компании, предоставляющие услуги по хранению товаров на складах. Некоторые из этих складов будут приспособлены под хранение золота, на них будет храниться золото множества владельцев. Как и для других товаров, сдаваемых на хранение в коммерческий склад, право владельца на хранящиеся товары удостоверяется *складской распиской* (warehouse receipt), которую собственник получает в обмен на сданные ценности. Эта расписка дает владельцу право требовать свой товар в любое время, выбираемое по его желанию. Такой склад будет зарабатывать таким же способом, как и любой другой, взимая плату за хранение.

Есть все основания полагать, что складской бизнес, специализирующийся на хранении золота (денежные склады), в условиях свободного рынка будет развит в той же мере, в какой развит обычный складской бизнес. Более того, для денег склады играют более важную роль, чем для других товаров. Все другие товары в конечном итоге предназначены для потребления, поэтому через определенное время они должны покинуть склад, чтобы быть использованными либо непосредственно, либо в производстве других товаров. Но, как мы выяснили выше, деньги не «используются» в этом, физическом, смысле. Они нужны для обмена на другие товары, а также для того, чтобы пребывать в составе остатков наличности, ожидая будущих обменов. Одним словом, деньги не столько «расходуются» физически, сколько просто переходят от одного человека к другому.

В такой ситуации гораздо удобнее передавать от одного человека к другому не физические массы золота, а складские расписки. Предположим, например, что Смит и Джонс хранят свое золото на одном и том же складе. Джонс продает Смиту автомобиль за 100 унций золота. Они могут избрать дорогой способ совершения этой сделки. Смит предъявляет складу расписку, получает свое золото и везет его в офис Джонса. Затем Джонс везет его назад и опять депонирует на складе уже на свое имя. Они могут выбрать и более удобный способ (у нас нет сомнений, что на практике они выберут именно его): в обмен на автомобиль Смит просто отдаст Джонсу складскую

расписку на получение принадлежащих ему 100 унций золота.

Так складские расписки на депонированные деньги постепенно начинают выполнять функцию *заменителя денег* (money substitutes). Перевозки золота имеют место все реже и реже. Все чаще и чаще в сделках используются бумажные свидетельства или иные документальные права собственности, замещающие физические массы золота.

По мере развития рынка три фактора будут ограничивать процесс такого замещения.

Во-первых, ограничителем является склонность людей использовать такие денежные склады (они называются банками) вместо наличности. Ясно, что если в вышеприведенном примере Джонс почему-то не любит связываться с банками, то Смит будет вынужден привезти ему реальное золото.

Вторым ограничителем степени распространенности складских расписок является количество клиентов у каждого банка. При прочих равных, чем больше сделок происходит между клиентами разных банков, тем больше золота будет транспортироваться. Чем больше обменов осуществляется между клиентами одного банка, тем меньше нужда в перевозках золота. Если бы Джонс и Смит были клиентами разных складов, то банк Смита (или сам Смит) был бы вынужден перевозить золото в банк Джонса.

В-третьих, клиенты должны быть уверены в надежности своих банков. Например, если клиенты внезапно обнаружат, что руководство банка имеет уголов-

ное прошлое, то весьма вероятно, что банк очень скоро лишится своего бизнеса. В этом смысле склады совершенно аналогичны всем другим видам бизнеса, основанным на репутации.

По мере роста банков и повышения доверия к ним клиенты могут посчитать более удобным отказаться от своего права на получение бумажных расписок (в мире банков эти расписки называются банкнотами). Вместо этого клиенты предпочтут держать свои права в виде открытых бухгалтерских счетов (в мире банков это называется банковскими депозитами). Вместо получения бумажных расписок клиент получает требование к банку, зафиксированное в банковских книгах и удостоверяемое соответствующими документами (договором и чеками). Он совершает обмены, выписывая распоряжения своему складу переписать некую сумму со своего счета на имя другого человека (чеки или иные платежные документы). В нашем примере Смит отдаст распоряжение своему банку перевести на Джонса свое требование к банку на получение принадлежащих ему 100 унций золота. Именно такое письменное распоряжение и называется чеком.

Очевидно, что с экономической точки зрения между банкнотами и банковскими депозитами нет никакой разницы. И банкнота, и депозит представляют собой требования на золото, сданное его владельцем на хранение. И банкнота, и депозит используются в качестве денежных заменителей. Для обоих действуют три вышеуказанных ограничения на масштабы применимости. Выбор формы, в которой они будут держать свое

право на золото (в форме банкноты или в форме депозита), клиенты будут осуществлять исходя из соображений удобства[1].

Как повлияют все эти операции на предложение денег? Если бумажные банкноты и банковские депозиты используются в качестве заменителей денег, означает ли это, что фактическое (effective) денежное предложение в экономике увеличится, хотя запас золота останется тем же самым? Разумеется, нет. Заменители денег остаются всего лишь складскими расписками на депонированное золото, количество которого осталось тем же, что и до помещения его на склад. Если Джонс депонировал 100 унций золота в своем банке и получил на него расписку, эту расписку можно использовать как деньги. Но она является удобным *дубликатом* золотого запаса Джонса, *а не дополнением к нему*. Золото Джонса в банковском подвале уже не является частью фактического денежного предложения, оно хранится в качестве *резерва, обеспечивающего выданные под него расписки*, и может быть востребовано по решению владельца в любой момент. Поэтому ни увеличение, ни уменьшение количества денежных заменителей не приводят к изменению суммарного предложения денег. Меняется только *форма* предложения, но не его общая сумма.

[1] Третьей формой заменителей денег являются разменные монеты (token coins). Экономически они полностью эквивалентны банкнотам, их просто «печатают» не на бумаге, а на металле определенной формы.

Пусть общее денежное предложение составляет 10 млн унций золота. Пусть 6 млн унций депонировано в банках, а в обмен выданы банкноты. Тогда общий объем фактического предложения будет состоять из 4 млн унций золота в банке плюс 6 млн унций требований на золото, существующих в форме бумажных банкнот. Общая величина предложения денег останется той же, что и была, — 10 млн унций.

Некоторые утверждают, что банки не смогли бы зарабатывать, если бы действовали на основе такого «100-процентного резерва», при котором каждая расписка представляет определенное количество золота. Однако, как и в случае любого склада, здесь нет никакой проблемы. Для складского бизнеса считается само собой разумеющимся требование постоянно иметь на складе все товары, оставленные на хранение владельцами (хранить 100-процентный резерв). По сути дела, иное поведение рассматривалось бы как мошенничество или кража. Доход складов образован платой, которую они взимают со своих клиентов за оказываемые услуги по хранению ценностей. Банки могут взимать плату за оказываемые услуги совершенно таким же образом. Если кто-то возразит, что потребители не будут платить за эти услуги, то это лишь означает, что услуги банков не пользуются большим спросом. В этом случае использование банков просто-напросто сократится до такого уровня, который потребители посчитают оправданным.

Мы подошли к проблеме, которая больше всего волнует специалистов по денежной теории. Нам нужно

дать оценку практике «банковской деятельности с частичным резервированием» (fractional reserve banking). Мы должны задаться вопросом: может ли в условиях свободного рынка быть разрешена банковская деятельность с частичным резервированием? Или она должна быть запрещена как мошенничество? Хорошо известно, что банки редко поддерживают 100-процентный резерв в течение длительного времени. Поскольку деньги могут оставаться в хранилище очень долго, у банков появляется искушение использовать часть денег для собственных операций. Этому также способствует тот факт, что людям обычно все равно, будут ли золотые монеты, полученные из хранилища, идентичны золотым монетам, которые они туда депонировали. Поэтому банк испытывает соблазн использовать чужие деньги, чтобы заработать на собственных операциях.

Разумеется, если банк прямо ссужает золото, то выданные расписки теряют свою первоначальную и законную силу. Они превращаются в расписки, которым более не соответствует то количество золота, на которое они были выписаны. Фактически с этого момента банк становится банкротом. Он больше не может выполнять свои обязательства, если клиенты захотят вернуть свою собственность.

Как правило, банки поступают по-другому. Вместо того, чтобы выдавать непосредственно золото, они печатают *псевдорасписки*, т.е. такие складские расписки, которым в подвалах банка не соответствует никакое количество золота. Именно эти необеспеченные расписки банк дает в долг, зарабатывая процент.

Очевидно, что экономические последствия в обоих случаях будут одинаковыми. Банк напечатал складские расписки, не имея соответствующего количества золота в своих подвалах. Смотрите, что произошло: банк выпустил складские расписки на золото, которым ничего не соответствует. При этом люди полагают, что все расписки обеспечены золотом на 100% своего номинала. Псевдорасписки воспринимаются рынком с тем же доверием, что и настоящие, увеличивая тем самым фактическое общее предложение денег в стране.

Напомним, что в нашем примере на руках имеется 4 млн унций золота и 6 млн унций депонировано в банках. Соответственно предложение денег равно 10 млн унций и представлено в форме наличного золота (на 4 млн) и банкнот (на 6 млн), полностью обеспеченных золотом. Если банк эмитировал ничем не обеспеченные расписки на 2 млн унций золота (которого нет), то денежное предложение в стране возрастет с 10 до 12 млн унций золота[1] — по крайней мере до тех пор, пока этот трюк не будет раскрыт и не произойдет соответствующей коррекции. До этого момента к 4 млн унций наличного золота, находящегося на руках, добавится на 8 млн унций расписок, причем только 6 млн из них будут обеспечены золотом.

Выпуск псевдорасписок, подобно порче монеты, является типичным примером инфляции — явления,

[1] [Точнее, публика, считая, что денежное предложение выросло указанным образом, будет строить свое экономическое поведение в соответствии с этой оценкой. — *Прим. науч. ред.*]

которое подробно будет исследовано в последующих главах. Инфляцию можно определить как такое увеличение предложения денег, которому не соответствует увеличение общего запаса денежного металла. Таким образом, банковская система с частичным резервированием по своей природе является инфляционным институтом.

Защитники этой системы выдвигают следующий аргумент. Банки, говорят они, ведут себя точно так же, как и любой другой бизнес. Любому бизнесу присущ неустранимый риск. Банкиры — бизнесмены, они рискуют, как и все другие бизнесмены. Конечно, если все вкладчики одновременно предъявят свои требования, то банки обанкротятся, — ведь обращающиеся расписки превышают объем золота в подвалах. Но банки просто делают ставку (и обычно обоснованно) на то, что не все вкладчики потребуют свое золото одновременно.

И в этом отношении, однако, имеется принципиальная разница между банками с частичным резервированием и любым другим бизнесом. Она заключается в следующем: рискуя, владельцы и менеджеры других бизнесов используют либо собственный, либо заемный капитал. Но если они берут кредит, то обязуются погасить его в срок, заботясь о том, чтобы к назначенной дате располагать суммой денег, достаточной для выполнения обязательства. Если Смит занял 100 унций золота на срок 1 год, то он обеспечит наличие у себя этой суммы в момент платежа. Но банк в отличие от обычных заемщиков не занимает деньги у своих вкладчиков. Он не обещает вернуть золото в ка-

кой-то конкретный день в будущем. Вместо этого он гарантирует погашение расписки золотом в любое время по требованию владельца. Иначе говоря, ни банкнота, ни депозит не являются долговым документом, а сумма выпущенных банкнот и депозитов не является задолженностью банка. Это просто складские расписки, удостоверяющие права собственности владельцев золота, сданного на хранение.

Более того, когда коммерсант занимает или ссужает деньги, он ничего не добавляет к предложению денег. Средства, даваемые взаймы, суть *сбереженные* средства, т.е. часть *существующего* предложения денег, просто передаваемая от сберегателя к заемщику. В отличие от этого банковские эмиссии необеспеченных банкнот искусственно увеличивают денежное предложение.

Далее, банк не несет обычных деловых рисков и в еще одном отношении. В отличие от всех остальных бизнесменов он не выстраивает временну́ю структуру своих активов в соответствии с временно́й структурой своих обязательств, т.е. не следит за тем, чтобы иметь достаточно денег для оплаты своих счетов в определенные дни. Его пассивы являются обязательствами мгновенного погашения, а активы — нет.

Банк создает новые деньги из воздуха. Он не получает их, оказывая услуги и продавая товары, подобно всем остальным. Проще говоря, банк в данный и в любой другой момент времени *уже является банкротом*. Его *банкротство, однако, становится явным, когда его клиенты, заподозрив это, начнут в массовом порядке изымать свои вклады (так называемый на-*

бег на банк, *bank run*). Ни в одном другом виде бизнеса не существует феномена, аналогичного этому. Никакой другой бизнес невозможно за одну ночь ввергнуть в пучину банкротства просто потому, что его клиенты решили вновь вступить во владение своей собственностью. Ни один другой вид бизнеса не создает фиктивных новых денег, которые испарятся, как только до всех дойдет истинная картина.

Разрушительные последствия эмиссии денег банками с частичным резервированием будут исследованы во второй части книги. Пока что мы можем сформулировать следующий вывод: с этической точки зрения такая форма ведения банковского дела на свободном рынке имеет не больше прав на существование, чем любая другая форма неявного воровства. Говорят, что ни на лицевой стороне банкноты, ни при открытии клиентом депозитного счета никогда не говорится о том, что банк гарантирует поддержание необходимых резервов в каждый момент времени. Это правда. Однако банк обещает погашать их по первому требованию. Следовательно, когда он эмитирует необеспеченные золотом банкноты (псевдорасписки на несуществующее золото), то уже совершает мошенничество, поскольку с этого момента теряет возможность выполнить свое обязательство, выкупив все свои банкноты и погасив депозиты[1]. Все банкноты выглядят одинаково.

[1] См. превосходное обсуждение проблемы денежной системы с частичным резервированием в: *Walker A.* The Science of Wealth. 3rd ed. Boston: Little, Brown, and Co., 1867. P. 139—141, 126—232.

Таким образом, мошенничество совершается в тот самый момент, когда производится эмиссия псевдорасписок. Поскольку все банкноты выглядят одинаково, выяснить, *какие конкретно* из них окажутся обманом, можно будет только *после* набега на банк, когда последние вкладчики, пожелавшие произвести обмен, останутся ни с чем[1].

Если в свободном обществе мошенничество будет запрещено, то ровно та же судьба постигнет банковский бизнес с частичным резервированием[2]. Предположим,

[1] Возможно, с точки зрения либертарианской системы вместо ордерных расписок (general warrants), позволяющих складу возвращать депозитору любой экземпляр однородного товара, появятся индивидуализированные расписки (specific warrants), которые, подобно коносаментам, ломбардным распискам, доковым варрантам и т.д., устанавливают собственность на конкретные маркированные объекты. В случае с ордерными расписками у складов возникает искушение начать обращаться с товарами, сданными на хранение, как со своей собственностью, вместо того чтобы считать их собственностью своих клиентов. Это именно то, что собирались сделать и делают банки с частичным резервированием. См.: *Джевонс*. Деньги и механизм обмена.С. 115—127.

[2] Мошенничество есть род скрытого воровства, поскольку оно предполагает, что контракт не выполняется, хотя деньги за его выполнение получены. Если А продает Б коробку кукурузных хлопьев, а эта коробка оказывается пустой, мошенничество А заключается в краже собственности (денег) Б. Точно так же эмиссия расписок на несуществующее золото, идентичных настоящим (т.е. обеспеченным золотом) распискам, является мошенничеством по отношению к тем, кто владеет этими требованиями на несуществующую собственность.

однако, что мошенничество и частичное резервирование разрешены и от банков требуется лишь выполнение их обязательства по обмену расписок на золото в любой момент по первому требованию. Любой отказ сделать это автоматически означает немедленное банкротство. Такая система существовала и называлась «свободная банковская деятельность» (free banking). Будет ли в этом случае выпуск необеспеченных денежных заменителей и искусственное создание новых денег жульничеством или нет? Многие люди полагают, что да. Они считают, что такой «дикий» банковский бизнес (wildcat banking) приведет к инфляции, выражаемой астрономическими цифрами. Однако произойдет совсем обратное. Свободная банковская деятельность приведет к возникновению гораздо более «твердых денег», чем те, которые мы имеем сегодня.

На банки будут действовать те же три ограничения, о которых мы говорили выше, причем их действие будет довольно жестким. Во-первых, необеспеченная эмиссия банкнот каждого такого банка будет ограничена утечкой золота в другой банк, поскольку он сможет осуществлять эмиссию, распределяя ее лишь среди своих собственных клиентов. Предположим, к примеру, что банк А, имеющий на хранении 10 тыс. унций золота, выпускает избыточное количество расписок на получение 2 тыс. унций золота (которых у него нет), после чего дает их в кредит разным предприятиям или покупает на них ценные бумаги. Заемщик или продавец ценных бумаг истратит эти деньги на приобретение различных товаров и услуг. В конце концов деньги

(а на самом деле, как мы видели, псевдорасписки, неотличимые от настоящих) совершат положенный оборот и попадут к лицу, которое является клиентом *другого* банка, банка Б.

В этот момент времени банк Б обратится к банку А с требованием обменять расписки на золото так, чтобы золото было перемещено в подвалы банка Б. Понятно, что чем шире клиентская база каждого банка и чем больше клиентов одного банка торгуют между собой, тем шире пределы, в которых каждый банк может расширять свой кредит и предложение денег. Ибо если клиентская база банка невелика, то уже вскоре после эмиссии ему придется столкнуться с требованием погасить расписки, обменяв их на золото. А по условиям нашего примера банк лишь частично обладает средствами, позволяющими ему выполнить это обязательство. Для того чтобы избежать угрозы банкротства с этой стороны, банк будет вынужден увеличивать долю золота в резервах, причем эта доля должна быть тем выше, чем более узкой является клиентская база банка. Таким образом, чем более узкой является клиентская база некоего банка, тем меньше его политика резервирования будет отличаться от 100%-ного, тем меньше у него будет возможностей создавать необеспеченные деньги.

С другой стороны, если в каждой стране будет только один банк, то границы экспансии необеспеченных денежных заменителей будут гораздо шире, чем в ситуации, когда на каждые несколько жителей приходится банк. При прочих равных, чем больше банков и

чем меньше их размер, тем более «твердым» (и более качественным) является денежное предложение.

Кроме того, напомним, что общее количество клиентов всех банков ограниченно, ведь существуют те, кто вообще не пользуется банками. Чем шире используется настоящее золото, тем меньше места остается для банковской инфляции.

Предположим, однако, что банки сформировали картель и согласились принимать расписки друг друга, не требуя непременно обменивать их на золото. Допустим, далее, что банковские деньги используются повсеместно. Останутся ли в этом случае ограничители для экспансии псевдорасписок? Да, и таким ограничителем будет доверие клиентов к банковской системе в целом. По мере расширения банковского кредита и роста предложения денег все больше и больше клиентов будет проявлять беспокойство по поводу снижения уровня банковских резервов золота. В обществе, которое является по-настоящему свободным, те, кто знает правду о фактической неплатежеспособности банковской системы, организуют, скажем, «антибанковские лиги», имеющие целью побудить клиентов изъять деньги до того, как будет уже поздно. Действия таких лиг приведут к набегам на банки или по крайней мере к угрозе таких набегов, что сможет остановить денежную экспансию и обратить ее вспять.

Необходимо подчеркнуть, что, приводя все эти аргументы, мы никоим образом не имели в виду обвинить феномен кредита вообще и не собирались осуждать конкретную практику кредитных сделок. Мы считаем

кредит жизненно важной функцией свободного рынка. В ходе кредитной сделки владелец денег (блага, которое является полезным в настоящий момент) обменивает их на обязательство заемщика выплатить в будущем определенную сумму (будущее благо). Взимаемый при этом процент отражает более высокую рыночную оценку настоящего блага по сравнению с благом будущим.

Однако ни банкноты, ни депозиты не являются кредитом. Это складские расписки, требования немедленного размена на наличные, т.е. на золото, хранящееся в банковских подвалах. Должник обеспечивает уплату своего долга в момент платежа, банкир, практикующий частичное резервирование, никогда не оплачивает больше некоторой, на практике весьма незначительной части своих обязательств.

В следующей главе мы займемся исследованием различных форм государственного вмешательства в денежную систему. Бóльшая часть этих форм вовсе не направлена, как можно подумать, на ограничение мошеннической эмиссии необеспеченных расписок. Наоборот, государственное вмешательство призвано устранить упомянутые и другие естественные ограничения процесса инфляции.

13. Заключение

Повторим, что мы выяснили о феномене денег в условиях свободного общества. Мы установили, что все деньги произошли (и должны были произойти) от некоего полезного блага, избранного рынком в качества

средства обмена. Денежная единица есть просто-напросто единица веса денежного товара, как правило, металла, такого как золото или серебро. В условиях свободы деятельности благо, которое выбирается в качестве денег, его форма и размер оставлены на усмотрение добровольных решений свободных людей. Именно поэтому частный чекан монет так же легитимен и привлекателен, как и любой другой вид бизнеса. «Цена» денег — их покупательная способность в терминах всех товаров, имеющихся в экономике, определяется их предложением и множеством индивидуальных значений спроса на деньги. Любая попытка государства зафиксировать эту цену повлияет на характеристики удовлетворения спроса на деньги, предъявляемого каждым человеком. Если люди найдут более удобным использовать в качестве денежного материала более одного металла, соответствующий обменный курс, который сформируется на рынке, будет отражать относительные спрос и предложение этих металлов. Курс будет иметь тенденцию сравняться с соотношением соответствующих покупательных способностей этих разных металлов. Раз данного количества металла оказалось достаточно для того, чтобы рынок выбрал его в качестве денег, то никакое увеличение предложения этого металла не может улучшить его функционирование в этом качестве. Увеличение денежного предложения уменьшит эффективность каждой имеющейся унции денежного металла, не оказывая никакой помощи экономике. Увеличивающийся запас золота или серебра удовлетворяет *неденежный* спрос

(спрос на украшения, промышленный спрос и т.п.), являясь, таким образом, общественно полезным. Инфляция (увеличение количества заменителей денег без адекватного увеличения денежного металла) никогда не является «полезной для общества», скорее она вознаграждает одних людей за счет других. Инфляция, представляя собой мошенническое изъятие собственности, не должна иметь места на свободном рынке.

Подытоживая, мы можем сказать, что свобода может великолепно сочетаться с функционированием денежной системы, ничуть не хуже, чем она сочетается с другими аспектами экономики. В отличие от многих авторов мы утверждаем, что деньги не содержат ничего специфического, требующего масштабного государственного регулирования. Здесь, как и в других областях человеческой деятельности, свободные люди могут более эффективно и с лучшим качеством удовлетворять свои экономические потребности. Для денежного обращения, как и для любого другого занятия людей, справедливо высказывание: «*Свобода — не следствие порядка, а его причина*».

ГЛАВА II.

Государственное вмешательство в денежную систему

1. Доходы государства

Все мы зарабатываем продажей нужных другим людям вещей (товаров, знаний, услуг). Лишь государство получает доход совсем не оттого, что люди добровольно платят ему за оказанные услуги. Соответственно и проблему увеличения своих доходов государство решает не так, как все остальные. Если человек хочет начать больше приобретать, ему следует производить и продавать больше товаров и услуг, необходимых другим. Государству же достаточно найти способ, который даст ему дополнительную возможность просто изымать у собственников принадлежащую им собственность (деньги, товары, услуги).

В бартерной экономике у государственных чиновников для этого есть только одна возможность. Они могут отбирать у собственников материальные ценности, т.е. прибегать к прямой конфискации *товаров*. В денежной экономике существует более простой способ: достаточно присвоить *деньги*, а затем либо купить на них товары и услуги

для государства, либо выплатить их в виде субсидий привилегированным группам. Это называется *налогообложением*[1].

Налогообложение, однако, редко бывает популярным. В менее вегетарианские времена именно недовольство людей налогами часто приводило к потрясениям. Деньги при всех их замечательных свойствах нехороши тем, что позволяют государству использовать более тонкий, чем налоги, метод присвоения материальных ценностей. На свободном рынке люди получают деньги в обмен на товары и услуги; другой способ обзавестись деньгами — заняться разработкой золотых приисков (в долгосрочной перспективе это занятие не более прибыльно, чем любое другое). Но в случае, если государство может безнаказанно стать *фальшивомонетчиком* (т.е. создать деньги из ничего), ему незачем заниматься продажей услуг или золотодобычей — оно может просто наделать себе денег. Тогда государство

[1] Из сказанного понятно, что в наши дни прямая конфискация товаров встречается куда реже, чем изъятие денег. Тем не менее она не исчезла вовсе. Классические примеры прямой конфискации — это, например, принудительное отчуждение земли для государственных нужд (разумеется, «в соответствии с законом») или использование разнообразных ресурсов в связи с пребыванием армейской группировки в оккупированной стране. Особенно широко распространена такая форма прямой конфискации, как присвоение государством рабочего времени людей (воинская повинность, суд присяжных, обязательный налоговый учет на предприятиях и т.п.).

получает возможность присваивать материальные ресурсы исподтишка и почти незаметно. В отличие от налогообложения этот способ не встречает ожесточенного сопротивления, более того, он создает у тех, кто стал жертвой подделки денег, иллюзию беспрецедентного процветания.

Очевидно, что подделка денег — это просто другое название инфляции. Механизм их действия одинаков: в обоих случаях создаются новые псевдоденьги по сравнению с обычным золотом или серебром. Таким образом, становится понятно, почему государство в силу самой своей природы склонно к инфляции. Инфляция — это мощный и неявный способ, с помощью которого государство присваивает средства населения, безболезненная и оттого еще более опасная форма налогообложения.

2. Экономические последствия инфляции

Для того чтобы оценить экономические последствия инфляции, представим себе, что банда мошенников запустила в оборот фальшивые деньги, неотличимые от настоящих. Допустим, что наши мошенники добавили к общему запасу золота в 10 000 унций еще 2000 унций фальшивок. Что произойдет в этом случае? Понятно, что выиграют сами фальшивомонетчики — они смогут потратить «деньги» на покупку товаров и услуг. Выиграют и те продавцы, у которых эти мошенники будут покупать. Увеличение предложения денег, как мы уже видели, приводит лишь к их

разбавлению (т.е. к повышению цен на товары и понижению цены денег), но поскольку процесс этот долгий и постепенный, то, пока новые соотношения цен не установятся, одни люди будут выигрывать, а другие терять. Иначе говоря, мошенники и владельцы ближайших к ним магазинов успеют увеличить свои доходы до того, как повысятся цены. С другой стороны, те, кто не сразу получит новые деньги, окажутся в проигрыше: ведь их доходы останутся прежними, а цены повысятся. Соответственно владельцы магазинов на другом конце страны будут нести убытки. Таким образом, тот, кто первый получает новые деньги, выигрывает больше всего, причем за счет остальных.

Инфляция не имеет никакого полезного эффекта для общества. Она просто перераспределяет богатство в пользу тех, кто первым добежал до окошка кассы, из которого раздают новые деньги. Инфляция в некотором смысле и есть такой забег, в ходе которого определяется, кто получит новые деньги первым. Проигравших, тех, которым достаются все убытки, принято называть «группами с фиксированными доходами». Учителя, пенсионеры, инвалиды, вообще люди, чьи доходы зависят от фиксированных выплат, при раздаче новых денег оказываются в хвосте. Кроме того, инфляция бьет по тем, кто получает деньги по договорам с оговоренной заранее суммой выплат. Рантье, держатели ценных бумаг, пенсионеры, те, кто сдает недвижимость в долгосрочную аренду, получатели страховки — все эти группы

пострадают от инфляции. Именно они заплатят «инфляционный налог»[1].

Инфляция влечет за собой и другие катастрофические последствия. Она подрывает фундамент экономической системы, превращая экономический расчет[2] в фикцию. Поскольку цены во время инфляции изменяются с разной скоростью, предприниматели не могут верно оценить ни потребительский спрос, ни собственные затраты. Например, так как бухгалтерия учитывает активы по их номинальной стоимости (по принципу «за сколько приобрели»), то в условиях инфляции реальные затраты на замену активов будут значительно выше, чем те, которые зафиксированы в отчетности. Поэтому предварительные расчеты предпринимателя могут значительно завышать прибыль. Соответственно предприниматель может находить-

[1] Сейчас модно смеяться над консерваторами, чересчур озабоченными судьбой «вдов и сирот». Но то, что именно вдовы и сироты становятся жертвами инфляции, — это не выдумка, а реальность. Трудно поверить, что партия прогрессистов действительно считает правильным грабить вдов и сирот, а награбленное использовать для субсидий крестьянам и работникам ВПК. (Прогрессисты — название одной из левых партий в Америке в первой половине XX в. — *Прим. пер.*)

[2] [Business calculation — экономический расчет — одно из центральных понятий экономической теории, обозначает совокупность предположений относительно цен на готовую продукцию, материалы, сырье и т.п., которыми руководствуется предприниматель, принимая решение об объемах производства и условиях продаж. — *Прим. науч. ред.*]

ся в блаженном неведении и считать, что его бизнес рентабелен, тогда как на самом деле он проедает капитал[1]. Точно так же будут обмануты держатели акций и владельцы недвижимости, чьи номинальные доходы возрастут, а реальные — уменьшатся. Они тоже могут попасть в инфляционную ловушку и растрачивать свой основной капитал, совершенно не подозревая об этом.

Искажая отчетность и создавая мнимую прибыль, инфляция не дает свободному рынку наказывать неэффективные бизнесы и вознаграждать эффективные. Так возникает видимость процветания. Господство «рынка продавца» приводит к снижению качества товаров и услуг — ведь потребителю гораздо легче свыкнуться со скрытым повышением цен, когда цена вроде бы остается старой, а снижается «только» качество[2]. Качество работы тоже снижается, но по иной, более тонкой причине. Во время инфляции,

[1] Указанная ошибка будет максимальной в случае, если оборудование старое, а также в наиболее капиталоемких отраслях. Соответственно наибольшую неразумную активность инфляция вызывает в этих отраслях. Дальнейшее обсуждение этого вопроса см.: *Baxter W. T.* The Accountant's Contribution to the Trade Cycle // Economica. May 1955. P. 99—112.

[2] Свойственное нашим дням повышенное внимание к «потребительской корзине», уровню прожиточного минимума и т.п. (а также широкое распространение коллективных договоров, привязывающих зарплату к такого рода показателям) побуждает участников рынка повышать цены за счет качества, поскольку это не отражается на стоимости «корзины».

когда цены непрерывно растут, людям очень легко поддаться соблазну и поверить в какую-нибудь схему быстрого обогащения из тех, что тысячами изобретаются разными проходимцами. Очевидно, что в эти периоды перспектива упорного и добросовестного труда перестает казаться им привлекательной. В довершение всех бед инфляция наказывает того, у кого есть сбережения, и поощряет того, кто берет в долг. Ведь во время инфляции деньги, которые берешь в долг, имеют одну покупательную способность, а те деньги, которые через какое-то время возвращаешь, — другую, значительно более низкую (при том же номинале). Поэтому выгодно брать взаймы, а откладывать и давать в долг — невыгодно. Таким образом, инфляция приводит к снижению среднего уровня жизни, хотя люди осознают это не сразу, напротив, они считают, что все прекрасно, потому что денег у них стало больше.

К счастью, инфляция не может продолжаться вечно. В один прекрасный день люди осознают, что им навязали дополнительный налог. Они наконец замечают, что покупательная способность денег постоянно падает.

Когда цены только начинают повышаться, люди говорят: «Ну, это ненормально. Наверно, что-то случилось. Я подожду, пока цены вернутся к исходному уровню». Это типично для первой фазы инфляции. Такая позиция потребителей сдерживает темпы роста цен и скрывает масштабы инфляции, так как спрос на деньги при этом увеличивается. По мере раскрут-

ки инфляционной спирали установки людей меняются, и они начинают думать, что цены будут расти постоянно. Тогда они рассуждают так: «Я буду покупать сейчас, несмотря на высокие цены, потому что, пока я буду ждать, цены только увеличатся». В результате спрос на деньги падает, и происходит непропорционально высокое (по сравнению с увеличением предложения денег) повышение цен. В этот момент от государства часто требуют включить печатный станок, потому что «денег не хватает». Поскольку причина «нехватки денег» — опережающий рост цен, то накачка экономики деньгами приводит к ускорению темпов инфляции. Страну охватывает «ажиотажный спрос». Люди говорят: «Мне нужно немедленно купить хоть что-нибудь, потому что деньги обесцениваются у меня в руках». Предложение денег увеличивается взрывообразно, спрос на них стремительно падает. Цены растут в геометрической прогрессии. Производство резко сокращается, поскольку люди заняты исключительно тем, что пытаются истратить деньги. Это фаза так называемой гиперинфляции. На этой стадии денежная система действительно разрушается полностью. Экономика либо начинает использовать другие деньги (металлы, иностранные валюты, если инфляция происходит в одной стране), либо переходит на бартер. Таким образом, денежная система прекращает существование в результате инфляции.

Наиболее известные примеры гиперинфляции связаны с Французской революцией (ассигнаты), американской революцией (континентальная валюта),

кризисом 1923 г. в Германии, периодом после окончания Второй мировой войны (Китай и др.)[1].

У инфляции есть еще одно опасное свойство. Если инфляционные (новые) деньги первоначально используются как кредиты предприятиям, то инфляция запускает механизм, известный под названием экономического цикла. В начале цикла банковская система с благословения государства выпускает новые деньги и кредитует предприятия. Предпринимателям кажется, что они имеют дело с нормальными кредитными ресурсами, но это не так, потому что источником этих кредитов не являются добровольные сбережения, как это происходит на свободном рынке. Новые, искусственно созданные деньги вкладываются в различные проекты, их выплачивают работникам, они стимулируют рост цен и зарплат. Когда новые деньги просачиваются во все сферы экономики, люди стремятся восстановить привычную пропорцию между потреблением и сбережениями. Допустим, что в норме они откладывают (в том числе с целью инвестирования) 20% своих доходов, а остальное тратят. Тогда закачка в экономику новых денег в форме кредитов для предприятий сначала создает иллюзию того, что доля сбережений увеличилась. Инвестиционная активность резко возрастает. Однако, когда новые деньги доходят до населения, восстанавливается прежнее соотношение — 20:80. Получается, что многие инвестиции сделаны

[1] По поводу Германии см.: *Bresciani-Turroni C.* The Economics of Inflation. London: George Allen and Unwin, Ltd., 1937.

ошибочно. Исправление ошибок, вызванных инфляционным бумом, и образует содержание фазы экономического цикла, которая называется «депрессия»[1].

3. Государственная монополия на чекан

Государство не может в один прекрасный день ни с того ни с сего начать выпускать фальшивые деньги. От свободного рынка до состояния, когда такое становится возможным, ведет долгий путь. Государство не может просто ворваться на свободный рынок и начать печатать собственные бумажные квитки. Если оно так поступит, государственными деньгами никто не будет пользоваться. Даже в наше время в «отсталых» странах люди отказываются принимать бумажные деньги и соглашаются только на иностранную валюту или золото. Поэтому государство вынуждено действовать хитро и постепенно.

Банки существуют всего несколько веков. До этого государство не могло использовать банковскую систему для запуска инфляции. Что оно могло сделать, когда в обращении были только золото и серебро?

Каждое крупное государство начинало с установления (абсолютной) монополии на изготовление монет. Этот шаг был необходим для того, чтобы поставить под контроль общий объем предложения денег. Монеты украшались изображением короля или другого

[1] См.: *Rothbard M. N.* America's Great Depression. Princeton: D. Van Nostrand Co., 1963. Pt I.

феодала, что, разумеется, способствовало распространению мифа о том, будто бы собственные монеты — это неотъемлемый атрибут феодальной, в частности королевской, власти. Монополия позволила государству самому решать, какого достоинства монеты выпускать, не считаясь при этом с желаниями населения. В результате набор разных монет, находящихся в обращении, сократился, хотя это и было неудобно. Государственный монетный двор в отличие от частного имел возможность назначать цену произвольно или даже поставлять монеты как бы бесплатно. Цена могла быть выше, чем производственные расходы («сеньораж»), а могла точно соответствовать затратам («брассаж»). Сеньораж, иначе говоря, искусственное завышение цены монополистом, приводил к тому, что делать из слитков монеты становилось невыгодно. С другой стороны, в тех случаях, когда услуги государственного монетного двора были бесплатными, все стремились превратить слитки в монеты; оплачивалось это, естественно, из кармана простого налогоплательщика.

Установив монополию на изготовление денег, государство вводит особое название для своей денежной единицы. При этом оно прилагает специальные усилия для того, чтобы имя монеты перестало ассоциироваться с ее весом. Это очень важный шаг — с переходом на отдельные для каждой страны государственные «деньги» государства начинают игнорировать свойства денежной системы, которые вытекают из наличия общих для всего мира, естественно возникших в ходе развития свободного рынка денег (золота и се-

ребра). Все государства под предлогом денежного патриотизма перестали называть свои деньги «по весу» (граммами или гранами) и придумали для них «имена собственные»: доллары, марки, франки и т.п. Это создало возможность для появления доступной исключительно государству разновидности мошенничества: порчи денег.

4. Порча денег

Порча денег происходит тогда, когда государство подделывает те самые монеты, изготовление которых оно запретило частным лицам под предлогом защиты денежного стандарта. Иногда государство занималось примитивным мошенничеством, тайно добавляя в золото неблагородные сплавы или уменьшая вес монет. Однако обычно государственный монетный двор переплавлял и чеканил заново все монеты в стране. После этого государство возвращало подданным изъятые «фунты» и «марки»: их было столько же, сколько раньше, но весили они меньше. Сэкономленные унции золота и серебра король тратил. Таким образом, государство непрерывно снижало пресловутый денежный стандарт, под флагом защиты которого вводилась монополия на изготовление монет. Властители рассматривали порчу денег в качестве естественного права королей и высокопарно именовали доходы от этого почтенного занятия «сеньоражем».

В Средние века деньги портили практически все европейские государства, причем с размахом. Так,

в XIII в. французский турский ливр (livre tournois) составлял 98 г чистого серебра; к XVII в. он похудел до 11 г. Чрезвычайно показательна история с динаром (монетой испанских сарацинов). Первоначально — в конце VII в. — динар весил 65 гран золота. Сарацины славились честностью в денежных делах, и к середине XII в. динар все еще был равен 60 гранам. Но тут Испанию завоевали христианские короли, и к началу XIII в. от динара (теперь он назывался «мараведи») осталось 14 гран. Вскоре золотая монета стала настолько легкой и мелкой, что ее пришлось заменить серебряной монетой, которая весила 26 гран серебра. В конце концов и эту монету тоже испортили — к середине XV в., когда мараведи вывели из обращения, от 26 гран серебра осталось 1,5.

5. Закон Грэшема и монеты

А. Биметаллизм

В значительной мере государство занимается регулированием цен для того, чтобы отвлечь внимание людей от инфляции (а государство, как мы видели, по своей природе — инфляционный институт), запугав их мнимыми ужасами свободного рынка. Выше уже говорилось, что закон Грэшема («Деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им») — это пример того, как регулирование цен влияет на денежную систему. Государство принудительно устанавливает «обменный курс» двух типов денег. Разумеется,

это приводит к нехватке искусственно недооцененных денег, которые в этой ситуации используются в качестве средства накопления или экспортируются. Как следствие, в обращении их заменяют деньги, искусственно переоцененные государством.

Мы помним, как выглядело действие закона Грэшема в ситуации с новыми и изношенными монетами. Оторвав названия монет от единиц веса и установив номинал монет по своему желанию, государство приравняло друг к другу новые и изношенные монеты. Разумеется, люди предпочли накапливать и вывозить полновесные монеты, а в обменах использовать изношенные, в то время как государство, собственноручно лишившее себя новых монет, изрыгало проклятия в адрес «спекулянтов», иностранцев и свободного рынка.

Вечная проблема «стандарта» — это частный случай проявления закона Грэшема. Как мы видели, свободный рынок использует в качестве средства обмена «параллельные стандарты»: золотой и серебряный. Курс обмена постоянно колеблется в ответ на изменения спроса и предложения. Но государство решило помочь рынку. Насколько упростилась бы жизнь, рассудило государство, если бы существовало фиксированное соотношение между золотом и серебром, например 20 унций серебра за 1 унцию золота! Ведь тогда «обменный курс» был бы постоянным, а главное — государство получило бы возможность считать деньги, не обращая внимания на их вес. Представим себе «рур» (денежную единицу Руритании).

Исходное значение слова «рур» — $^{1}/_{20}$ унции золота. Мы уже знаем, что государству жизненно необходимо приучить людей к тому, что «рур» — это не столько-то граммов золота, а абстрактная «денежная единица». Как этого добиться? Лучший способ — жестко зафиксировать соотношение золота и серебра. Тогда получается, что «рур» весит непонятно сколько — это и $^{1}/_{20}$ унции золота, и унция серебра. Прежнее значение слова «рур» (определенный вес золота) в результате меняется. «Рур» становится из меры веса какой-то другой вещью (монетой, бумагой и т.п.), которую государство ввело в употребление ради блага и удобства своих граждан. Удобство же состоит как раз в том, что этот «новый рур» равен, с одной стороны, определенному весу золота, с другой — определенному весу серебра.

Из этого примера видно, насколько важно не использовать специальных местных названий для унций или гран золота. Как только патриотический ярлык заменяет общепонятные обозначения веса, государству становится намного легче манипулировать денежной единицей и сделать ее независимой от «презренных металлов». Фиксированное соотношение золота и серебра, или биметаллизм, прекрасно подходит для этих целей. Однако обещанного упрощения денежной системы после введения биметаллизма не происходит — в силу действия закона Грэшема. Обычно государство устанавливает первоначальное соотношение между серебром и золотом (скажем, 20 : 1) по текущему курсу свободного рынка. Но этот курс, как

и любая рыночная цена, неизбежно меняется в ответ на изменения спроса и предложения. По мере того, как происходят изменения, установленное государством соотношение устаревает. В результате изменений один из двух металлов оказывается искусственно недооцененным. Допустим, это золото. Что тогда происходит? Золото тезаврируется, перетекает на черный рынок или экспортируется, а серебро, наоборот, ввозится, используется в обменах, становясь таким образом единственной обращающейся на легальном рынке валютой. Веками все страны безуспешно боролись с этой напастью: внезапным исчезновением одного из металлов. Сначала рынок заливает искусственно переоцененное серебро, а золото исчезает, на следующем этапе соотношения между металлами меняются, на рынке появляется переоцененное золото, а исчезает уже серебро (искусственно недооцененная валюта), и т.д.[1]

В конце концов после многих столетий биметаллического хаоса государства выбрали один металл в качестве стандарта, обычно золото. Серебру была отведена роль мелкой разменной монеты, но без учета реального веса. (Изготовление разменной монеты также монополизировало государство и, пользуясь отсутствием 100%-ного золотого обеспечения, использовало

[1] В подобных ситуациях государство могло утверждать, что просто приводит официальное отношение золота и серебра в соответствие с рынком, тогда как на самом деле оно занималось порчей денег.

это для расширения предложения денег.) Искоренение серебра как денег, безусловно, принесло вред многим людям, которые предпочитали использовать именно этот металл в своих обменах. В боевом кличе биметаллистов, обвинявших государство в «преступлении против серебра», есть доля правды, но истинным преступлением было введение биметаллизма вместо параллельных стандартов. Биметаллизм создал невозможную ситуацию, выбраться из которой государство могло двумя способами: либо вернуться к свободному рынку денег (параллельные стандарты), либо выбрать на роль денег один из двух металлов (золотой или серебряный стандарт). Идею свободного рынка денег к этому времени никто не воспринимал всерьез. Поэтому в мире утвердился золотой стандарт.

Б. Узаконенное средство платежа

Каким образом государство сумело ввести регулирование обменного курса? Оно прибегло к уловке, известной под названием «узаконенное платежное средство» (legal tender). Деньги используются не только в текущих обменах, но и для возврата долгов. Поскольку вес денег больше не имеет значения и бухучет ведется в национальной валюте, то и в договорах между должником и заимодавцем указываются «суммы денег», а не граммы. Вот тут-то государство вмешивается и принимает законы, предписывающие людям, что именно они обязаны считать деньгами. Когда узаконенным средством платежа были объявлены привычные золото и серебро, люди решили, что стремление государ-

ства законодательно объявить золото и серебро деньгами безвредно, хотя и странно. Деньги и есть деньги, они и так используются в качестве денег, и особый закон тут совершенно лишний[1]. О, если бы они сообразили, что таким образом государство создает опасный прецедент! Ведь на следующем этапе оно сможет объявить узаконенным платежным средством деньги более низкого качества, чем общепринятые деньги свободного рынка. Например, можно написать в законе, что изношенные монеты ничуть не хуже новых и не менее их пригодны для выплаты долгов. Можно законодательно установить фиксированное соотношение между золотом и серебром. И в том, и в другом случае начинает действовать закон Грэшема, несмотря на то что его-то ни одно государство, насколько нам известно, не принимало.

Когда закон обязывает людей использовать в качестве средства платежа искусственно переоцененные деньги, у этого есть дополнительное неприятное последствие. Такой закон предоставляет привилегии

[1] «Законодательное установление того, что считать узаконенным средством платежа, совершенно не нужно. Договорного права вполне достаточно. У нас есть денежная единица: золотой соверен... Если я обещал заплатить 100 соверенов, то не нужно никакого специального закона для того, чтобы утверждать, что я обязан заплатить именно 100 соверенов и что я не могу выполнить свое обязательство по договору, заплатив чем-либо другим» (*Lord Farrer*. Studies in Currency. London: Macmillan and Co, 1898. P. 43). О legal tender laws см. также: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 406 сн., 420.

заемщику за счет заимодавца. Он разрешает заемщику выплачивать долги деньгами, обесцененными по сравнению с теми, которые он брал в долг. Таким образом, заимодавец оказывается обманут: его лишают части принадлежащих ему по праву денег. Этот обман, однако, идет на пользу не заемщикам вообще, а только тем, кто успеет воспользоваться махинациями государства с платежными средствами «здесь и сейчас». Память о том, как государство ограбило кредиторов, сохраняется долго, и долго после того, как это случилось, люди будут страдать от недостатка кредита.

6. Заключение: государство и монетное дело

Введение монополии на изготовление монет и переход к законодательному регулированию вопроса о том, что люди обязаны использовать в качестве узаконенного платежного средства — это решающие шаги, позволившие государству поставить под контроль денежную систему. Вполне логично, что каждое отдельно взятое государство запретило пользоваться на своей территории монетами других государств[1]. Внутри страны разрешалось употреблять только «национальные» монеты; в обменах между государствами использовались серебряные и золотые слитки. В результате связи между отдельными частями мирового рынка были разорва-

[1] Использование иностранных монет было распространено в средние века, а также в США до середины XIX в.

ны, страны отгородились друг от друга, международное разделение труда дало трещину. Однако то, что валюта оставалась твердой (т.е. была привязана к золоту), резко сужало возможности государства по развязыванию инфляции и порче денег. Все страны продолжали использовать золото и серебро, и этот факт ограничивал денежный произвол государства. Общие для всего мира металлические деньги заставляли государей подчиняться общим правилам.

Государство смогло получить полный контроль над денежной системой (и соответственно безнаказанно заняться выпуском подделок) только тогда, когда распространились заменители денег. Бумажные деньги и банковские депозиты — великое благо, если они полностью обеспечены золотом и серебром. Однако государство сумело использовать эти инструменты для того, чтобы захватить власть над денежной системой и в конечном счете над экономикой в целом.

7. Разрешение банкам не возвращать средства вкладчикам

Современная экономика с ее развитой банковской системой и широким распространением заменителей денег просто создана для того, чтобы государство окончательно взяло в свои руки контроль за предложением денег и занялось инфляционными играми. Выше мы уже отмечали, что в условиях свободной банковской деятельности способность отдельно взятого банка запустить инфляцию ограничена тремя факторами:

1) количеством клиентов банка; 2) склонностью людей использовать банки, т.е. связываться с заменителями денег; 3) уверенностью клиентов в надежности своих банков. Чем у́же клиентура каждого из банков и банковской системы в целом, чем меньше доверие клиентов к банкам, тем меньше вероятность инфляции. Деятельность государства в сфере регулирования деятельности банков приводит к тому, что факторы, ограничивающие инфляцию, исчезают.

Главная обязанность банка состоит в том, чтобы вернуть клиенту деньги по первому требованию. В то же время ни один банк с частичным резервированием в принципе не способен удовлетворить одновременно требования всех клиентов, однако все банки идут на этот риск. Поскольку существует частная собственность, то договорные обязательства должны выполняться, но, как мы видим, в случае с банками это невозможно. Государство выходит из положения так: оно предоставляет банкам особые привилегии, провоцирующие инфляцию. В отличие от всех остальных банк может прекратить выполнять договорные обязательства по отношению к контрагентам (вкладчикам) и при этом не будет считаться банкротом. Более того, банк, который сам не платит по счетам, имеет право требовать деньги с тех, кому он предоставил кредиты. Этот беспредел принято называть «приостановкой выплат по счетам», хотя гораздо больше тут подошло бы выражение «лицензия на кражу».

В США одно время вошло в обычай, что в случае возникновения у банков трудностей происходят

повсеместные приостановки выплат. Началось это со времен войны 1812 г. Большинство банков страны находилось в Новой Англии, которая не поддерживала участие Америки в войне. Банки Новой Англии отказались выдать кредиты на ведение войны, поэтому государство взяло взаймы у новых банков в других штатах. Для этого новые банки эмитировали, т.е. создали из воздуха, новые бумажные деньги. Инфляция достигла такого уровня, что новые банки были завалены требованиями о погашении. Особенно много требований поступило от консервативных банков, не участвовавших в эмиссии пустых денег, поскольку большую часть товаров, необходимых для ведения войны, государство закупало в Новой Англии. В 1814 г. это привело к массовой приостановке выплат, которая длилась более двух лет, т.е. и после окончания войны. За время, пока выплаты не производились, банки выросли и окрепли, выпуская банкноты, которые нельзя было предъявить к погашению.

Сценарий 1814 г. стал образцом для экономических кризисов 1819 г., 1837 г., 1857 г. и т.д. Банки сделали вывод, что после инфляции им не грозит банкротство. Это, разумеется, стимулировало инфляцию и расцвет дикого банковского бизнеса («wildcat banking»). Те авторы, которые указывают на Америку XIX в. как на пример ужасных последствий свободной банковской деятельности», игнорируют роль государства в провоцировании финансовых кризисов.

Государству и банкам удалось убедить население в том, что их действия справедливы. Любого, кто пытался

получить назад свои деньги во время кризиса, обвиняли в том, что он — не патриот и разоряет своих сограждан, а банки часто хвалили за то, что они выручают общество в тяжелые времена. Тем не менее у многих предоставление банкам «лицензий на кражу» вызывало возмущение. Инфляционная вакханалия породила знаменитое движение за «твердые деньги», связанное с именем седьмого президента США Эндрю Джексона, которое достигло максимальной популярности накануне гражданской войны[1].

Вышеописанные банковские привилегии, к счастью, не получили широкого распространения. Разрешение не исполнять обязательств по договорам — это чересчур грубый инструмент, который к тому же нельзя применять постоянно, иначе люди перестают пользоваться услугами банков. Но самый главный недостаток подобных привилегий с точки зрения государства в том, что они не обеспечивают государству полный контроль за банковской системой. В конце концов государству нужна не просто инфляция, ему нужна собственная, полностью подконтрольная инфляция, а не такая, которой будут управлять банки. Чтобы отстранить банки от управления инфляцией, государство придумало изумительный по своей прочности и долговечности институт, который, кроме всего прочего, стал в глазах населения одним из признаков цивилизации, — центральный банк.

[1] См.: *White H.* Money and Banking. 4th ed. Boston: Ginn and Co., 1911. P. 322—327.

8. Центральный банк: разрушение барьеров на пути инфляции

Сегодня центральный банк — это символ прогресса, подобно канализации и развитой системе автомобильных дорог. Экономика без центрального банка считается «отсталой» и «примитивной». Создание в Америке в 1913 г. центрального банка — Федеральной резервной системы — воспринималось как символ вхождения страны в круг «передовых» государств.

Номинально центральные банки могут находиться в собственности частных лиц или, как в США, в совместной собственности частных банков. Фактически центральные банки — это государственные органы и управляют ими чиновники, которых назначает государство. Если центральный банк является частным, как некогда Банк Англии и Второй Банк Соединенных Штатов, то он устраивает инфляцию не только по заказу государства, но и в расчете на увеличение собственной прибыли.

Центральный банк занимает доминирующее положение в банковской системе исключительно потому, что государство гарантирует ему монополию на эмиссию банковских расписок, или банкнот. Об этом редко вспоминают, но именно монополия на выпуск банкнот дает ЦБ власть над остальными банками. Частные банки неизменно лишались права эмиссии банкнот, и эта привилегия закреплялась за центральным банком. Банки могли работать только с депозитами. Если их клиенты предпочитали депозитам расписки (банкноты),

то банки должны были обращаться за этими расписками в центральный банк. Так центральный банк стал «банком для банкиров» — благодаря тому, что банкиров заставили вести с ним дела. Вследствие этого стало возможно гасить обязательства по счетам не только золотом, но и бумажными расписками — банкнотами центрального банка. И эти новые расписки были не просто заурядными банковскими расписками. Они представляли собой обязательства самого центрального банка — учреждения, которое, так сказать, излучает государственное величие. Действительно, именно государство назначает чиновников ЦБ и координирует политику ЦБ с другими аспектами государственной политики. Оно принимает расписки в оплату налогов и признает их в качестве узаконенного платежного средства.

Благодаря усилиям государства все банки в стране стали клиентами центрального банка[1]. Центральный банк получил золото из частных банков, а взамен населению достались расписки центрального банка. Золотые монеты вышли из употребления. С подачи государства установилось мнение, что золотые монеты — вещь громоздкая, старомодная и неудобная. Их можно разве что дарить детям на Рождество! На-

[1] В США государство законодательно принудило банки присоединиться к Федеральной резервной системе и держать свои счета в одном из двенадцати федеральных резервных банков. (Те местные банки, которые не являются членами Федеральной резервной системы, держат свои счета в банках — членах ФРС.)

сколько безопаснее и удобнее, когда золотые слитки лежат в подвалах центрального банка! Итак, под влиянием этой пропаганды люди стали все меньше пользоваться золотыми монетами и все больше рекомендованными государством расписками ЦБ, гораздо более удобными. Золото, вышедшее из повседневного употребления, попало в центральный банк. Появление «централизованного» золотого запаса и переход людей на заменители денег необыкновенно расширили инфляционные возможности центрального банка.

В США закон о Федеральной резервной системе обязывает банки поддерживать минимальный уровень резервирования, зависящий от общего размера депозитов. С 1917 г. резервирование осуществляется путем принудительного размещения депозитов в одном из двенадцати Федеральных резервных банков. Тогда же банки потеряли право легально хранить золото; им вменили в обязанность депонировать его в одном из Федеральных резервных банков.

Все это отучило население от золота. Золото, принадлежащее людям, попало под опеку государства, что сделало его конфискацию почти незаметной. В международных торговых сделках все еще употреблялись золотые слитки, но те, кто их использовал, составляли незначительную часть электората. Одним из факторов, который способствовал переходу с золота на банкноты, было то, что люди полностью доверяли центральному банку. Все считали, что уж центральный банк, располагающий колоссальным запасом

золота и неограниченной поддержкой государства, не может обанкротиться ни при каких условиях. И действительно, история не знает ни одного случая разорения центрального банка, потому что действует неписаное правило: центральный банк банкротом быть не может! Мы помним, что государство время от времени разрешало даже частным банкам приостанавливать платежи — что говорить о «родном» центральном банке! Исторический прецедент был установлен в конце XVIII в., когда государство разрешило первому из центральных банков — Банку Англии — не платить по счетам в течение 20 лет.

В момент своего возникновения центральные банки пользовались почти неограниченным доверием населения. Тогда люди не понимали, что центральный банк может печатать сколько угодно псевдоденег и не нести за это никакой ответственности. Центральный банк казался им просто большим общенациональным банком, задача которого — служить обществу. К тому же государственный статус центрального банка, считали люди, защищал его от разорения.

Центральный банк занялся тем, что стал внушать людям доверие к частным банкам. Это была сложная задача, но ЦБ нашел способ ее решения. Он объявил, что всегда будет для банков «кредитором последней инстанции». Иначе говоря, центральный банк обещал, что одолжит деньги любому банку, который не сможет выполнить свои обязательства, особенно в том случае, если банки столкнутся с массовыми требованиями клиентов.

Государственная поддержка банков выразилась и в том, что государство активно противодействовало так называемым «набегам на банки» (т.е. случаям, когда клиенты начинают подозревать, что банк — банкрот, и в массовом порядке изымать свои вклады). Иногда государство все еще разрешало банкам приостанавливать выдачу вкладов, например в 1933 г., когда в Америке были объявлены принудительные банковские «каникулы». Тогда были приняты специальные законы, запрещавшие публичные призывы к «набегам на банки». Государство, как и во время депрессии 1929 г., развернуло кампанию против «эгоистичных скряг» и «плохих патриотов», которые безответственно копят золото в сундуках. В 1933 г. Америка наконец нашла «решение» проблемы ненадежности частных банков, создав систему страхования депозитов. «Гарантии» Федеральной корпорации по страхованию депозитов распространяются только на ничтожную часть «застрахованных» вкладов, но у людей возникло впечатление (возможно, верное), что государство взяло на себя обязательство напечатать столько денег, сколько будет нужно банкам, чтобы расплатиться с вкладчиками. Таким образом доверие, которое население испытывало по отношению к государству, распространилось не только на государственный орган — центральный банк, но и на все остальные банки.

Таким образом, создав институт центрального банка, государство практически устранило два из трех факторов, которые ограничивали инфляцию. Люди приучились использовать банки и стали доверять им

так же, как государству. Третьим фактором, ограничивавшим инфляцию, как мы помним, была ограниченность круга клиентов у каждого отдельно взятого банка. Центральный банк справился и с этим ограничением. Если банковская деятельность свободна, то банк не сможет безнаказанно устроить инфляцию. Если он займется выпуском необеспеченных расписок, то, учитывая, что его клиентская база ограниченна, другие банки довольно скоро завалят его требованиями о погашении расписок. Но центральный банк имеет возможность накачивать необеспеченными деньгами банковскую систему в целом, так что все банки будут одновременно и с одинаковой скоростью расширять кредит и предложение денег. В этом случае проблема погашения одним банком требований другого исчезает, потому что получается, что клиентской базой любого отдельно взятого банка является все население страны. Возможности экспансии банка расширяются неизмеримо, но их пределы зависят исключительно от центрального банка, государственного органа, снабжающего банки деньгами. Итак, государству удалось получить власть над банковской системой. Отныне только оно, а не банки может контролировать инфляцию и регулировать ее.

Итак, создание центрального банка устраняет факторы, ограничивающие инфляцию. Кроме того, само наличие центрального банка вызывает инфляцию. Пока центрального банка нет, банки хранят в качестве резерва золото. Как только появляется центральный банк, банки сдают золото в его хранилища в об-

мен на депозиты ЦБ. Таким образом, роль резерва для коммерческих банков начинают играть депозиты ЦБ. Но центральный банк — это банк с частичным резервированием, и его депозиты в очень небольшой степени обеспечены золотом! Поэтому сам факт существования центрального банка многократно расширяет кредит и предложение денег, т.е. умножает инфляционный потенциал государства[1].

9. Центральный банк как организатор и инициатор инфляции

Каким образом центральный банк регулирует частные банки? Он контролирует «резервы» банков (их депозитные счета в центральном банке). Частный банк, как правило, поддерживает определенное соотношение между своими «резервами» и совокупными обязательствами. В США государство законодательно устанавливает для банков минимальный уровень этого соотношения («норму резервирования»), что существенно облегчает госконтроль. Центральный банк может стимулировать инфляцию, во-первых, вливая резервы в банковскую систему, во-вторых, снижая норму

[1] Создание ФРС привело к трехкратному увеличению кредита и предложения денег в банковской системе США. Федеральная резервная система также понизила средние установленные законом требования резервирования для всех банков с 21% в 1913 г. до 10% в 1917 г. Эта мера удвоила уже увеличенный в 3 раза инфляционный потенциал, который в итоге вырос шестикратно.

резервирования. Во втором случае происходит расширение кредита в масштабе всей страны. Если норма резервирования установлена на уровне 1 : 10 (т.е. обязательства частного банка обеспечены его депозитами в ЦБ на 10%), то прирост резервов в размере 10 млн долл. вызовет в масштабах страны рост частных кредитов в размере 100 млн долл. Банкам выгодно расширять кредит, а поскольку государство взяло на себя обязательство спасать их от банкротства, они обычно выдают кредиты по максимуму.

Центральный банк увеличивает размер резервов банков, покупая активы на рынке. Представим себе, что ЦБ покупает у Джонса что-нибудь (не имеет значения что) за 1000 долл., иначе говоря, выписывает Джонсу чек на 1000 долл. Центральный банк не ведет счетов частных лиц, поэтому Джонс берет чек и депонирует его в своем банке. Банк Джонса, во-первых, записывает дополнительно 1000 долл. на счет Джонса, во-вторых, передает чек центральному банку. Соответственно депозит банка Джонса в ЦБ, или его «резервы», увеличивается на 1000 долл. Увеличение резервов на 1000 долл. дает возможность банку Джонса увеличить свои обязательства (например, при 10%-ном резервировании — на 10 000 долл.), т.е. расширить кредит, в особенности тогда, когда свои резервы таким же образом увеличивают многие банки.

Если центральный банк покупает активы непосредственно у частных банков, то результат еще более очевиден. Резервы частных банков возрастают, создавая базу для многократного расширения кредита.

Несомненно, больше всего центральный банк работает с государственными ценными бумагами. При помощи ЦБ государство обеспечивает наличие рынка для своих бумаг. Государство может легко увеличить предложение денег, если сначала выпустит новые бумаги, а потом прикажет ЦБ купить их. Часто центральный банк скупает бумаги, чтобы удержать их цену на определенном уровне. На этой почве развивается перманентная инфляция.

У центрального банка есть и другой способ увеличить резервы банковской системы: он может дать частным банкам взаймы. Процент, который центральный банк берет с частных банков за эту услугу, — это так называемая «учетная ставка» ЦБ. Конечно, заемные резервы менее привлекательны для банков, чем их собственные резервы, потому что их надо возвращать. Об изменениях учетной ставки всегда много пишут и говорят, хотя на денежную систему они оказывают несравненно меньшее влияние, чем изменения размера резервов банковской системы и нормы резервирования.

Когда центральный банк продает активы банкам или населению, он снижает банковские резервы, что вызывает сжатие кредита и дефляцию (снижение) предложения денег. Однако мы убедились, что государство по своей сути является инфляционным институтом. Исторически государственная политика, стимулировавшая дефляцию, встречалась редко и длилась недолго. Часто забывают, что дефляция может произойти только после инфляции, потому что удалить с рынка можно только псевдорасписки, а не золотые монеты.

10. Отказ от золотого стандарта

Появление нового государственного института — центрального банка — устраняет препятствия к расширению банковского кредита и запускает механизм инфляции. Однако центральный банк тоже представляет собой некоторую проблему. В принципе можно себе представить «набег на центральный банк» (массовое предъявление требований к погашению), но это событие из области чистой теории. А вот уменьшение объема золота в хранилищах ЦБ в результате погашения золотом требований, предъявленных другими странами, — это реальная и серьезная угроза. Выше мы показали, что если банк расширяет кредит, то золото из его хранилища переходит к клиентам тех банков, которые не расширяют кредит. Точно так же, если государство расширяет предложение денег (точнее, их заменителей), это приводит к тому, что золото переходит к жителям другой страны. Та страна, которая опережает остальные по скорости увеличения предложения денег, рискует, что золото «утечет» из нее в другие страны, а ее банковская система не выдержит требований погасить расписки золотом. В течение XIX в. сложился определенный сценарий, который повторялся циклически. Центральный банк страны способствует расширению кредита, выпуская новые деньги. Цены растут. По мере того, как новые деньги попадают в руки иностранцев, те пытаются обменять их на золото. Кончается это тем, что центральный банк волевым решением сокращает кредит, чтобы спасти денежный стандарт.

Существует только один способ избежать бесконечного повторения описанного выше цикла: договоренность между центральными банками. Если бы все центральные банки согласились увеличивать предложение заменителей денег в одном темпе, то и золото оставалось бы на месте, и кредит расширялся бы безгранично. До сих пор договориться центральным банкам не удалось — в первую очередь из-за того, что любое государство крайне ревниво относится к своим властным полномочиям и не терпит нажима извне. Из редких примеров сотрудничества можно вспомнить, как в 20-х годах XX в. Федеральная резервная система стимулировала инфляцию в стране, чтобы помочь Банку Англии предотвратить отток золота в США.

В XX в. государству надоела необходимость прибегать к непопулярным мерам (сокращение кредита, приостановка выплат) для борьбы с инфляцией и угрозой банкротства центрального банка. Было найдено другое решение: отказ от золотого стандарта. Разумеется, при отказе от золотого стандарта центральный банк ни при каких условиях не может обанкротиться, потому что денежным стандартом становятся его расписки, которых он может выпустить сколько угодно. Таким образом, государство отказалось платить по своим долгам и фактически разрешило банкам поступать так же с их обязательствами. Как это случилось? Сначала государство выпустило «пустые» расписки (естественно, не уведомив своих кредиторов, что расписки не обеспечены золотом), а когда пришло время их

погашения, самым бесстыдным образом отменило оплату обязательств золотом. Если называть вещи своими именами, то государство полностью обанкротилось, и в результате связь между национальными валютами (долларом, фунтом, маркой) и золотом была порвана окончательно.

Государства долго отказывались признавать, что их отказ от золотого стандарта окончателен. Для описания ситуации недаром использовалась формулировка «приостановка оплаты обязательств»; предполагалось, что в отдаленной перспективе («вот кончится война, и...») государство все-таки выполнит взятые на себя обязательства. Когда в конце XVIII в. Банк Англии отказался от золотого стандарта, первые 20 лет это называлось «приостановкой», поскольку считалось, что после окончания англо-французских войн погашение обязательств золотом возобновится.

Как известно, нет ничего более постоянного, чем временные меры. Так и с пресловутой «приостановкой». В конце концов золотой стандарт — это не водопроводный кран, который государство может то открывать, то закрывать. Требования на золото либо подлежат погашению, либо нет, третьего не дано.

На следующем этапе отмирания золотых денег устанавливается «золотослитковый стандарт». Требования в валюте больше нельзя погасить доступными каждому золотыми монетами — только тяжелыми, обладающими баснословной стоимостью брусками золота. В этой ситуации с золотом имеет дело только узкий круг людей, заключающих крупные внешнеторго-

вые сделки. Золотого стандарта в прежнем понимании больше нет, но государство еще может с чистой совестью заявлять, что он действует. Европейские «золотые стандарты» 1920-х годов — это как раз такого рода псевдостандарты[1].

И наконец, под аккомпанемент проклятий в адрес иностранцев и плохих патриотов, прячущих золото в сундуках, государство официально заявило об отказе от золота и переходе на необеспеченные бумажные деньги, чаще всего на расписки центрального банка. Иногда такими необеспеченными бумажными деньгами становились казначейские расписки: континентальная валюта, первые бумажные деньги федерального правительства («гринбэки») и бумаги конфедератов в Америке, ассигнаты Французской революции. То, какой именно государственный институт выпускает необеспеченные бумажные деньги, значения не имеет. Важно то, что после отказа от золотого стандарта денежный стандарт зависит исключительно от государства. Как следствие, банковские депозиты гасятся бумагами государства вместо золота.

11. Необеспеченные бумажные деньги и золото

Когда страна отказывается от золотого стандарта и переходит на необеспеченные золотом бумажные

[1] См.: *Palyi M.* The Meaning of the Gold Standard // The Journal of Business. July 1941. P. 299—304.

деньги, число параллельных денежных стандартов увеличивается. К естественным деньгам (золоту и серебру) прибавляются бумажные деньги различных государств. Мы подробно рассматривали выше, каким образом на свободном рынке устанавливается обменный курс между золотом и серебром; точно так же будут складываться взаимные обменные курсы всех имеющихся на рынке валют. При отсутствии специальных ограничений курсы валют будут свободно колебаться относительно друг друга. Если взять любые две валюты, то обменный курс будет зависеть от соотношения между их покупательной способностью. Покупательная способность валюты в свою очередь зависит от спроса на валюту и объема ее предложения на рынке. Когда валюта из расписки, обеспеченной золотом, превращается в необеспеченные бумажные деньги, доверие к ней людей снижается, спрос на нее падает, тем более что становится видно, насколько больше нынешнее предложение валюты по сравнению с количеством золота, которое обеспечивало ее раньше. Таким образом, предложение валюты увеличилось, а спрос на нее упал. Поэтому покупательная способность этой валюты и, следовательно, обменный курс тоже будут падать относительно золота. А поскольку государство по своей природе является инфляционным институтом, то оно будет и дальше обесценивать свою валюту.

Когда валюта обесценивается, это неприятно для государства и вредно для импортеров. Пока золотые деньги остаются на рынке, всегда сохраняется опас-

ность, что они вытеснят необеспеченные бумажные деньги, потому что качество государственных бумаг всегда хуже, чем у золота. Как бы государство ни поддерживало свои необеспеченные бумажные деньги (в частности, законодательно), золотые монеты, используемые людьми в обменах, всегда ставят под угрозу контроль государства над денежной системой.

В 1819—1821 гг., во время первой депрессии в Америке, четыре западных штата (Теннесси, Кентукки, Иллинойс и Миссури) учредили собственные (государственные) банки штатов, которые выпускали необеспеченные бумажные расписки. Законодательство штата защищало эти бумаги как могло. Они были объявлены узаконенным средством платежа, причем штаты время от времени фиксировали их курс. Несмотря на эту беспрецедентную поддержку, эксперимент провалился: новые бумаги мгновенно обесценились. Позднее (во время и после гражданской войны) на Севере ходили «гринбэки» — необеспеченные бумажные деньги, которые выпускало федеральное правительство, однако в Калифорнии люди отказывались иметь с ними дело и продолжали использовать золото. Известный экономист Ф. Тауссиг отмечал: «В Калифорнии, как и в остальных штатах, бумажные деньги были узаконенным средством платежа, ими можно было платить налоги. Жители штата не испытывали никакого недоверия или враждебности по отношению к федеральному правительству; тем не менее они предпочитали золото бумаге...

Закон разрешал возвращать долги обесцененными бумажными деньгами, но это было неприлично, и если кто-то и вправду так делал, он был конченый человек. Кредитор сообщал о его поступке через газеты и недобросовестного должника подвергали бойкоту. В это время бумажные деньги в Калифорнии не использовались. Население штата в своих обменах пользовалось золотом, хотя на остальной территории США ходили бумажные деньги»[1].

Итак, государству стало ясно, что людям нельзя разрешать иметь золото и распоряжаться им по своему усмотрению. Пока у людей есть возможность отказаться от необеспеченных государственных расписок и вернуться к золоту, власть государства над денежной системой страны не абсолютна. Частным лицам законодательно запретили иметь золото. Почти все золото (за исключением ювелирного и необходимого для промышленных нужд) государство присвоило, т.е. «национализировало». В наши дни требования вернуть людям отобранную у них государством собственность неактуальны; тех, кто их выдвигает, считают безнадежно отсталыми и старомодными[2].

[1] *Taussig F. W.* Principles of Economics. 2nd ed. New York: The MacMillan Company, 1916. Vol. I. P. 312. См. также: *Upton J. K.* Money in Politics, 2nd ed. Boston: Lothrop Publishing Company, 1895. P. 69 ff.

[2] Блестящий анализ того, как государство отобрало у американцев их золото и отказалось от золотого стандарта в 1933 г., см.: *Garrett* G. The People's Pottage. Caldwell, Idaho: The Caxton Printers, 1953. P. 15—41.

12. Необеспеченные бумажные деньги и закон Грэшема

Когда золото поставлено вне закона, а денежным стандартом стали необеспеченные бумажные деньги, путь к высокой инфляции, инициируемой государством, открыт. Единственное, что сдерживает инфляционные инициативы правительства, — это угроза гиперинфляции и краха национальной валюты. Гиперинфляция возникает в том случае, если люди понимают, что правительство специально устраивает инфляцию, чтобы собрать с них инфляционный налог. Тогда они начинают вести себя так, чтобы по возможности избежать дополнительного инфляционного налогообложения, и тратят все имеющиеся у них деньги, пока они не обесценились. Однако, пока гиперинфляция не началась, государству кажется, что оно может спокойно управлять денежной системой и инфляцией. Но это только так кажется. На самом деле попытка государства решить одну проблему всегда приводит к возникновению массы других. В мире необеспеченных бумажных денег у каждой страны есть свои собственные деньги. Международное разделение труда, которое было основано на общих для всего мира деньгах, разрушено, внутри отдельных государств тоже усиливается тенденция к автаркии. Нестабильность обменных курсов подрывает мировую торговлю. Как следствие, уровень жизни в каждой стране снижается. Курс каждой отдельно взятой валюты свободно колеблется относительно всех остальных валют. Страна,

в которой инфляция выше, чем у соседей, больше не рискует потерять свое золото, но она сталкивается с другими проблемами. Снижение курса национальной валюты заставляет граждан опасаться, что их деньги будут обесцениваться и дальше. Кроме того, дорожают импортные товары, что существенно для стран, ведущих активную внешнюю торговлю.

Чтобы избежать неприятных последствий курсовых колебаний, государства прибегли к фиксации официального обменного курса. Закон Грэшема говорит о том, к чему приводит регулирование цен на что бы то ни было. Невозможно установить цену, которая была бы рыночной ценой, потому что цены на свободном рынке постоянно меняются в ответ на изменения спроса и предложения. Поэтому, как ни устанавливай фиксированный обменный курс, одна валюта всегда будет искусственно переоценена, а другая — искусственно недооценена. Обычно государство преднамеренно переоценивало национальную валюту — из соображений престижа, но не только. Когда валюта искусственно переоценена, люди торопятся воспользоваться выгодным курсом и обменять ее на недооцененную валюту. Это приводит к избытку переоцененной и дефициту недооцененной валюты. Проще говоря, фиксация обменного курса и призвана воспрепятствовать достижению сбалансированности на валютном рынке. Иностранные валюты, как правило, были переоценены относительно доллара. Это вызвало знаменитый феномен «нехватки долларов» — очередное свидетельство действия закона Грэшема.

Разумеется, причиной того, что в некоторых странах не хватало долларов, была их государственная политика, а именно искусственная недооценка американской валюты. Очень может быть, что на самом деле эти страны вполне устраивала нехватка долларов. Во-первых, это был прекрасный повод, чтобы требовать от Америки предоставления финансовой помощи. Во-вторых, под предлогом нехватки долларов было легко ввести квоты на импорт американских товаров. Оттого, что доллар недооценен, цены на американский импорт оказываются искусственно завышенными[1]. Последствия этого — дефицит в торговле с США и отток долларов[2]. На этом этапе государство с горечью заявило о необходимости регулирования импорта. Имелось в виду, что государство будет выдавать лицензии импортерам и «в соответствии с потребностями» определять, чту именно будет импортироваться. Чтобы обеспечить государственное регулирование импорта, во многих странах ввели обязательную продажу иностранной валюты по искусственно заниженному курсу, т.е. отобрали у граждан их сбережения в иностранной валюте. Таким образом, государство присвоило, т.е. национализировало, иностранную валюту, как в свое время — золото. Больше всего пострадали экспортеры. В странах с экономикой, ориентированной на

[1] [В 4-м издании это предложение было опущено. — *Прим. амер. ред.*]

[2] В последние годы доллар оказался переоцененным относительно других валют; соответственно началась утечка долларов из США.

экспорт, введение «валютного контроля» фактически означает переход к социализму. Искусственный валютный курс позволяет этим странам претендовать на иностранную помощь. Кроме того, валютное регулирование фактически означает переход к свойственному социализму контролю над внешней торговлей[1].

В наши дни на валютном рынке — благодаря валютному контролю, валютным блокам, множественным обменным курсам, ограниченной конвертируемости и т.д. — царит полный хаос. В некоторых странах закон поощряет «черный» валютный рынок, чтобы выяснить истинный обменный курс, а для разных типов операций там установлены многочисленные обменные курсы, невыгодные для участников рынка. Практически все страны перешли на неразменные бумажные деньги, но не признаются в этом, а утверждают, что в них действует «ограниченный золотослитковый стандарт» (имеется в виду ограничение на обращение золотых монет) — полная фикция! На самом деле золото используется лишь для удобства, а не в качестве обеспечения. Во-первых, установление курса валют относительно золота облегчает расчеты. Во-вторых, золото все еще используется в сделках между государствами. При фиксированных обменных курсах должен быть хоть *какой-то* товар, курс которого менялся бы, и золото идеально подходит на эту роль. Итак, золото пере-

[1] Чрезвычайно квалифицированный анализ проблем валютных курсов и валютного контроля см.: *Winder* G. The Free Convertibility of Sterling. London: The Batchworth Press, 1955.

стало быть универсальными деньгами, которыми пользовались все и повсюду. Теперь это деньги, которыми пользуются государства для расчетов между собой.

Сторонники инфляции мечтают о мировых бумажных деньгах, которыми манипулировало бы мировое правительство или всемирный центральный банк. Переход на единые неразменные деньги позволил бы проводить равномерную инфляцию по всему миру. Однако это дело далекого будущего. До мирового правительства пока далеко, а проблемы национальных валют настолько различны, что создать на их основе общую денежную единицу затруднительно. Мир, однако, движется в направлении единой валюты. МВФ, например, — это институт, который был создан для защиты принципа валютного контроля вообще и сохранения существующего положения доллара (когда он недооценен относительно других валют) в частности. Государства — члены МВФ обязаны установить фиксированный обменный курс своей валюты и внести в фонд взносы долларами и золотом в соответствии с квотой. МВФ выдает займы тем государствам-членам, у которых возникает нехватка твердой валюты для поддержания искусственно зафиксированного курса их национальной валюты.

13. Государство и деньги

Многие считают, что свободный рынок — это беспорядок, хотя у него и есть определенные преимущества. На нем ничего не планируется, всем управляет случай.

С другой стороны, государственный диктат обеспечивает порядок, к тому же обеспечивает его простыми способами. Государство издает законы, а люди их соблюдают. Миф о том, что государство способно навести порядок, особенно устойчив в отношении денежной системы. Кажется, что уж деньги-то непременно должны быть под контролем государства. Но ведь деньги — это кровь экономики. Они участвуют во всех сделках. Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать. Мы доказали, что свободный рынок денег ничего общего не имеет с хаосом, напротив, денежная система свободного общества — это образец порядка и эффективности.

Мы видели, как государство постепенно, шаг за шагом уничтожало свободный рынок и получило наконец полный контроль над денежной системой. Мы видели, как разрасталась система контроля, вначале казавшаяся безобидной, как одни ограничения свободного рынка денег порождали другие. Мы узнали, что государство по своей природе является инфляционным институтом, потому что инфляция — крайне соблазнительный способ присвоения доходов граждан. Государство медленно, но верно брало в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению, во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой.

Государственное вмешательство в сферу денежного

обращения принесло миру не только тиранию, но и хаос вместо обещанного порядка. Мировой рынок был расколот на тысячу частей. Возможности людей свободно торговать и инвестировать оказались ограниченны мириадами запретов, введением принудительных обменных курсов, угрозами краха валют. Государственное вмешательство, превратившее мир взаимовыгодного и добровольного сотрудничества в скопище воюющих друг с другом валютных блоков, подтолкнуло человечество к войнам. Итак, в сфере денежного обращения, как и в других областях человеческой деятельности, принуждение порождает отнюдь не порядок, а конфликты и хаос.

ГЛАВА III.

Финансовый закат Запада

С тех пор, как вышло первое издание этой книги, политика денежного интервенционизма успела принести плоды. Возьмем, к примеру, мировой финансовый кризис февраля—марта 1973 г. (и последовавшее за ним июльское падение доллара) — один из серии случившихся за последнее время кризисов, промежутки между которыми становятся все короче и короче. Вряд ли можно придумать лучшую иллюстрацию правильности наших выводов о неизбежных последствиях государственного вмешательства в сферу денежного обращения. Каждый раз, найдя паллиативное решение, позволяющее смягчить очередной кризис, государства Запада громогласно заявляли, что отныне у мировой денежной системы появилась надежная база и никаких кризисов больше не будет. Президент Никсон договорился до того, что назвал Смитсоновское соглашение о принципах регулирования мировой денежной системы, заключенное 18 декабря 1971 г., «величайшим соглашением за всю историю человечества». И что же? Не прошло и полутора лет, как величайшее соглашение развалилось. Каждое новое лекарство от кризиса действовало все хуже и хуже.

Если мы хотим разобраться в нынешнем денежном хаосе, нам следует обратить внимание на то, что происходило на протяжении XX в. с мировой денежной сис-

темой. Мы увидим, что ни один из рецептов борьбы с финансовым кризисом посредством государственного вмешательства не подействовал. Денежный интервенционизм привел лишь к циклическому повторению кризисов. С точки зрения эволюции денежной системы в истории XIX—XX вв. можно выделить девять этапов. Мы будем рассматривать каждый из них отдельно.

1. Первый этап: Классический золотой стандарт, 1815—1914 гг.

И в буквальном, и в переносном смысле XIX в. был поистине золотым веком западной цивилизации — веком господства классического золотого стандарта. Существовала, правда, проблема серебра, но за этим исключением мир был объединен золотым стандартом. Иными словами, названия национальных валют (доллар, фунт, франк и т.д.) являлись просто определениями единиц веса золота. Так, доллар был названием такого количества золота, которое весило примерно $^{1}/_{20}$ унции, фунт стерлингов — названием $^{1}/_{4}$ унции золота и т.д. Это означало, что обменные курсы были зафиксированы, но государство тут было ни при чем. Национальные валюты жестко соотносились между собой как единицы веса. Так же, как 1 фунт (единица веса) всегда равен 16 унциям, точно так же 1 фунт стерлингов (единица веса золота) был всегда равен 4,86 доллара.

Международный золотой стандарт означал, что люди во всем мире пользовались преимуществами, которые связаны с наличием универсальных денег.

Соединенные Штаты стали богатой и процветающей страной в значительной степени потому, что у нас были общие для всей страны деньги. У нас не было хаоса, который возникает тогда, когда каждый город и каждое графство выпускают свои деньги и соотношения между этими многочисленными деньгами постоянно меняются. Опыт XIX в. показал, каким благом для цивилизации могут быть единые для всех деньги. Людям становится проще торговать, ездить в другие страны, перевозить товары, вкладывать свои деньги в любой точке земного шара, что в свою очередь приводит к развитию специализации и международного разделения труда.

Следует подчеркнуть, что золото стало единым денежным стандартом не потому, что так решило государство. Понадобились столетия, чтобы свободный рынок признал золото самыми лучшими деньгами, т.е. наиболее эффективным товаром, обладающим наибольшей обмениваемостью. Очень важно и то, что предложение золота зависело исключительно от свободного рынка, а не от государства с его печатным станком.

Международный золотой стандарт автоматически блокировал попытки государства раскрутить инфляцию. Кроме того, он автоматически обеспечивал равновесие платежного баланса в каждой отдельно взятой стране. Как писал в середине XVIII в. философ и экономист Давид Юм, если одна страна (скажем Франция) увеличивает предложение бумажных франков, то цены там повышаются. Повышение доходов населения (в бумажных франках) стимулирует импорт; кроме того, импорт растет и потому, что цены на импор-

тные товары ниже, чем на отечественные. С другой стороны, из-за высоких цен на отечественные товары сокращается экспорт. Поскольку страна импортирует больше, чем экспортирует, возникает дефицит внешнеторгового баланса. Начинается отток золота из страны, потому что иностранные государства требуют погашения французских обязательств (бумажных франков) золотом. В этой ситуации Франция вынуждена сократить искусственно раздутое предложение бумажных франков, чтобы не потерять все свое золото. Если же искусственно увеличены были банковские депозиты, то французским банкам придется сократить предложение кредитов, иначе их ждет неминуемое банкротство, когда иностранцы потребуют погасить депозиты золотом. Когда предложение кредитов уменьшается, цены на внутреннем рынке падают. Это приводит к превышению экспорта над импортом, и вместо оттока золота начинается, наоборот, его приток. Он продолжается до тех пор, пока цены во всех странах, торгующих друг с другом, не установятся примерно на одном и том же уровне.

Не будем отрицать, что государственное вмешательство снижало эффективность саморегулирования рынка и привело к тому, что, несмотря на золотой стандарт, постоянно воспроизводился экономический цикл (от инфляции к рецессии). Из шагов государства, направленных на регулирование свободного рынка денег, отметим следующие: введение государственной монополии на изготовление монет, законы об узаконенных средствах платежа, изобретение бумажных

денег, поощрение банковской инфляции. Тем не менее, хотя государство и пыталось влиять на денежное обращение, по большому счету ситуация в денежной сфере определялась требованиями рынка. Несмотря на то что классический золотой стандарт XIX в. не был совершенным и мелкие кризисы все же случались, ничего лучшего человечество не придумало. Благодаря золотому стандарту в денежной системе был порядок, все работало, экономические циклы находились под контролем, международная торговля и инвестиционная деятельность свободно развивались[1].

2. Второй этап: Первая мировая война и послевоенные годы, 1914—1926 гг.

Если классический золотой стандарт работал так хорошо, то почему его не стало? Да потому что люди слишком доверяли государству. Они рассчитывали на то, что государство (и банки, которые оно контролирует) исполнит свои торжественные обещания и в любой момент обменяет фунты, доллары, франки и пр. на золото. Золото ни в чем не виновато, просто доверять государству — безумие. Все государства, ввязавшиеся в военную катастрофу Первой мировой были вынуждены увеличивать предложение денег. Уровень инфляции был настолько высок, что воюющие страны

[1] О классическом золотом стандарте и начале его разрушения см.: *Palyi M.* The Twilight of Gold, 1914—1936. Chicago: Henry Regnery, 1972.

были не в состоянии сдержать свои обещания по обмену бумаг и депозитов на золото, поэтому вскоре после начала войны они отказались от золотого стандарта, т.е. фактически признали себя банкротами. Единственное исключение — Соединенные Штаты, которые вступили в войну поздно и не увеличили предложение долларов до такой степени, чтобы их было невозможно погасить золотом. Остальные страны погрузились в хаос (правда, некоторые экономисты считают такой хаос идеальным состоянием денежной системы): конкуренция девальваций, враждующие валютные блоки, бессчетные разновидности валютного контроля, таможенных тарифов и квот, распад международной торговли, кризис инвестиционной деятельности — словом, все прелести свободно колеблющихся обменных курсов (сейчас это называется «грязным плаванием»[1]). Инфляция привела к тому, что фунты, франки, марки и т.д. обесценились относительно золота и доллара и от былого порядка не осталось и следа.

К счастью, в те времена нашлось немного специалистов, которые встретили разрушение мировой денежной системы радостными приветствиями. Преобладало мнение, что миру угрожает катастрофа. Экономисты и политики искали средство, которое вернет людям стабильность и свободы, присущие веку классического золотого стандарта.

[1] [«Dirty floating» — плавающий курс, определяемый не только рынком, но и действиями центральных банков (валютными интервенциями). — *Прим. пер.*]

3. Третий этап: Золотослитковый стандарт (Великобритания и США), золотодевизные стандарты остальных стран, 1926—1931 гг.

Как вернуть золотой век? Разумная политика состояла бы в том, чтобы примириться с действительностью, т.е. признать факт обесценения валют европейских стран, и вернуться к золотому стандарту, заново установив курсы валют в соответствии с реальным предложением денег и уровнем цен. До войны фунт стерлингов соответствовал такому весу золота, который приравнивал его к 4,86 долл. Однако в конце Первой мировой войны курс фунта на свободном валютном рынке снизился вследствие инфляции до 3,50 долл. Примерно в той же степени обесценились и другие валюты. Разумной мерой со стороны Великобритании было бы возвращение к золотому стандарту при новом, фактически установившемся курсе фунта — 3,50 долл. Если бы так поступили все страны, то классический золотой стандарт был бы восстановлен. Но, увы, британцы совершили ошибку, приняв роковое решение о возврате не только к золотому стандарту, но и к прежнему обменному курсу — 4,86 долл.[1] Они поступили так из соображений национального «престижа» и оттого, что хотели вернуть Лондону гордое имя центра финансового мира. Благородное безумие сынов Альбиона увенча-

[1] О принципиальной ошибке Великобритании и ее последствиях, приведших к депрессии 1929 г., см.: *Robbins L.* The Great Depression. New York: MacMillan, 1934.

лось бы успехом, если бы они смогли резко снизить предложение денег и цены (при курсе 4,86 долл. за фунт британские товары оказывались неконкурентоспособными на мировых рынках). Дефляция, однако, исключалась по политическим причинам: рост влияния профсоюзов и введение государственных пособий по безработице привели к тому, что заработную плату невозможно было понизить. Для того чтобы провести дефляцию (снизить предложение денег и, следовательно, номинальные доходы населения), Великобритания должна была отказаться от идеи строительства социального государства или по крайней мере заморозить некоторые «социальные гарантии». В результате британцы предпочли и дальше увеличивать предложение денег, что, разумеется, сопровождалось ростом цен. Благодаря тому, что фунт был переоценен, а инфляция продолжалась, в 20-е годы у страны были проблемы с экспортом, и безработица свирепствовала, несмотря на то, что бóльшая часть мира переживала экономический бум.

Как Великобритания могла выйти из печального положения, в котором она оказалась, не отказываясь от принятых решений? Британцам было бы выгодно, если бы в других странах тоже продолжалась инфляция или — другой вариант — произошел бы возврат к золотому стандарту, но с переоцененной, подобно фунту стерлингов, национальной валютой. При этом получилось бы, что к выгоде Великобритании остальные государства неявно субсидируют импорт британских товаров. Исходя из такого рода предпосылок, в 1922 г. Великобритания

предложила на Генуэзской конференции идею нового денежного стандарта — золотодевизного.

Золотодевизный стандарт работал так. В США сохранялся классический золотой стандарт с погашением долларов золотом. Великобритания и другие европейские страны примерно в 1926 г. вернулись к псевдозолотому стандарту. Британские фунты и другие валюты обменивались на золото, но не на золотые монеты, а на крупные золотые бруски, пригодные только для крупных внешнеторговых обменов. Граждане Великобритании и других стран Европы больше не могли использовать золото в повседневных обменах. Это стимулировало увеличение предложения (инфляцию) бумажных денег и банковских кредитов. Великобритания гасила фунты не только золотом, но еще и долларами, а остальные страны меняли свои валюты не на золото, а на фунты. При этом большинство стран под воздействием Британии вернулись к золотому стандарту, установив искусственно завышенный курс национальной валюты. В результате была построена типичная финансовая пирамида, в основании которой было золото, на нем — частично обеспеченные золотом доллары, на них — частично обеспеченные долларами фунты и, наконец, частично обеспеченные фунтами национальные валюты континентальной Европы. Это сооружение носило имя «золотодевизного стандарта», а доллар и фунт назывались «ключевыми валютами».

Отныне, когда Великобритания закачивала в экономику деньги и кредиты, получая в результате внешнеторговый дефицит, золотой стандарт больше не

работал как ограничитель инфляции. Страны континентальной Европы больше не требовали у британцев погашения фунтов золотом; в соответствии с правилами золотодевизного стандарта рост инфляции в Великобритании позволял им увеличить предложение собственной валюты и продлить инфляционный бум. Таким образом, Великобритания и Европа проводили ничем не сдерживаемую инфляционную политику, а британский внешнеторговый дефицит все увеличивался и увеличивался, не ограниченный дисциплинирующим воздействием золотого стандарта. Вдобавок Великобритания сумела ограничить масштабы оттока золота и долларов в США, уговорив ФРС стимулировать инфляцию доллара.

Особенность золотодевизного стандарта состоит в том, что он недолговечен. Расплачиваться все равно приходится: затяжной бум, вызванный инфляцией, заканчивается полномасштабным экономическим кризисом. Обвал пирамиды был неизбежен. В США, Франции и в других странах накопились колоссальные запасы необеспеченных фунтов: достаточно было, чтобы доверие к фунту чуть-чуть заколебалось, и вся конструкция рухнула. Это случилось в 1931 г. Банкротства европейских[1] банков и попытки Франции, которая проводила политику «твердых денег», обменять накопленные фунты на золото привели к тому, что Великобритания полностью отказалась от золотого стандарта. Вскоре за ней последовали другие европейские страны.

[1] [Австрийских, а затем немецких. — *Прим. науч. ред.*]

4. Четвертый этап: Плавающие неразменные бумажные валюты, 1931—1945 гг.

Мир вернулся к денежному хаосу времен Первой мировой войны, но на этот раз надежд на восстановление золотого стандарта практически не было. Международный экономический порядок был полностью дезинтегрирован. Воцарилась неразбериха: чистые[1] и грязные плавающие валютные курсы, конкурирующие девальвации, торговые барьеры и разнообразные формы валютного контроля. Между валютами и валютными блоками шли экономические и финансовые войны. Международная торговля и инвестиции фактически замерли. Торговля свелась к двусторонним бартерным сделкам, заключаемым между государствами. Как подчеркивал государственный секретарь США Корделл Холл, финансовые и экономические конфликты 30-х годов были главной причиной Второй мировой войны[2].

В США золотой стандарт продержался на два года дольше, чем в Европе. В 1933—1934 гг. американцы отказались от золотого стандарта, ошибочно полагая, что это поможет им справиться с депрессией. Американские граждане больше не могли гасить доллары зо-

[1] [«Clean floating» — плавающий курс, определяемый действием закона спроса и предложения на рынке. — *Прим. пер.*]

[2] *Hull C.* Memoirs. New York, 1948. Vol. I. P. 81. См. также: *Gardner R.* Sterling-Dollar Conspiracy. Oxford: Clarendon Press, 1956. P. 141.

лотом; им вообще запретили иметь золото (в том числе за рубежом). Однако и после 1934 г. в США действовала своеобразная новая форма золотого стандарта. Обесценившийся доллар был приравнен к $^{1}/_{35}$ унции золота, при этом золотом погашались только требования иностранных правительств и центральных банков. Связь доллара с золотом, хотя и слабая, все-таки оставалась. Кроме того, денежный хаос в Европе стимулировал приток золота в США.

Из хаоса 1930-х годов можно извлечь важный урок. История продемонстрировала, что у концепции свободно плавающих неразменных бумажных валют Милтона Фридмена и Чикагской школы, кроме экономических изъянов, есть серьезный политический изъян. Что, собственно, — *во имя свободного рынка* — предлагают Фридмен и его школа? Для начала полностью оборвать все связи с золотом и отдать распоряжение национальной валютой в руки государства, иначе говоря, позволить государству выпускать необеспеченные бумажные деньги в качестве узаконенного платежного средства. После этого, полагают они, государство должно, во-первых, отпустить валюту в свободное плавание, позволив ей колебаться относительно прочих валют, во-вторых, не допускать чересчур высокой инфляции. Таким образом, сначала они отдают регулирование предложения денег в руки государства, а после этого почему-то ожидают, что государство будет воздерживаться от использования возможностей, полученных в связи с приобретением контроля над денежной системой. Но, как всем известно

(и 1930-е годы это блестяще продемонстрировали) у государства нет привычки к воздержанию, особенно если речь идет об инфляции. Поэтому непростительная наивность и этатистские иллюзии сторонников Фридмена, всерьез рассчитывающих на то, что государство откажется безнаказанно печатать фальшивые деньги, должны быть очевидны.

Итак, ужасный опыт 30-х годов, опыт существования денежной системы, основанной на необеспеченных бумажных деньгах, и связанного с этим экономического беспредела, привел к тому, что одной из задач, вставших перед США после Второй мировой войны, стало восстановление жизнеспособной мировой денежной системы, на основе которой было бы возможно возрождение внешней торговли и международного разделения труда.

5. Пятый этап: Бреттон-Вудс и новый золотодевизный стандарт (США), 1945—1968 гг.

Новая денежная система для всего мира была придумана Соединенными Штатами. Ее правила были согласованы на международной конференции в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Гэмпшир, в середине 1944 г. и ратифицированы Конгрессом в июле 1945 г. Хотя Бреттон-Вудская система была шагом вперед по сравнению с предшествовавшим хаосом, она была обречена с самого начала, поскольку представляла собой не очень точную копию золотодевизного стандарта 1920-х годов.

Новая система отличалась от покойного золотодевизного стандарта 1920-х годов в сущности тем, что в ней были не две «ключевые валюты» (фунт и доллар), а одна — естественно, доллар (составлявший тогда $^{1}/_{35}$ унции золота). Другое отличие от 20-х годов состояло в том, что американские граждане больше не имели возможности гасить свои доллары золотом; продолжали действовать порядки 30-х годов, т.е. гасить доллары золотом могли *только* иностранные правительства и их центральные банки. Привилегию погашать доллары мировыми деньгами (т.е. золотом) получили, таким образом, исключительно государственные органы. Бреттон-Вудская система, как и золотодевизный стандарт 1920-х годов, привела к созданию финансовой пирамиды. В основании пирамиды в США было золото, обмена на которые принадлежащих им долларов могли требовать только правительства иностранных государств; сверху же были необеспеченные доллары (бумажные деньги и банковские депозиты). В остальных странах в основании пирамиды были доллары, в которых хранились валютные резервы, а сверху — необеспеченные национальные валюты. Поскольку после войны золотой запас США был колоссальным (около 25 млрд долл.), то возможности для пирамидостроения открылись огромные. Система производила впечатление работающей также и потому, что после войны были восстановлены старые обменные курсы, иначе говоря, европейские валюты были сильно переоценены относительно доллара. Например, курс фунта остался, как и до войны, 4,86 долл.,

хотя, если исходить из покупательной способности, он должен был быть гораздо меньше. Так как в 1945 г. доллар был искусственно недооценен, а большинство других валют переоценено, то возникла так называемая «нехватка долларов». Чтобы преодолеть «нехватку долларов» за пределами США, американское правительство (точнее, американские налогоплательщики, согласия которых никто не спрашивал) оказывало европейским странам финансовую помощь. Иначе говоря, американские налогоплательщики, из кармана которых государство брало деньги на помощь Европе, на самом деле частично финансировали профицит платежного баланса США, возникший вследствие искусственно заниженного курса доллара.

Американское государство быстро осознало, что в рамках Бреттон-Вудской системы инфляция остается безнаказанной. Как следствие этого, после войны стимулирование инфляции стало в США государственной политикой. К началу 50-х годов под воздействием американской инфляции потоки международной торговли изменили направление. Пока США увеличивали предложение денег и кредита, многие европейские государства (Западная Германия, Швейцария, Франция, Италия) — часто под влиянием экономистов австрийской школы — сумели укрепить свои валюты. Великобританию, где были высокие темпы инфляции, отток долларов заставил девальвировать фунт до 2,40 долл. Эти обстоятельства, а также повышение производительности труда сначала в Европе, а позже в Японии привели к устойчивому дефициту платеж-

ного баланса США. На протяжении 50—60-х годов темпы инфляции в США становились все выше как в абсолютном выражении, так и относительно Японии с Западной Европой. Классического ограничителя инфляции (в особенности американской) — золотомонетного стандарта — больше не существовало, а Бреттон-Вудские правила заставляли страны Запада бесконечно наращивать свои долларовые резервы и на этом основании увеличивать предложение национальной валюты и кредитов.

В 50—60-х годах страны с «твердыми деньгами» (западноевропейские государства и Япония) заволновались оттого, что их заставляют копить доллары, которые на тот момент были уже не недооцененными, как в момент создания новой системы, а искусственно переоцененными. По мере того, как покупательная способность (истинная стоимость) долларов падала, западные государства переставали в них нуждаться, но сделать ничего не могли. Бреттон-Вудская система превратилась в ловушку для европейцев, и они запротестовали. Противников золотодевизного стандарта возглавила Франция, от имени которой выступал главный финансовый советник де Голля Жак Рюэфф, сторонник классического золотого стандарта. Американцы отнеслись к претензиям жертв Бреттон-Вудского кошмара с пренебрежением. Американские политики и экономисты напомнили, что Европу *заставили* использовать доллар в качестве ключевой валюты. С их точки зрения, со своими проблемами европейцы должны были справляться сами, а США имели полное

право и дальше увеличивать темпы инфляции, не обращая внимания на то, к каким последствиям для остального мира это приводит.

Однако у Европы оставалась законная возможность погасить доллары золотом по курсу 35 долл. за унцию. По мере того, как доллар становился все более переоцененным по отношению к золоту и «твердым» европейским валютам, эта возможность использовалась все чаще, и с начала 50-х годов возник продолжавшийся два десятилетия отток золота из США. В итоге золотой запас страны буквально растаял: от 20 млрд долл. осталось 9, но выпуск необеспеченных денег не прекратился. Итак, под угрозой оказался краеугольный камень Бреттон-Вудской системы: погашение долларов золотом по требованию правительств и центральных банков. Но даже эта угроза не заставила США снизить темпы инфляции и обратить внимание на проблемы европейских участников системы золотодевизного стандарта. К концу 60-х годов в Европе скопилось не менее 80 млрд нежеланных долларов, получивших название «евродоллары». Чтобы остановить поток требований о погашении евродолларов золотом, США прибегли к беспрецедентному политическому давлению на Европу. Что-то похожее, но в гораздо меньших масштабах происходило в 1931 г., когда Великобритания пробовала уговорить Францию не гасить скопившиеся там переоцененные фунты золотом. Но экономические закономерности неумолимы, и в конце концов американское государство понесло наказание за игры с инфляцией. В 1968 г. «вечная и не-

рушимая», по мнению американского истэблишмента, Бреттон-Вудская система стала рушиться на глазах.

6. Шестой этап: Распад Бреттон-Вудской системы, 1968—1971 гг.

США становилось все труднее поддерживать цену золота на уровне 35 долл. за унцию на свободных рынках золота в Лондоне и Цюрихе из-за того, что, с одной стороны, происходил отток золота из страны, с другой, — в Европе продолжали накапливаться доллары. Эта цена (35 долл. — за унцию золота) была краеугольным камнем всей системы. Американским гражданам с 1934 г. было запрещено иметь золото, но граждане других стран могли законно владеть и золотыми слитками, и золотыми монетами. У них был только один способ погасить доллары золотом: продать их на свободном рынке по цене 35 долл. за унцию. По мере того, как темпы инфляции в Америке росли, доллар все больше обесценивался, а дефицит платежного баланса США увеличивался, частные лица стали все активнее сбрасывать доллары на свободный рынок золота. США были вынуждены тратить золото из своих стремительно сокращавшихся запасов на то, чтобы поддерживать цену 35 долл. за унцию в Лондоне и Цюрихе.

Кризис доверия к доллару на свободных рынках золота привел к тому, что в марте 1968 г. США внесли существенные изменения в денежную систему. Их цель состояла в том, чтобы спасти Бреттон-Вудскую систему, отделив ее от свободного рынка золота. Так возник

«двухъярусный рынок золота»: свободный рынок — сам по себе, а золото центральных банков — само по себе. США приняли решение плюнуть на свободный рынок золота и больше не поддерживать рыночную цену унции золота на уровне 35 долл. Все государства по предложению США договорились навечно зафиксировать цену унции золота как денежной единицы на уровне 35 долл. Правительства и центральные банки мира отказались от продажи и покупки золота на «внешнем» (свободном) рынке. Золото должно было просто использоваться в обменах между центральными банками в качестве счетной единицы (1 унция = 35 долл.). Свободный рынок золота мог жить как хотел, поскольку к мировой денежной системе это просто не имело отношения.

Параллельно с введением двухъярусного рынка золота США активно проталкивали идею введения нового вида резервных бумажных расписок: специальных прав заимствования (СДР)[1]. Американцы надеялись, что СДР смогут заменить золото и стать мировыми бумажными деньгами. Предполагалось, что их будет эмитировать будущий Всемирный резервный банк. Если бы удалось создать такую систему, США, скооперировавшись с другими государствами, могли бы бесконечно увеличивать предложение необеспеченных денег. Правда, одно ограничение осталось бы: угроза всемирной гиперинфляции и краха мировых бумажных денег. На практике СДР, против распространения ко-

[1] Special drawing rights.

торых активно боролась Западная Европа и страны с твердыми валютами, до сих пор составляют лишь незначительную часть валютных резервов США и других государств.

Экономисты — сторонники бумажных денег, от кейнсианцев до последователей Милтона Фридмена, нисколько не сомневались, что золото исчезнет из международной денежной системы. Они предсказывали, что, потеряв «поддержку» доллара, цена золота на свободном рынке упадет намного ниже 35 долл. за унцию — до цены золота, используемого в промышленности, т.е. примерно до 10 долл. за унцию. На самом деле свободная цена золота ни разу не опускалась ниже 35 долл. К началу 1973 г. она достигла 125 долл. за унцию, хотя это и было, по мнению сторонников бумажных денег, теоретически невозможно.

Введение двухъярусного рынка золота лишь продлило агонию Бреттон-Вудской системы на несколько лет. Инфляция в Америке продолжалась, золотые запасы сокращались, дефицит платежного баланса увеличивался. Евродоллары аккумулировались на счетах европейских центральных банков все в большем количестве. Динамика цены золота на свободном рынке наглядно демонстрировала стремительное падение доверия к доллару. Кризис двухъярусной системы наступил быстро и с ним окончательный распад Бреттон-Вудской системы[1].

[1] О двухъярусном рынке золота см.: *Rueff J.* The Monetary Sin of the West. New York: MacMillan, 1972.

7. Седьмой этап: Конец Бреттон-Вудской системы: плавающий курс неразменных бумажных валют, август—декабрь 1971 г.

15 августа 1971 г. президент Никсон заморозил цены и зарплаты, безуспешно пытаясь остановить галопирующую инфляцию, а также принял решение, которое добило Бреттон-Вудскую систему. В ответ на демарш центральных банков западно-европейских стран, которые наконец-то пригрозили потребовать погашения золотом накопившейся массы евродолларов, Никсон полностью отказался от золотого стандарта в любом понимании этого слова. Впервые в американской истории доллар стал полностью бумажным, не имеющим никакого золотого обеспечения. Та призрачная связь доллара с золотом, которая существовала с 1933 г., была разорвана. Мир был отброшен в 30-е годы, эпоху денежного беспредела, более того, на этот раз все было гораздо хуже, потому что тогда хотя бы доллар сохранял связь с золотом. Впереди замаячила жуткая перспектива валютных блоков, конкурирующих девальваций, экономической войны, прекращения международной торговой и инвестиционной деятельности. Всемирная депрессия стала реальной угрозой.

Что было делать? Результатом стремления США сохранить международную денежную систему (но на новых основаниях — без опоры на золото) стало заключенное 18 декабря 1971 г. Смитсоновское соглашение.

8. Восьмой этап: Смитсоновское соглашение, декабрь 1971—февраль 1973 г.

Смитсоновское соглашение, названное президентом Никсоном «величайшим в истории», было еще более шатким и ненадежным, чем старый золотодевизный стандарт 20-х годов или Бреттон-Вудская система. Страны мира в очередной раз обязались поддерживать фиксированные курсы валют, но на этот раз валюты не были обеспечены ничем: ни золотом, ни даже мировыми деньгами. Европейские валюты были искусственно недооценены. Девальвация доллара была запоздалой и совершенно незначительной: всего до 38 долл. за унцию. Правда, после бесконечных заявлений США о том, что курс 35 долл. за унцию золота пребудет во веки веков, даже такая девальвация имела большое символическое значение.

Фиксированные обменные курсы, хотя для них и были предусмотрены «валютные коридоры», не могли устоять, потому что в новой системе отсутствовало единое средство обмена. Ситуацию усугубляло то, что Смитсоновские договоренности никак не ограничивали американскую инфляцию, снижение курса доллара и рост внешнеторгового дефицита.

«Разбухшее» предложение евродолларов в сочетании с инфляцией и отказом от золота как единого средства обмена привело к тому, что цена унции золота на свободном рынке дошла до 215 долл. Стало совершенно очевидно, что доллар искусственно переоценен, а твердые валюты Западной Европы и Японии

искусственно недооценены. В феврале—марте 1973 г. мировые финансовые рынки охватила паника. Доллар рухнул, и страны с твердыми валютами прекратили его покупать (т.е. поддерживать завышенный курс американской валюты). Итак, прошло чуть больше года, и Смитсоновская система (фиксированные обменные курсы необеспеченных бумажных валют) рухнула, не выдержав столкновения с реальностью.

9. Девятый этап: Плавающий курс неразменных бумажных валют, март 1973 г. — ?

Когда доллар рухнул, мир вернулся к системе плавающих обменных курсов неразменных бумажных валют. В Европе обменные курсы валют были привязаны друг к другу, а США снова провели символическую — до 42 долл. за унцию золота — девальвацию доллара. На валютных биржах доллар все падал и падал, немецкая марка, швейцарский франк и японская иена рвались вверх, а власти США благодаря разъяснениям Фридмена и компании начали убеждаться, что это и есть идеальная денежная система. Куда-то исчезли сложности с евродолларами, рассосался дефицит платежного баланса. Американские экспортеры тоже были ужасно довольны тем, что падение курса благотворно повлияло на экспорт — и верно, благотворно, ведь товары подешевели. Правда, государства время от времени занимались валютными интервенциями (т.е. валюты все-таки колебались не впол-

не свободно), но в общем и целом идеи Фридмена торжествовали.

Увы, слишком быстро выяснилось, что система свободно плавающих валют, необеспеченных золотом, далеко не идеальна. В долгосрочной перспективе страны с твердой валютой, несомненно, откажутся мириться с тем, что их деньги дорожают, а их рынки благодаря дешевизне доллара захватывают американские товары. В ответ на американскую инфляцию и обесценение доллара другие страны будут принимать меры: в свою очередь девальвировать валюту, вводить валютный контроль, создавать валютные блоки и объявлять экономические войны — все, как в 30-е годы. Но в краткосрочной перспективе главная опасность другая. Если доллар обесценивается, это означает, что в Америке растут цены на импортные товары, американские туристы испытывают неудобства за границей, а спрос на дешевые американские товары в других странах так велик, что цены на экспортные товары внутри страны повышаются (что и случилось, например, с ценами на пшеницу и мясо). Американские экспортеры действительно выигрывают, но это происходит за счет американских потребителей, которым приходится платить инфляционный налог. В июле 1973 г., когда произошел обвал курса доллара на мировых валютных рынках, американцы испытали на себе, каково состояние утраты денежных ориентиров, которое создают резкие скачки валютного курса.

После того, как в августе 1971 г. США полностью отказались от золотого стандарта и в марте 1973 г.

перешли на плавающий валютный курс «по Фридмену», Америка и мир в целом пережили наиболее болезненную и длительную инфляцию из всех, что когда-либо случались в мирное время. Сейчас абсолютно ясно, что дело не в совпадении. До того, как доллар утратил связь с золотом, основные группы приверженцев неразменных бумажных денег — кейнсианцы и экономисты круга Милтона Фридмена — уверенно предсказывали, что рыночная цена золота немедленно упадет до цены на золото, используемое в промышленных целях, т.е. до 8 долл. за унцию. И те, и другие, движимые презрением к золоту, утверждали, что своей «завышенной» ценой золото обязано исключительно тем, что его поддерживает великий и могучий доллар. С 1971 г. рыночная цена золота ни разу не падала ниже той, которая существовала во времена, когда доллар был обеспечен золотом (35 долл. за унцию); обычно золото стоило в несколько раз дороже. Когда в 50—60-е годы некоторые экономисты, в том числе Жак Рюэфф, предлагали установить золотой стандарт с обменом унции золота на 70 долл., эта цена казалась безумно завышенной. Сейчас она воспринималась бы как безумно низкая. Кратное повышение цен на золото с тех пор, как золотое обеспечение доллара было ликвидировано под влиянием «современных» экономистов, указывает на деградацию американской валюты.

Сейчас невозможно отрицать, что все устали от беспрецедентной инфляции в США и во всем мире, которую породила эра плавающих неразменных валют,

продолжающаяся с 1973 г. Кроме того, нам надоели неустойчивость и непредсказуемость обменных курсов. На свободном рынке на формирование цен оказывает влияние естественная неопределенность. В наше время на эту естественную неопределенность дополнительно накладывается еще и искусственная политическая нестабильность, вызванная положением дел в сфере денежного обращения (каждая страна выпускает собственные неразменные бумажные деньги, а общих для всех мировых денег не существует вообще). Мечты Фридмена о плавающих неразменных деньгах обратились в прах, и желание вернуться к системе фиксированных обменных курсов вполне понятно.

К несчастью, классический золотой стандарт пребывает в забвении. Цель большинства американских и мировых лидеров — это переход на кейнсианский стандарт, который представляет собой всемирные неразменные бумажные деньги, эмитируемые Всемирным резервным банком (ВРБ). Не имеет никакого значения, как будет называться новая валюта: «банкор» (как предлагал Кейнс), «унита» (идея другого отца Бреттон-Вудской системы, МВФ и ВБ, Гарри Декстера Уайта) или «феникс» (изобретение газеты «The Economist»[1]). Принципиально то, что она создаст возможность неограниченной инфляции в мировом

[1] [«The Economist» — издающийся с 1843 г. влиятельный британский еженедельник, — по традиции продолжает называть себя газетой (the newspaper), хотя по всем признакам является журналом. — *Прим. пер.*]

масштабе; ограничения, которые накладывает на темпы инфляции перспектива платежного кризиса или падения курса, будут ликвидированы — ведь ВРБ сможет в любое время подпечатать нужное количество банкоров и снабдить ими ту или иную страну. Новый банковский институт будет единолично регулировать и предложение денег, и их распределение между государствами; естественно, чиновники ВРБ будут свято верить, что они управляют инфляцией и контролируют ее. Такой банк, если он будет создан, получит возможность инициировать инфляцию в мировом масштабе и, вне всякого сомнения, этой возможностью воспользуется. Таким образом, единственной преградой, отделяющей человечество от экономической катастрофы — гиперинфляции в мировом масштабе, будет способность всемирного ЦБ вовремя реагировать на сбои в денежной системе. Невеселая перспектива.

Конечная цель кейнсиански ориентированных мировых лидеров — это всемирные бумажные деньги и всемирный центральный банк. Их ближайшая цель — возврат к Бреттон-Вудской системе, но без ограничений, связанных с золотым обеспечением. Крупнейшие центральные банки мира уже пробуют договориться между собой о координации действий в сфере денежной и экономической политики, согласовании темпов инфляции и введении фиксированных обменных курсов. Инициатива введения общеевропейской бумажной валюты, эмитируемой европейским центральным банком, почти увенчалась успехом. Пропагандистская кампания построена на том, что доверчивую публику

просто-напросто обманывают: уверяют, что свободная торговля внутри Европейского экономического сообщества (ЕЭС) невозможна без общеевропейской бюрократической надстройки, единой налоговой системы, и в особенности без европейского ЦБ и общеевропейских бумажных денег. Следующим шагом после создания общеевропейского центрального банка станет усиление сотрудничества с Федеральной резервной системой и другими крупными центральными банками, а там недалеко и до Всемирного центрального банка. Между прочим, путь к Всемирному центральному банку наверняка ведет через Бреттон-Вудс со всеми его прелестями вроде кризиса торговых балансов и последствий действия закона Грэшема, которые неизбежны в системе, основанной на фиксированных обменных курсах неразменных бумажных валют.

Будущее мировой денежной системы выглядит мрачно. Пока классический золотой стандарт не будет восстановлен, маятник будет качаться от системы плавающих курсов к системе фиксированных курсов и обратно. Ни та, ни другая система нормально работать не будет. Следствием попыток избежать развала денежной системы станет постоянная долларовая инфляция (в перспективе — гиперинфляция) и рост внутренних цен в США. Инфляция внутри страны будет усиливаться и станет неконтролируемой, за границами США произойдет дезинтеграция денежной системы и начнутся экономические войны. Единственный способ избежать катастрофы — это радикальное переустройство американской и мировой денежной

системы. Мир должен вернуться к свободному рынку денег, иначе говоря, к золоту, — естественно выбранному рынком денежному товару. Что касается государства, то у него следует полностью отобрать право регулировать денежное обращение.

Гвидо Хюльсман

Евро: новая песня на старый лад

Об эволюции денежной системы после выхода книги М. Ротбарда

Работа Мюррея Ротбарда завершается анализом принципов мировой денежной системы, существовавшей в конце 1970-х годов. Эта статья посвящена тому, как развивалась денежная система в последней четверти XX в. Чтобы дать удовлетворительное объяснение происходившим в это время процессам, нам нужно вспомнить некоторые аспекты денежной теории, в частности более подробно, чем у Ротбарда, остановиться на теории конкурирующих валют.

1. Новые денежные власти

Ротбард излагает историю мировой финансовой системы таким образом, что его читатель постоянно натыкается на один из основных постулатов денежной теории, который состоит в том, что эффективность обмена не зависит от количества денег, иначе говоря, объем предложения денег на рынке не имеет никакого значения. Неважно, сколько денег находится в обращении: их всегда можно обменять на совокупный запас товаров и услуг, имеющийся в данный момент на рынке. Если количество денег в обращении увеличивается, то они

просто начинают обмениваться на товары и услуги по более высоким ценам, а если оно уменьшается, то соответственно по более низким.

Для потребителей уровень цен не имеет значения. Когда денег в обращении становится меньше, их номинальные доходы падают, но одновременно снижаются цены, и наоборот, когда предложение денег увеличивается, номинальные доходы потребителей растут, но и цены растут тоже. Совершенно очевидно, что на *реальные* доходы людей изменение предложения денег никак не влияет.

То же самое относится к бизнесменам. Успешность их бизнеса совершенно не связана с уровнем цен. Решающее значение имеет норма прибыли, т.е. разница между затратами на производство товаров и услуг и доходами от их продажи. Рентабельные предприятия имеют достаточную норму прибыли, нерентабельные — недостаточную, иногда даже убыток (когда затраты больше поступлений). Понятно, что норма прибыли никак не зависит от номинальных значений цен. Если предложение денег на рынке увеличивается, то растут и цены, это сказывается *и* на затратах предпринимателя, *и* на поступлениях от продаж.

Но если объем совокупного предложения денег никак не влияет на эффективность их использования в качестве средства обмена, то почему этот параметр так сильно интересует экономистов и политиков? Для чего нужны финансовые институты типа Бундесбанка (т.е. центральные банки) или Международный валютный фонд (МВФ)? Ведь их главная функция состоит как

раз в том, чтобы регулировать предложение денег и заниматься их распределением.

Ротбард говорит, что обращать внимание следует исключительно на *изменения* совокупного предложения денег. Не то чтобы они как-то влияли на использование денег в качестве средства обмена, однако с изменениями совокупного предложения денег жестко связано их *перераспределение*. Когда денежная масса растет, то дополнительные деньги сначала достаются узкой группе лиц и только потом постепенно доходят до остальных участников рынка. Те, кто *первыми* получают дополнительные деньги, успевают воспользоваться ими, чтобы закупить товары по старым ценам, и это неизбежно происходит за счет *остальных*, тех, кто получает доступ к новым деньгам в тот момент, когда цены уже выросли.

Короче говоря, изменение предложения денег практически не влияет на их эффективность в качестве средства обмена, однако от него зависит перераспределение доходов внутри общества.

С незапамятных времен государство старалось поставить изготовление денег под свой контроль и перераспределять их в собственных интересах. Ротбард убедительно демонстрирует, каким образом государству в конце концов удалось осуществить свои намерения целиком и полностью. В былые времена деньги были металлическими (золотыми или серебряными), и поэтому их производство было ограничено запасами соответствующих металлов. Нынешние, чаще всего бумажные, деньги — это, собственно, узаконенные

средства платежа[1], т.е. заменители денег. Их можно напечатать в любой момент столько, сколько захочет изготовитель (частное лицо или государство). Привилегированные граждане или группы граждан, у которых есть возможность по желанию допечатывать деньги, естественно, становятся богаче за счет всех остальных.

Не требуется особых усилий, чтобы оценить влияние денежных властей на перераспределение денег. На свободном рынке исключительно мнение потребителей определяет, производство каких товаров и в каком количестве является рентабельным. Таким образом, доходы производителя зависят только от потребителей. Одна-

[1] Неразменные бумажные деньги (fiat money) — это особый тип денег, которые имеют принудительный курс. С одной стороны, они не являются товаром, т.е. *не могут* использоваться ни в каких других целях, кроме косвенного обмена. Это действительно просто бумага, поэтому такие деньги не могут естественным образом появиться на рынке. Бумажные деньги могут возникнуть исключительно по воле государства и продолжают обращаться только благодаря его поддержке. С другой стороны, предложение необеспеченных бумажных денег можно увеличивать до бесконечности, потому что за ними в буквальном смысле слова ничего не стоит. Необеспеченность таких денег ярче всего проявляется в том, что простого распоряжения представителя денежных властей (обычно главы центрального банка) достаточно для того, чтобы их «запасы» изменились. Современные бумажные деньги, включая все ныне существующие национальные валюты, — это типичные fiat money. Они существуют либо в форме банкнот центрального банка, либо в форме депозитов, при этом в случае депозитов техническая сторона (например, доступ к счетам через интернет), разумеется, не имеет никакого значения.

ко вмешательство денежных властей искажает действие механизмов свободного рынка. Поскольку им ничего не стоит выпустить сколько угодно денег, они поддерживают на плаву нерентабельные предприятия, накачивая их новыми деньгами. Разумеется, платят за это непривилегированные участники рынка. Такие действия денежных властей подрывают рыночную конкуренцию. Государственные манипуляции с печатным станком создают иллюзию возможности бесконечного увеличения бюджетного дефицита и бесконечного роста фондового рынка.

Итак, бумажные деньги — это важнейший инструмент для реализации интересов привилегированных групп, привилегированных прежде всего в смысле принадлежности к старым элитам. Они делают богатых еще богаче, сильных мира сего — еще сильнее. Опора на добровольное сотрудничество не приносит такой власти, которую обеспечивает контроль за совокупным предложением денег. Имея в своем распоряжении бумажные деньги, государство может непрерывно увеличивать свои расходы, а платить за это вынуждены граждане.

В международных обменах используются различные формы бумажных денег, но это ничего не меняет по сути дела. Бумажные деньги (а бумажные деньги — это обязательно *государственные* деньги) всегда служат для несправедливого обогащения. *Любая мировая денежная система, основанная на бумажных деньгах, — это всего лишь продолжение перераспределительной политики государства на другом уровне*. В свое время национальные денежные системы были созданы государством для того, чтобы обеспечить привилегированное

положение политической элиты за счет всех остальных граждан. Так и международные финансовые институты (Европейская валютная система, Европейский центральный банк, Международный валютный фонд и т.д.) существуют для того, чтобы сохранить и укрепить привилегии политической и административной элиты.

За последние годы мы стали гораздо ближе к «новому мировому порядку», который стремится навязать Европе, Японии и США влиятельная группа правоверных кейнсианцев: политиков, бизнесменов, интеллектуалов. Они хотят, чтобы международная бюрократия получила полный контроль над экономикой свободного рынка. При новом порядке весь мир должен перейти на единые бумажные деньги. За исполнением указов всемирной бюрократии будет следить всемирная полиция[1].

В 1990 г. Ротбард считал эти планы делом далекого будущего. Сегодня они частично осуществились. Первым кирпичиком «дивного нового мира» стало создание Всемирной торговой организации, которая смени-

[1] См.: *Rothbard M.* Wall Street, Banks and American Policy. Auburn, Ala.: Mises Institute, 1995. P. 53 ff. Из других источников отметим книгу американского конгрессмена Рона Пола (The Ron Paul Money Book. Lake Jackson, Ron Paul and Associates, Inc., 1991. P. 221 ff.). Пол между прочим приводит список европейцев, которые считают ЕЦБ первым шагом к мировому центробанку (и соответственно к мировым деньгам): Джованни Аньелли, Карл Карстенс, Жак Делор, Вим Дуйзенберг, Валери-Жискар д'Эстен, Уилфред Гут, Макс Конштам, Г. Л. Меркле, Гельмут Шмидт и Ганс Йохен Фогель.

ла многосторонние межгосударственные торговые соглашения, действовавшие в рамках ГАТТ. В начале 1994 г. было заключено Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА), а через 5 лет, в начале 1999 г., был создан Европейский центральный банк. Растет влияние Европейской комиссии, которая явно считает себя прообразом будущего европейского правительства. Создание всемирного центрального банка пока не планируется, но уже очевидно, что это должно стать следующей ступенью развития мировой денежной системы после того, как в Европе окончательно исчезнут национальные валюты. Всемирный ЦБ вполне может быть создан на базе Всемирного банка, который существует довольно давно и занимается непонятно чем. До сих пор Всемирный банк в основном занимался тем, что обеспечивал сохранение у власти коррумпированных элит в странах третьего мира, предоставляя им кредиты, т.е. средства, изъятые у западных налогоплательщиков. В обмен на кредиты коррумпированные режимы соглашались на военное сотрудничество с Западом в ходе холодной войны. Кроме того, те предприятия-экспортеры, у которых установились хорошие отношения с Всемирным банком, могут рассчитывать на привилегии (это называется «точечная либерализация экспорта»).

Широко распространенное объяснение, что за сползанием человечества к новому мировому порядку стоит некий всемирный заговор, является совершенно недостаточным. Если назвать действия и планы группы людей «заговором», то от этого ничего не проясняется.

Разумеется, у всех людей есть определенные цели, есть они и у кейнсианцев, однако требуется доказать, почему именно сторонникам нового кейнсианского порядка удалось в значительной степени достичь своих целей. В чем состояли объективные условия, которые позволили им это сделать?

2. Возникновение Европейской валютной системы (ЕВС)

После краха Бреттон-Вудской системы и Смитсоновского соглашения 1973 г. у центральных банков оказались развязаны руки. Они напечатали деньги, которые пошли на финансирование социальных расходов государства в соответствии с идеей так называемого «государства всеобщего благоденствия» и поддержку нерентабельных предприятий. Предприятия эти либо непосредственно принадлежали государству, либо жили на государственные субсидии. Кроме того, центральные банки открыли очень «гибкие» кредитные линии для коммерческих банков, так что комбанки смогли выдать огромные кредиты региональным и муниципальным властям.

Для тех, кто первым получил доступ к новым деньгам, наступили золотые дни. В Германии от эмиссии выиграли в первую очередь банки, металлурги, производители автомобилей, чиновники, профсоюзы и производители лекарств. Однако были и побочные эффекты, причем даже для наиболее привилегированных групп.

Во-первых, вызванный эмиссией рост цен (иначе говоря, инфляция) привел к «бегству от денег», что ударило по рынку кредитов. Это, естественно, вызвало недовольство со стороны банков и промышленности.

Во-вторых, инфляция ударила по людям с фиксированными доходами и обесценила сбережения населения. Это вызвало недовольство со стороны среднего класса, особенно госслужащих.

В-третьих, инфляция привела к тому, что граждане стали менее охотно делать сбережения. Во многих странах эта тенденция только начала намечаться, однако все заинтересованные лица ясно понимали, что рост темпов инфляции неизбежно вызовет резкое сокращение сбережений. Поскольку в то время существовали гораздо более жесткие, чем сейчас, ограничения на передвижения капиталов, то эта перспектива вызывала законную тревогу у бизнесменов. Государства, и те забеспокоились по поводу возможного сокращения налоговых поступлений.

В-четвертых, возникла новая проблема — скачки валютных курсов. Как известно, Бреттон-Вудская система складывалась из следующих основных элементов:

центральный банк США (т.е. ФРС) взял на себя обязательство гасить доллары золотом по требованию иностранных правительств и центральных банков;

все остальные центральные банки взяли на себя обязательство гасить национальные валюты долларами по требованию граждан;

национальные валюты, таким образом, были расписками на получение определенного количества золота. Их курс соответственно был зафиксирован.

В новой системе, основанной на неразменных бумажных деньгах, всё было по-другому. Национальные валюты утратили всякую связь с золотом, поэтому центральные банки стали сами решать, сколько им напечатать денег. Так как франков печаталось больше, чем немецких марок, а немецких марок — больше, чем швейцарских франков, и т.п., то пропорции, в которых валюты обменивались одна на другую, стали постоянно меняться, причем непредсказуемым образом. Это негативно сказалось на международной торговле, в особенности на движении капиталов.

На этом фоне повсюду возникли новые группы интересов, требовавшие возврата к системе фиксированных курсов. В 1979 г. их усилия привели к созданию Европейской валютной системы. На Бременской конференции в 1978 г. правительства Франции, Германии, Италии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Дании и Ирландии договорились об установлении «коридоров» для национальных валют. В результате на свет появилась претенциозная конструкция, получившая дезинформирующее название «Европейская валютная системы» (ЕВС).

ЕВС соответствовала тем требованиям, выполнение которых было существенно для пролоббировавших ее правящих группировок. После ее введения произошла стабилизация обменных курсов. Риск, связан-

ный с международными инвестициями, уменьшился, появились устойчивые гарантии исполнения внешнеторговых контрактов. Надо подчеркнуть, что от перечисленных изменений выиграли не только «капиталисты», но и все граждане, потому что углубление международного разделения труда увеличивает производительность труда во всех странах.

В то же время ЕВС не предусматривала погашения национальных валют золотом. В этой системе вообще не было денежного товара, подобного золоту. Национальные валюты продолжали быть неразменными бумажными деньгами, ЕВС регулировала исключительно курсы, по которым они обменивались друг на друга.

Понятно, почему ЕВС была устроена именно таким образом. Наличие денежного товара (золота) резко ограничивает возможность эмиссии необеспеченных денег. Но правящие круги стран, создавших ЕВС, как раз больше всего были заинтересованы в том, чтобы иметь возможность допечатывать «пустые» деньги. Именно приоритетный доступ к новым деньгам обеспечивал укрепление их экономических позиций. Поэтому ЕВС могла быть основана только на бумажных деньгах.

3. Значение ЕВС (1979—1998 гг.)

Для того чтобы оценить значение ЕВС, нужно отказаться от одного чрезвычайно распространенного заблуждения. Нельзя судить о чем-либо, в том числе о финансовых институтах, исходя из *намерений* их создателей. ЕВС создавалась для того, чтобы установить

фиксированные обменные курсы необеспеченных бумажных валют. Но в жизни все оказалось по-другому.

Представим себе, каким образом могла бы функционировать денежная система, основанная на фиксированных курсах необеспеченных бумажных валют. Технически она сводится к тому, что *все* центральные банки берут на себя обязательство покупать валюту *друг у друга*. Центральный банк отдельно взятой страны может регулировать курс «своей» валюты только отчасти. Когда курс растет, он в состоянии его снизить, для этого ему достаточно запустить печатный станок и допечатать соответствующее количество бумажных денег. Однако если курс падает, то всё гораздо сложнее. Банк, конечно, может потратить часть своих резервов, чтобы выкупить собственную валюту и тем самым поднять ее курс. Но долго так продолжаться не может. Даже резервы Бундесбанка, и те имеют предел, что уж говорить об остальных банках. Поэтому выкупать валюту, курс которой падает, по идее должны центральные банки других стран (между прочим для этого им необходимо пойти на дополнительную эмиссию «своей» валюты).

Этих соображений вполне достаточно, чтобы понять, что в системе, основанной на фиксированных курсах неразменных денег, имеется принципиальный порок. Такого рода системой чрезвычайно легко манипулировать. Вспомним, для чего вообще нужны неразменные бумажные деньги. В отличие от бумаги, обеспеченной денежным товаром (золотом), использование в качестве денег необеспеченной бумаги открывает

неограниченные возможности для эмиссии. А эмиссия нужна государству для того, чтобы перераспределять доходы по своему усмотрению. Тем не менее это перераспределение доходов происходит исключительно внутри страны, потому что сфера влияния национальных центральных банков ограничена пределами соответствующих государств. Национальный ЦБ не в состоянии сделать богаче «свое» государство за счет соседних. Если он эмитирует новые деньги, то курс национальной валюты начинает падать, и это изменение курса приводит к установлению новых пропорций между импортом и экспортом.

В системе фиксированных курсов необеспеченных бумажных валют все обстоит иначе. Как мы продемонстрировали, в ней инфляция остается безнаказанной, более того, поощряется: ведь если курс какой-либо валюты падает, то остальные участники рынка (центральные банки) обязаны удерживать его, покупая эту валюту, причем по старому, т.е. завышенному, курсу. В этой ситуации наиболее разумным поведением для национального центрального банка будет печатать как можно больше бумажных денег, чтобы опередить остальные центральные банки. Если у него выйдет, то благодаря опережающим темпам инфляции «его» страна получит возможность разбогатеть за счет соседей, поскольку сможет, как это ни абсурдно звучит, одновременно снизить свой экспорт и увеличить импорт товаров и услуг.

Из вышеизложенного следует, что любая система, основанная на фиксированных курсах необеспеченных

бумажных денег, обречена. Допустим, что у каждого префекта есть в распоряжении печатный станок, чтобы печатать примерно такие же бумажки, как у Банка Франции. Абсолютно ясно, что любой нормальный префект постарается напечатать как можно больше бумажек, чтобы соблюсти выгоду собственного департамента за счет всех остальных. При этом не имеет никакого значения, является наш воображаемый префект сторонником инфляции или ее противником: он в любом случае вынужден печатать деньги, иначе его опередят другие и его департаменту придется плохо. Совершенно очевидно, что такая система нежизнеспособна и довольно быстро приведет к гиперинфляции и краху национальной валюты (в нашем примере — франка). В системе, основанной на фиксированных курсах необеспеченных бумажных валют, произойдет то же самое. Центральные банки разных стран вроде бы выпускают разные бумажки, но поскольку их курсы жестко зафиксированы, то в сущности все эти бумажки совершенно одинаковы. Поэтому в интересах каждого отдельно взятого центрального банка увеличивать предложение своей валюты с максимально возможной скоростью.

Реальная ЕВС не предполагала фиксированных курсов обмена. У центральных банков не было обязательства выкупать валюты друг у друга по фиксированному курсу. Иначе ЕВС превратилась бы в организацию по спасению любителей инфляции среди национальных центральных банков за счет всех остальных центральных банков. Ничего, кроме об-

щеевропейской гиперинфляции, из этого не получилось бы.

Центральные банки — участники ЕВС взяли на себя обязательства исключительно по поддержанию курса «собственных» валют. Национальные денежные власти должны были ограничивать свои эмиссионные аппетиты, чтобы не допустить падения курса национальной валюты. Если курс все-таки начинал падать, соответствующий центральный банк был обязан продать часть своих резервов, чтобы остановить его падение. Банк, конечно, мог надеяться, что ему помогут, однако другие центральные банки не были обязаны поддерживать чужую валюту.

В этих условиях путь центральных банков к стабильности национальной валюты лежал исключительно через самоограничение. Каждый из них должен был сам принять решение об ограничении эмиссии. Однако процесс осознания этой неприятной истины был чрезвычайно медленным. Многие европейские государства не желали прекращать инфляцию. Они хотели и получать выгоду от стабильного курса национальной валюты, и перераспределять доходы внутри страны с помощью эмиссии. В принципе это было бы возможно — при условии, что все центральные банки ведут себя одинаково, равномерно увеличивая предложение денег. Но внутри ЕВС всегда находился по крайней мере один центральный банк, который отставал от других в том, что касается темпов инфляции. Исторически сложилось так, что этим банком был Бундесбанк, центральный банк Германии.

В первые годы существования ЕВС все центральные банки опережали Бундесбанк по темпам эмиссии, поэтому курс всех европейских валют падал относительно курса марки. Вследствие этого происходила так называемая «коррекция» валютных курсов, при том что курсы продолжали считаться фиксированными. С 1979 по 1983 г. курсы пересматривались как минимум 9 раз. Перелом произошел в 1983 г., когда правительство Франции, столкнувшись с крахом своей инфляционистской политики, разочаровалось в способностях печатного станка. С тех пор пересмотр курсов стал более редким явлением; правда, когда к нему все же приходилось прибегать, степень изменений была глубже, чем в период постоянной коррекции курсов. С 1987 по 1992 г. все было тихо, и энтузиасты европейской валютной системы торжественно заявили, что валютные курсы зафиксированы на вечные времена. Их радость была недолгой: летом 1992 г. Ирландия и Испания девальвировали свои валюты.

Осенью 1993 г. система затрещала по всем швам. Фунт стерлингов упал настолько, что правительство Великобритании отказалось от попыток его стабилизировать и вышло из ЕВС. Вскоре настала очередь французов: резервов Банка Франции не хватило, чтобы поддержать курс франка. Стало очевидно, что из ЕВС ничего не получилось.

Однако, несмотря ни на что, французские и немецкие «еврократы» (сторонники «Европы объединенных бюрократов») так и не признали своего поражения. Они вполне справедливо опасались того, что официальный

отказ от ЕВС поставит под угрозу курс на политическое объединение Европы. Поэтому им любой ценой нужно было сделать так, чтобы ЕВС дотянула до момента создания европейского валютного союза. Они пошли на хитрость, расширив «в рамках ЕВС» границы валютного коридора с 2,5 до 15%. Это сработало. Нашлось очень немного журналистов и экономистов, которые сообразили, что прежняя ЕВС почила в бозе и на смену ей пришла другая система, хотя дело было шито белыми нитками. Новая ЕВС была не менее сюрреалистична, чем старая, но если в старой ЕВС с ее узким коридором худо-бедно удавалось добиться хотя бы относительной стабильности курсов, то в новой ЕВС наступил полный беспредел. О стабильности валютных курсов не было и речи, зато с риторикой дело обстояло наилучшим образом.

Кризисы, сотрясавшие ЕВС, являются лучшим свидетельством того, что денежные власти европейских стран были предоставлены самим себе. В рамках ЕВС предполагалось, что национальные центральные банки сами, в одностороннем порядке поддерживают курс своих валют. Иначе говоря, практического значения ЕВС не имела. Она не была системой в строгом смысле слова: каждый центральный банк принимал решения самостоятельно. Поскольку реально центральные банки проводили независимую денежную политику, то все так называемые «достижения ЕВС» были результатом усилий отдельных государств. Европейские государства могли бы и не объявлять о создании европейской валютной системы: валютный рынок все равно развивался бы примерно так же.

То, что почти никто из экономистов[1] не увидел, что́ в действительности представляет собой ЕВС, свидетельствует о полной деградации мейнстрима. Большинство экономистов восприняли всерьез декларации создателей ЕВС и поверили, что ЕВС — это на самом деле система фиксированных курсов. В написанных ими статьях и учебных пособиях «принципы» ЕВС описываются так, как будто они действительно применялись на практике (выше мы показали, что это не так). Разумеется, никакой критической оценки в этих работах нет. Их авторы воспроизводят официальный бред насчет симметричных мероприятий денежных властей разных стран. Они с жаром рассуждают о способах поддержания фиксированных курсов и уделяют массу внимания деталям функционирования ЭКЮ — расчетной единицы ЕВС. Но то, что их так волнует, — всего-навсего несущественные технические детали. Денежные власти стран—членов ЕВС объединяло только одно: желание стабилизировать обменные курсы. При этом каждый центральный банк проводил независимую денежную политику, не считаясь с остальными. Никакой общей денежной политики не было. Координация действий национальных центробанков существовала только на уровне разговоров. Что касается ЭКЮ, то это была игрушечная валюта.

[1] Редкие исключения — французский экономист Паскаль Сален (Salin P. L'unité monétaire européenne, au profit de qui? Paris: Economica, 1979) и его немецкий коллега Г. Г. Лехнер (Lechner H. Währungspolitik. Berlin: de Gruyter, 1988).

Таким образом, ЕВС и ЭКЮ не имели никакого экономического значения. Но их политическое и пропагандистское значение чрезвычайно велико. После того, как граждане стран Европейского Сообщества в течение 20 лет ежедневно слышали эти два слова, они в конце концов поверили в то, что за ними стоит что-то реальное. У них возникло ложное убеждение, что в Европе с 1979 г. проводилась общая денежная политика и что именно благодаря этой политике (а также ЭКЮ) 80—90-е годы стали периодом курсовой стабильности и экономического процветания.

Эта логическая ошибка ослабила сопротивление, с которым сталкивались европейские бюрократы в стремлении расширить свои властные полномочия. С ЕВС была связана чрезвычайно важная психологически фаза подготовки к созданию Европейского центрального банка. Когда Европейский ЦБ был создан, за ним замаячил призрак нового централизованного государства, «единой Европы». Таким образом, ЕВС была решающим шагом к сговору европейских правящих элит.

4. Роль Бундесбанка в ЕВС

Когда принимались решения о коррекции валютных курсов в рамках ЕВС, Бундесбанк всегда оказывался мишенью для ожесточенных нападок. Его обвиняли в том, что он отказывается от сотрудничества, душит экономики остальных стран—членов ЕВС, угнетает другие центральные банки и т.п. Но возникает вопрос: как на свободном рынке возможна ситуация, в которой

один из участников способен до такой степени подчинить себе остальных? Как объяснить абсолютное господство Бундесбанка на европейском валютном рынке? Масса экономистов сломала зубы об этот орех.

Ответ на вопрос таков. Дело было не в силе Бундесбанка, а в слабости других ЦБ. В том, что национальная валюта той или иной страны была слабой, виноват не Бундесбанк и не немецкая марка, а безумная жадность местного политического и экономического истэблишмента. Неспособные к самоограничению элиты вовсю пользовались печатным станком, и при этом они еще имели наглость требовать, чтобы Бундесбанк спасал их валюту, увеличивая предложение немецких марок!

Так называемая «ошибка» Бундесбанка сводилась к тому, что он увеличивал предложение денег с меньшей скоростью, чем другие центральные банки. Этим он заслужил вечную признательность немецкого народа, но политическая элита Германии и Европы не простит ему ее никогда.

Природа денежных властей не должна оставлять никаких сомнений. *Все* центральные банки существуют для того, чтобы грабить население, перераспределяя деньги в пользу политических элит, и Бундесбанк — не исключение. Тем не менее Бундесбанк из всех центральных банков причинил населению *меньше всего* вреда. Его позиция принесла пользу не только гражданам Германии, но и всем жителям европейских стран, потому что остальные центральные банки были вынуждены на него ориентироваться. Таким об-

разом, немецкая марка была не только валютой-якорем для ЕВС; выступая в качестве ограничителя инфляции, она защищала население Европы от алчности государственных элит.

5. Конец ЕВС и создание Европейского центрального банка (ЕЦБ)

Когда государство собирается в очередной раз ограбить граждан и ограничить их свободы, оно не может обойтись без пропагандистского вранья. Это верно и в случае с Европейским центральным банком. Агитпроп изображает ЕЦБ как логическое развитие ЕВС. Гражданам сообщают, что ЕЦБ занимается исключительно совершенствованием ЕВС.

Эта картина не имеет никакого отношения к реальности, это чистая пропаганда. Европейский центральный банк не имеет ничего общего с Европейской валютной системой. Он основан на иных принципах, у него совершенно другие задачи. Стабильность ЕВС зависела исключительно от поведения стран-участниц, которые проводили свою денежную политику самостоятельно. Если государство желало иметь стабильную валюту, то благодаря существованию ЕВС оно было вынуждено ориентироваться на самую сильную валюту в системе и соответственно ограничивать предложение своей валюты. Это привело не только к относительной устойчивости обменных курсов, но и к снижению темпов инфляции, быть может, против воли создателей ЕВС.

Европейский центральный банк стал первым в истории общеевропейским центром денежной эмиссии. Он освободил европейские государства от необходимости соблюдать бюджетную дисциплину и открыл новые способы для обогащения политических элит за счет всех остальных граждан. Таковы подлинные задачи Европейского ЦБ. Таковы истинные намерения тех, кто его создал. Чтобы понять, как это случилось, нужно вернуться в 70-е годы.

После краха Бреттон-Вудской системы печатный станок (другое название инфляции) превратился в важный источник государственных доходов. Разумеется, ни одно государство, освободившись от обязательств Бреттон-Вудской системы, не стало снижать налоги или сокращать государственный долг. Напротив, государства стали расширять свою сферу влияния, используя печатный станок для финансирования растущих государственных расходов.

В конце 70-х годов, как мы помним, возник политический спрос на фиксированный (или по крайней мере устойчивый) курс национальных валют, поэтому европейским государствам потребовалось резко снизить темпы инфляции. Выпадение государственных доходов, произошедшее в результате снижения инфляции, по идее должно было быть компенсировано за счет сокращения государственных расходов. Однако политические элиты такая перспектива не устроила. Была развернута пропагандистская кампания, и граждан убедили в том, что жертвовать «социальными завоеваниями» недопустимо ни при каких обстоятель-

ствах. Суть «социальных завоеваний» состояла в том, что благодаря постоянной инфляции возникла система перераспределения денег от «политически неорганизованного» населения к правящим элитам и близким к ним группам интересов, но этого гражданам, естественно, объяснять не стали.

Сохранить «социальные завоевания» можно было двумя способами. Во-первых, можно было увеличить налоги и другие социальные отчисления. Этот способ плох тем, что даже самый мирный налогоплательщик может возмутиться, когда государство запускает руку в его карман. Поскольку правящие элиты боялись, что избиратели не простят им увеличения налогов, они выбрали иной способ и стали увеличивать государственный долг. Та часть государственного бюджета, которая раньше финансировалась за счет инфляции, стала обеспечиваться за счет роста госдолга. Это легко проверить: с конца 70-х годов снижение инфляции всегда сопровождалось увеличением долга.

Новый принцип организации государственного бюджета — государственный долг вместо инфляции — стал абсолютно очевидным в 80-е годы. Именно это определило вектор развития мировой денежной системы.

С самого начала было ясно, что нельзя бесконечно финансировать госбюджет за счет увеличения госдолга. Государство, как и любой другой должник, может жить в кредит до тех пор, пока оно в состоянии возвращать долги. Чем больше долг, тем меньше вероятность его погашения. Во многих странах государственная

задолженность быстро достигла такого уровня, при котором о погашении долга не может быть и речи. Даже в Германии долги земель и муниципалитетов составляют, по *официальной* статистике, больше 60% ВВП. Заметим, что официальная статистика не учитывает, например, пенсионных обязательств государства. В целом задолженность всех государственных органов Германии оценивается в 300—400% ВВП, а в большинстве других государств дело обстоит еще хуже[1].

В течение 80-х годов, по мере того, как общий объем госдолга приближался к своим естественным пределам, крепло понимание, что нужно искать новые пути финансирования госбюджета. Таких путей, как уже говорилось, только два. Увеличивать налоги было невозможно по политическим соображениям. Оставался один-единственный выход — запустить печатный станок. Но инфляция и стабильный курс несовместимы в том случае, если хотя бы один центральный банк (в нашем случае — Бундесбанк) придерживается политики сильной национальной валюты. Поэтому кризисы европейской валютной системы были неотвратимы, как и расширение валютного коридора. Неизбежностью была и коррекция курсов.

Итак, *финансовые кризисы в странах—участницах ЕВС не были досадной случайностью — они предвещали крушение всей системы*. Все началось

[1] См. работы Роланда Баадера: *Baader R*. Fauler Zauber. Gräfelfing: Resch Verlag, 1997; *Baader R*. Euro-katastrophe. Berlin: Anita Tykve Verlag, 1994.

с Италии — страны, чья валюта имела славу одной из самых слабых. За ней последовали многие страны, в которых уровень госдолга был примерно таким же. Только два будущих члена Европейского валютного союза — Люксембург и Германия — не достигли порогового уровня государственной задолженности, зафиксированного Маастрихтскими соглашениями. Все остальные европейские государства, несмотря на титанические усилия, превысили маастрихтский норматив в 60% ВВП. Крах безнадежных должников был лишь вопросом времени. Все европейские валюты ожидала судьба итальянской лиры, а Европу — существовавшая в 70-е годы система плавающих курсов и порождаемая ею инфляция.

Таким образом, стабильность ЕВС была фальшивой. Иллюзия относительной стабильности обеспечивалась игнорированием проблемы госдолга. Тем временем рост долга медленно, но верно приближал возвращение инфляции по образцу семидесятых. На начало 80-х годов ЕВС была бомбой с часовым механизмом, тиканье которого становилось все слышнее и слышнее.

Однако возврата в семидесятые не произошло. Все оказалось гораздо хуже. Был создан общеевропейский центральный банк, вред от которого куда больше, чем от любого из национальных ЦБ. Ни Европейский центральный банк, ни его «продукция» — евро — не решают проблем, возникших после отказа от золотого стандарта. Напротив, они усугубляют их.

ЕЦБ и евро родились в результате взаимодействия политических и рыночных факторов. Уменьшение

числа протекционистских барьеров в 80—90-х годах привело к углублению международного разделения труда. Развитие международного обмена товарами и относительная стабильность валютных курсов обеспечили ощутимый экономический подъем. Несмотря на распространенное мнение, что отказ от протекционизма выгоден исключительно крупному капиталу, развитие мировой торговли привело к росту уровня жизни значительной части населения. Те фирмы, которые расширяли свои международные контакты, а таких становилось все больше и больше, активно боролись за установление общих правил игры на европейском рынке. Это в первую очередь были экспортеры, но, кроме них, банки и финансовые компании, действующие на международном рынке капиталов. Группы влияния, которые выигрывали от расширения единого экономического пространства, стали *одним из* моторов Европейского союза.

Другой фактор, способствовавший созданию Евросоюза, был политического свойства. Мы уже говорили, что Бундесбанк всегда увеличивал предложение национальной валюты медленнее, чем другие банки. Вследствие этого у него были влиятельные враги среди политических элит и в Германии, и за ее пределами. Правительства остальных европейских стран очень хотели провести такую денежную реформу, которая увеличила бы их влияние на Бундесбанк. Они были готовы пойти на политические уступки немцам при условии, что Бундесбанк решит те финансовые проблемы, к которым привело безответственное по-

ведение денежных властей большинства европейских государств.

Некоторые оппоненты канцлера Коля упрекали его в том, что он пожертвовал маркой ради единой Германии. Они считают, что уничтожение старого Бундесбанка было той ценой, которую Коль заплатил за согласие французского, английского и американского правительств на объединение страны. Это объяснение вполне правдоподобно, но недостаточно, потому что правительство не может решать такие важные вопросы самостоятельно, не считаясь с мнением политических и экономических элит.

Влиятельные представители отдельных секторов немецкой экономики были заинтересованы в стабильных обменных курсах. В то же время другие элитные группы получали существенные привилегии (политические по своей сути) в случае отказа от сильной марки. Вот два примера.

Немецкие автомобили — самые качественные, но при этом и самые дорогие в Европе. На свободном рынке покупатель не обязательно выбирает самую лучшую машину; довольно часто он предпочитает дорогому автомобилю более дешевый, пусть и менее качественный. Но если для всех автомобилей установлены государственные стандарты, которые заставляют предпринимателей производить только дорогие машины, то потребитель теряет возможность выбора между ценой и качеством. Существующие нормы выгодны тем, кто делает дорогие машины, и невыгодны тем, кто выпускает более дешевую продукцию. Иначе говоря,

государство под флагом общеевропейской «гармонизации» навязывает производителю (и потребителю) определенные стандарты. В выигрыше от этого в данном случае оказывается немецкая автомобильная промышленность, в проигрыше — зарубежные конкуренты и потребители.

То же самое происходит в области трудового законодательства. Немецкие профсоюзы представляют интересы самых квалифицированных и, следовательно, самых высокооплачиваемых наемных работников в Европе. Но квалификация работника — не единственный фактор, который играет роль при приеме на работу; не менее важны его требования к оплате труда. Многие предприниматели, будь они свободны выбирать, предпочли бы нанять менее квалифицированных работников за более низкую оплату труда. Именно поэтому бизнесмены вкладывают деньги в странах с дешевой рабочей силой, что приводит к росту зарплат (и уровня жизни) в этих странах. Естественно, от этого страдают профсоюзы в странах с высоким уровнем оплаты труда, потому что происходит перераспределение общего фонда зарплаты в пользу стран с более дешевой рабочей силой. Когда государство вмешивается и вводит трудовое законодательство, увеличивающее стоимость рабочей силы, стимул для инвестиций исчезает. Именно такими будут последствия унификации трудового законодательства европейских стран (единые гарантии защиты от увольнения, общая продолжительность рабочего дня и недели, единое пособие по безработице и т.п.). Выиграют от этого члены

немецких профсоюзов. Немецкие и европейские наемные работники будут в проигрыше: они не смогут устроиться на работу потому, что их труд будет стоить слишком дорого. Потребители, разумеется, тоже пострадают.

Эти примеры демонстрируют, что некоторые влиятельные группы в Германии могли быть заинтересованы в европейской политической централизации и, следовательно, в том, чтобы обменять марку на политические привилегии. Немецкое правительство в своей кампании в пользу Евросоюза вполне законно рассчитывало на их поддержку.

К несчастью, в начале 1999 г. национальные банки передали Европейскому ЦБ свои полномочия в сфере денежной политики. На деле это означало введение единой европейской валюты, евро, потому что с этого момента все решения, касающиеся национальных валют стран—членов Евросоюза, стал принимать Европейский центральный банк. У евро еще нет материального носителя — банкнот или монет, но фактически существует только эта денежная единица, а все старые деньги европейских государств — это всего лишь ее формы. Банкнота достоинством в 100 марок, например, — это вовсе не те 100 марок, которые были до 1999 г., когда марка была самостоятельной денежной единицей; это всего лишь заменитель некоторого количества евро. Со всеми остальными валютами стран Евросоюза произошло то же самое: они потеряли самостоятельность и стали псевдонимами единой европейской валюты.

6. Европейский центральный банк и евро: экономические и политические перспективы

Самый важный вопрос, естественно, состоит в том, какую политику собирается проводить Европейский центральный банк. ЕЦБ и евро появились на свет исключительно из-за того, что прежняя система рушилась под бременем государственной задолженности стран-участниц, но они не решают проблему госдолга. Кроме того, несмотря на возникновение ЕЦБ и фактический переход на евро, государства Европы по-прежнему нуждаются в источнике финансирования растущих бюджетных расходов. Таким образом, ЕЦБ и евро не помогают решить самые важные из финансовых проблем; более того, они усугубляют ситуацию с европейскими финансами.

Распространено мнение, что политика ЕЦБ зависит по преимуществу от личности его председателя, а также от законодательного статуса этого института. В частности, в Германии, где исторически председатель Бундесбанка был чрезвычайно важной фигурой, многие полагают, что ЕЦБ должен просто взять на себя роль, которую до этого играл Бундесбанк, и гарантировать стабильность валютных курсов.

Те, кто так считает, не правы. На самом деле все гораздо хуже. Благодаря евро страны Евросоюза получили возможность пользоваться новыми кредитами, не заботясь о бюджетной дисциплине. Следствием этого будет гигантский рост государственной задолженности уже не отдельных государств, как это было рань-

ше, а всей Европы. Когда естественный порог госдолга будет достигнут и общеевропейское правительство больше не сможет получать кредиты, произойдет откат к инфляции по образцу 70-х годов. Еврочиновники могут воспевать красоты и выгоды Евросоюза сколько душе угодно — от этого ничего не изменится. Евро порождает инфляцию. С появлением евро национальные политические элиты, десятилетиями наживавшиеся на инфляции, просто объединяются в один общеевропейский клан, не прекращая привычного занятия. Единственная разница заключается в том, что положение граждан при этом резко ухудшается, потому что от общеевропейского супергосударства защититься гораздо труднее, чем от старых национальных государств.

Европейская конституция, ограничивающая размеры госдолга и определяющая денежную политику Европейского центрального банка, сама по себе не в силах помешать осуществлению описанного нами сценария. Закон — ничто, если он не опирается на общественное мнение, а в наше время общественное мнение чрезвычайно благосклонно и к росту госдолга, и к инфляции. Так, немцев заставили примириться с тем, что все условия Маастрихтского соглашения, устанавливающие объективные критерии для приема в Европейский валютный союз, грубо нарушаются. Пока общественное мнение не изменится, перемен к лучшему не будет. А как может измениться общественное мнение, если все учебные заведения, от начальной школы до университета, находятся в руках государства?

Если все радиостанции и телеканалы, прежде чем начать вещание, обязаны получить лицензию от государства? Если суды принимают решения, из которых следует, что свобода слова больше не рассматривается как фундаментальное право человека?

ЕЦБ и евро приносят не только инфляцию — они способствуют централизации политических институтов. Вполне вероятно, что национальные государства попадут в зависимость от нового централизованного государства — сначала в финансовую, потом и в политическую. Сейчас национальные государства считаются недобросовестными должниками, и у них все меньше и меньше возможностей брать кредиты от своего имени. В будущем им понадобится поручительство Еврокомиссии, которая пока не залезла в долги. Возможно также, что Еврокомиссия сама будет брать кредиты и тратить полученные деньги в странах—членах ЕВС. В любом случае погрязшие в долгах национальные государства станут прямыми вассалами нового централизованного государства — и в политическом, и в финансовом отношении.

Примерно то же самое уже случилось во многих странах на уровне регионов. Будучи заложниками собственных политических амбиций, местные власти за последние 30 лет взяли в долг огромные суммы денег. В Германии гарантии под эти кредиты предоставили земельные власти, поэтому города и округа оказались в долгу перед землями. Но многие земли в свою очередь брали неподъемные для них кредиты под гарантии федерального правительства и таким

образом попали в зависимость от него. В результате безнадежно задолжавшие Центру города, округа и земли больше не могут принимать решения самостоятельно. Все они зависят от доброй воли федерального правительства.

То, что случилось с немецкими землями, предстоит пережить и всей стране, когда она окажется должником нового общеевропейского государства. То, что сейчас по сравнению с другими европейскими государствами ФРГ чувствует себя вполне пристойно в финансовом отношении, отчасти успокаивает. Но если трезво оценивать ситуацию, то Германия напоминает человека, который, стоя на краю бездны, безмятежно следит за падением тех, кто только что находился рядом с ним. Не исключено, что в течение следующих 20 или 30 лет немцы еще будут принимать решения самостоятельно, хотя, учитывая инфантильность их реакции на европейскую централизацию, они не особенно держатся за свою независимость. В долгосрочной перспективе Германия обречена: она, как и все остальные, попадет под иго Брюсселя.

Когда рано или поздно «брюссельское», т.е. общеевропейское, государство возьмет в свои руки распределение кредитов (сейчас оно ограничивается тем, что предоставляет гарантии национальным государствам), в глазах всех граждан Европы оно станет незаменимым и абсолютно необходимым властным институтом. Это вполне естественно. Источником политической власти является расположение публики, так почему же европейские чиновники в Брюсселе должны

отказываться от него в пользу местных политиков? Общеевропейская централизация (особенно в сфере социального страхования) неизбежна; рано или поздно все решения будет принимать Брюссель.

Анализ ситуации вокруг ЕЦБ и евро приводит к некоторым выводам относительно европейских перспектив. С одной стороны, происходит формирование и развертывание общеевропейского «государства всеобщего благоденствия», с другой — продолжается наращивание госдолга, на этот раз от имени вышеупомянутого европейского государства. В среднесрочной либо в долгосрочной перспективе Европу ждет финансовый крах: либо инфляция выйдет из-под контроля, либо общеевропейское государство, продемонстрировав свою неэффективность, развалится. Вот что нас ждет впереди, если, конечно, не будет каких-нибудь фундаментальных потрясений вроде гиперинфляции образца 1923 г. или создания в Европе тоталитарного государства советского типа.

7. Существует ли альтернатива евро?

Многие экономисты восприняли всерьез угрозы, которые связаны с Экономическим и монетарным союзом. Создание действительно стабильной мировой денежной системы продолжает быть актуальным, поэтому есть смысл обозначить основные подходы, которые были сформулированы в ходе дискуссии вокруг евро. Ясно, как день, что *ЕЦБ и евро не способны гарантировать финансовую стабильность*.

Нынешняя денежная система глубоко нестабильна, и с этим ничего не поделаешь. В чем же состояли альтернативные возможности развития и какая из них может быть признана оптимальной?

Один вариант состоял в том, чтобы предоставить Европейскую валютную систему самой себе и после ее неизбежного краха вернуться к системе 70-х годов. Конечно, инфляция и нестабильность валютных курсов повлияли бы на международное разделение труда негативно, но граждане стран с сильной валютой были бы относительно хорошо защищены от посягательств на их деньги со стороны родного и в особенности чужих государств. Этот вариант, впрочем, вскоре (а именно, в момент отказа европейских государств от национальных валют) перейдет в плоскость чистой теории.

Второй вариант — введение евро в качестве параллельной валюты. Он исходит из постулата о том, что для каждой валюты существует естественная «валютная зона». Хотя с точки зрения теории этот постулат трудно или вовсе нельзя доказать, можно было бы провести эксперимент, предоставив гражданам европейских стран свободный выбор между национальной валютой и евро. Если у единой европейской валюты, и правда, есть преимущества по сравнению с национальными валютами, то она их вытеснит; при этом выбор сделает непосредственно рынок, а не группа бюрократов, принимающих решения в зависимости от собственных представлений о потребностях рынка.

Отдельные экономисты предлагали ввести евро в качестве параллельной валюты, просто напечатав бумажки с соответствующей надписью. Они недооценили трудности, связанные с введением в обращение подобных бумажек. Какое-либо благо можно сделать средством обмена (иначе говоря, деньгами) только в том случае, если оно уже обменивается на рынке. Только таким образом участники рынка могут определить, какова его покупательная способность. Например, если я предложу продавцу автомобилей в обмен на автомобиль бумажку с надписью «три хюльсмана», обмен скорее всего не состоится, потому что продавцу не известно ничего о том, на что он может обменять эту бумажку. Совершенно то же самое произойдет с бумажкой, на которой будет написано «один евро».

Есть только два разумных способа обеспечить параллельное хождение евро. Можно было бы разрешить принимать одну или несколько национальных валют по всей Европе. Таким общеевропейским средством обмена могла бы стать марка, которую уже охотно принимают во многих европейских странах. Но этот вариант даже не мог рассматриваться из-за соображений чисто политического характера: мысль о том, что их сограждане будут пользоваться марками вместо франков и фунтов, была невыносима для британских и французских политиков.

Таким образом, оставалась только одна возможность — использовать в качестве общеевропейского средства обмена произвольное благо. Иначе говоря, можно было бы предоставить самим гражданам право

выбирать, что они будут использовать в своих обменах. Чтобы представить себе последствия такого шага, не требуется большого воображения. Свобода выбора денег привела бы к росту использования металлических монет. Золотые, медные и серебряные монеты стали бы свободно ходить на рынке, как это было в начале века. Однако политические элиты не могли сделать такого выбора, ведь именно благодаря их усилиям металлические деньги были выведены из оборота. Отказ от золотого стандарта и переход на необеспеченные бумажные деньги дал элитам возможность захватить контроль над перераспределением денежных потоков и использовать его по своему усмотрению.

Пусть вариант, предполагающий свободный рынок денег, был отвергнут политическими элитами: его все же не стоит сбрасывать со счетов. В отличие от варианта параллельного введения евро и т.п. он всегда актуален. Дело в том, что, для того чтобы создать свободный рынок денег, достаточно всего лишь снять ограничения, а чтобы вернуть в обращение золотые и серебряные монеты, — достаточно разрешить их употребление в качестве средства платежа и отменить существующие сейчас налоги, связанные с использованием монет из драгоценных металлов (в частности, НДС). Такая реформа может быть общеевропейской, она может быть проведена в одной отдельно взятой стране, на региональном или муниципальном уровне. Иначе говоря, свободный рынок денег можно создать на любом пространстве — для этого нужны только воля и решимость.

8. Американская инфляция и бум на фондовом рынке (1982—2001 гг.)

До сих пор мы говорили исключительно о Европе по вполне понятным причинам: для немцев это ближе всего. Однако кризисы последнего времени связаны, в первую очередь, с поведением американских денежных властей, иначе говоря, Федеральной резервной системы (ФРС).

ФРС была создана в 1913 г. по инициативе влиятельных банкиров (Дж. П. Моргана, Рокфеллера, банкирского дома «Кун, Леб и К⁰»). С этого времени ведется отсчет того, что можно назвать «американской культурой инфляции». Именно американская инфляция, которая продолжается вот уже почти 90 лет, является источником мировых экономических кризисов невиданного ранее масштаба (например, Великой депрессии 1929—1931 гг., или кризиса, наступившего после краха Бреттон-Вудской системы)[1].

После Бреттон-Вудса некоторое время казалось, что блестяще проанализированная Ротбардом взаимосвязь государственной денежной политики и экономических кризисов разорвана. По мнению многих экономистов, задачи ФРС после краха Бреттон-Вудской системы сильно упростились. Инфляция выра-

[1] См. блестящие работы Мюррея Ротбарда: *Rothbard M.* Wall Street: Banks and American Foreign Policy. Auburn, Ala.: Mises Institute, 1995; Ротбард М. Показания против Федерального резерва.

жалась либо в обесценивании доллара на внутреннем рынке (т.е. в росте цен), либо в снижении курса доллара на валютном рынке. Единственное, чем в этой ситуации могла заниматься ФРС, — это решать, до какой степени она хочет обесценить доллар.

В реальности, как и во всех централизованных экономиках, попытки финансового планирования столкнулись с неожиданными и непреодолимыми преградами. По ряду причин, которые мы рассмотрим позже, сильная инфляция 80—90-х годов не сразу сказалась на курсе доллара. Сначала она привела к экономически неоправданному росту фондового рынка (эффект «мыльного пузыря»), с одной стороны, и цепочке региональных экономических кризисов (в Юго-Восточной Азии, России и Южной Америке) — с другой.

Не надо быть гениальным экономистом, чтобы предсказать печальный финал нынешнего этапа развития мировой денежной системы. Эта система, как и многие другие явления, порождаемые инфляцией, нежизнеспособна. Недавние кризисы в Юго-Восточной Азии, России и Латинской Америке — это лишь слабый намек на то, что произойдет в момент ее неизбежного краха.

В течение последних 20 лет происходил непрерывный рост биржевых котировок. При этом стоимость акций предприятия абсолютно никак не была связана с его реальным финансовым положением. В норме между стоимостью акций предприятия и его рентабельностью должна существовать тесная связь. Проиллюстрируем специфику этой связи на простом примере. Если

станок используется для производства деталей, то он не может стоить дороже, чем все произведенные им детали. Точно так же стоимость предприятия в принципе не может быть больше, чем та прибыль, которая ожидается от продажи его продукции. Поэтому биржевая стоимость предприятия не должна превышать его потенциальной совокупной прибыли. Цена акции как раз и должна устанавливаться исходя из оценки будущей прибыли. Мы предполагаем, что предприятие получит в следующем году такую-то прибыль, через год — такую-то и т.п., затем, исходя из наших представлений, вычисляем его совокупную прибыль. Эта цифра является ориентировочной оценкой биржевой стоимости предприятия. Чтобы вычислить цену одной акции, нужно разделить стоимость предприятия на число акций, находящихся в обращении.

Сплошь и рядом случается, что стоимость акции оценивается неверно. Дело в том, что курс акции не основан на *реальной* прибыли предприятия; акция всегда либо переоценена, либо недооценена. Собственно, проблема не в том, что акции стоят дорого, а в том, что их стоимость совершенно оторвалась от реальных финансовых показателей предприятий. В том, что курс акций растет, разумеется, нет ничего ужасного, потому что, когда новые деньги равномерно распределяются по всей экономике, начинается постепенный рост цен, прибылей предприятий и в итоге курса акций. В этих условиях повышение цен на акции не является тревожным симптомом — оно всего-навсего отражает обесценивание денег.

На свободном рынке вполне может случиться так, что акции большого числа предприятий одновременно оказываются переоцененными. Такая ситуация может сложиться на всех финансовых рынках и сохраняться 15 лет. Все это в принципе возможно, хотя до сих пор такого не случалось. Но на свободном рынке курс акций не может быть никак не связан с оценкой будущей прибыли предприятий; такое абсолютно невозможно. Игроки на бирже ошибаются; тем не менее они продают и покупают акции предприятий, исходя из собственных представлений об их финансовом положении.

Особенность нынешнего бума на фондовом рынке заключается не только в том, что курс акций полностью оторвался от реальной экономики, но и в том, что большинство крупных (да и мелких тоже) игроков это осознает. Возникает вопрос: как это возможно? Неужели игра на бирже превратилась в пирамиду и рост курсов акций объясняется исключительно расчетом на то, что всегда найдется кто-нибудь, кто купит акции по возросшим ценам в надежде продать их еще дороже и так далее до бесконечности?

Всем известно, что такого рода пирамиды не могут существовать бесконечно. В классических пирамидах участвуют, с одной стороны, авантюристы, с другой — очень наивные люди. Круг таких людей ограничен, их совокупные сбережения — тоже. Как только становится ясно, что ресурсы исчерпаны, пирамида рушится. Она рушится в тот момент, когда прекращается поток новых участников и, следовательно, приток

средств. Однако нынешний бум на рынке акций продолжается почти 20 лет, и в нем участвует все больше и больше людей. Что позволяет инвесторам вкладывать все новые и новые суммы денег в акции, цена которых все меньше отражает реальное финансовое состояние предприятий-эмитентов?

Дело в том, что ФРС с одобрения других денежных властей постоянно выпускает новые деньги, которые вбрасываются на биржу.

У любой пирамиды, в том числе биржевой, есть встроенный ограничитель: когда у склонных играть в пирамиду групп людей кончаются принадлежащие им деньги, сооружение разваливается. Но в данном случае у денежных властей есть возможность свободно увеличивать предложение денег и перераспределять их таким образом, чтобы они пошли на рынок акций, поэтому *естественные ограничения, обусловленные частной собственностью, перестают действовать*. Биржа становится площадкой для игр, соответственно инвестор превращается в игрока. Те игроки, у которых есть тесные связи с денежными властями, больше не рискуют *собственными* деньгами, потому что им обеспечен приоритетный доступ к свеженапечатанным деньгам. Они могут просто играть, нисколько не задумываясь о том, удастся ли им удачно продать акции: ведь пока государство продолжает печатать новые деньги, курс акций всегда будет расти. Отсюда ясно, почему в контексте инфляции курс акций никак не связан с оценкой рентабельности предприятий: когда государство, непрерывно увеличивая предложе-

ние необеспеченных бумажных денег, направляет их на биржу, то биржа превращается в своего рода вечный двигатель.

Последствия описанной денежной политики таковы. От нее выигрывает исключительно финансовый сектор, остальные проигрывают. Люди посвящают все больше и больше времени игре на бирже в ущерб своим профессиональным занятиям. В США становится все больше врачей и адвокатов, у которых игра на рынке акций отнимает больше сил и времени, чем практика. Таким образом, инфляция оказывает негативное влияние на естественное разделение труда. Она обслуживает интересы элит (экономических и политических) и приносит прямой вред остальным группам населения, в частности, увеличивая разрыв между богатыми и бедными. Более того, инфляция увеличивает число людей, которые прямо зависят от государства; соответственно возрастает политическая поддержка инфляционной политики государства.

Несмотря на безумный рост биржевых котировок, тот очевидный факт, что это позволяет узкому кругу людей наживаться за счет остальных, остается почти незамеченным. Обычно инфляция развивается следующим образом. Денежные власти распределяют новые деньги среди привилегированных групп, а на следующем этапе эти деньги постепенно распространяются по всем сферам экономики. Однако в последние 20 лет все происходило совсем не так: инфляция не шла дальше финансового рынка. Почему? На то есть свои причины.

Особенность нынешней ситуации в том, что доллары и марки в огромных количествах экспортируются. Примерно 60—70% всех долларов и 30% марок обращаются за границами США и Германии.

Традиционно доллар широко распространен за пределами США. За последние 20 лет он стал еще популярнее за счет введения в ряде стран режима валютного управления, или currency board (Гонконг, Сингапур), а также продолжения долларизации экономик Латинской Америки (в частности, Сальвадора, Аргентины, Эквадора, Бразилии, Колумбии и Чили). Люди, живущие в Латинской Америке, стали пользоваться долларами, чтобы защитить свои сбережения от инфляции. Откуда брались эти доллары? Они обменивались на товары и услуги. Таким образом, происходил рост импорта долларов в Латинскую Америку в обмен на рост экспорта товаров и услуг в США. За счет этого в 80-е годы американская биржа росла относительно медленно.

После развала восточного блока начался приток долларов и марок в пост-советские страны. Экспорт долларов и марок шел двумя путями. С одной стороны, как и в Латинской Америке, граждане покупали то, что они считали твердой валютой, спасаясь от инфляции. С другой стороны (это в особенности касается марки), значительный объем валюты потребовался для обеспечения режима валютного управления (например, в Эстонии) и для «валютного воссоединения» Германии. По этим причинам, как и в 80-е годы, рост цен в США и Германии не выходил за пределы финан-

совых рынков. Бундесбанк и ФРС напечатали много новых денег. Эти деньги сначала попадали на биржу и вызывали рост курса акций. После этого они по идее должны были бы равномерно распространиться по всем сферам экономики и вызвать повышение цен. На самом деле значительная часть денег экспортировалась и, естественно, не могла повлиять на уровень внутренних цен. Кроме того, рост цен в Западной Европе сдерживали и некоторые другие обстоятельства, например повышение уровня занятости в США; однако главным ограничителем был, несомненно, экспорт валюты.

Оттого, что в последние 20 лет цены были относительно стабильны, большинство американцев и немцев примирились с инфляцией. В повседневной жизни людей негативное воздействие инфляции не ощущалось. Уровень жизни был ниже, чем в случае, если бы инфляции не было, но он был выше, чем раньше.

Опыт показывает, что серьезное сопротивление инфляции со стороны населения возможно только тогда, когда уровень жизни заметно понижается. Это вполне возможно, потому как массовый экспорт валюты, который происходил в последние 20 лет, был все-таки результатом исключительного стечения обстоятельств. Как только экспорт долларов и марок прекратится или резко уменьшится, внутренние цены подскочат, как всегда бывает при «классической» инфляции. Это приведет, в частности, к номинальному росту процентных ставок за счет того, что к базовому уровню ставок добавится премия, компенсирующая обесценение

валюты. В этой ситуации игра на бирже станет менее привлекательной, чем традиционные способы вложения капитала. Люди вернутся к традиционным занятиям: они будут, к примеру, брать в аренду участки и открывать магазины, которые обеспечивают такую же прибыль, как игра на бирже, но с меньшим риском.

На этой стадии биржевой крах неизбежен. У игроков на руках находятся дорогие акции, которые они приобрели в расчете на «вечный двигатель», совершенно не интересуясь финансовым положением эмитентов. Но желающих купить эти акции по более высоким ценам с каждым днем все меньше и меньше, потому что вложения в реальный сектор стали не менее выгодными и менее рискованными. В этой ситуации денежные власти оказываются перед выбором.

Они могут еще больше увеличить предложение денег, чтобы поддержать рынок акций. Однако это не выход, потому что с прекращением экспорта валюты инфляция приводит к росту всех цен, в том числе процентных ставок. Более того, государство в этой ситуации вынуждено печатать все новые и новые деньги, чтобы удовлетворить ожидания участников рынка. Инфляция достигает степени гиперинфляции, и национальная валюта перестает использоваться в качестве денег. Людям неудобно использовать в качестве денег бумажки, от которых нужно как можно быстрее избавляться, пока они не обесценились полностью. Участники рынка ищут другое средство обмена, прекращают использовать стремительно обесценивающиеся деньги и национальная денежная система рушится.

Денежные власти могут принять другое решение и положить конец инфляции. В этом случае неизбежно произойдет корректировка курсов акций в соответствии с реальным положением предприятий. Это означает биржевой крах, т.е. огромные финансовые потери для всех, кто владеет акциями. Негативные последствия биржевого краха для граждан огромны, потому что большинство страховых компаний вложили крупные суммы денег в акции предприятий.

Итак, кризис неминуем. Он наступит в тот момент, когда случайные факторы типа экспорта валюты и т.п. прекратят действовать. Естественно, кризис будет разворачиваться быстрее, если начнется массовое возвращение валюты «домой».

Таковы наши перспективы. Однако не нужно относиться к кризису как к сугубо отрицательному явлению. Это лишь закономерный итог государственного вмешательства в денежную сферу. Кризис приносит частичное освобождение от государственного контроля и господства политических элит. В этот момент граждане, объединившись, могут восстать против государственного вмешательства в их дела. У них появляется реальный шанс заставить государство уменьшить регулирование экономики и снизить налоговое бремя. Крах государственных денег имеет многочисленные позитивные последствия. Например, многие люди наконец поймут, что они стали беднее, ведь на самом деле сбережения людей стуят гораздо меньше, чем им кажется. Единственные «настоящие» жертвы будущего кризиса — это политические элиты, наживающиеся на инфляции.

9. Мировые экономические кризисы конца 90-х годов (1997 г. — ?)

Невидимая инфляция 80—90-х годов не только привела к созданию «мыльного пузыря» на бирже, но и стала источником инфляции в *других* странах. С этим связаны экономические и финансовые кризисы последних лет.

Продемонстрируем причинно-следственную связь между невидимой инфляцией в США и Германии и видимыми финансовыми кризисами в других частях света на отвлеченном примере.

Мы знаем, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе инфляция ведет к снижению обменного курса соответствующей национальной валюты. Представим себе, что король маленькой страны А инициировал в своей стране инфляцию. В результате курс национальной валюты (назовем ее а-валюта) снизился по отношению к б-валюте, национальным деньгам большой страны Б. Это наносит ущерб не только потребителям из А, которые страдают от роста цен на импортные товары. В проигрыше оказываются инвесторы из Б, которые вложили деньги в экономику страны А до того, как курс а-валюты упал. Таким образом, король А и экспортеры этой страны выиграли, а остальные граждане А и инвесторы из страны Б проиграли. У населения А нет возможности бороться с инфляцией, но инвесторы могут защитить себя, отказавшись от дальнейших капиталовложений в экономику А. В этом случае население страдает не только от перераспре-

деления ресурсов в пользу привилегированных групп, но и от уменьшения инвестиций и связанных с ними возможностей экономического развития. В результате экономический рост замедляется, что приводит к сокращению налоговых поступлений, а это уже не в интересах короля. В итоге король должен удерживать инфляцию в разумных пределах, чтобы было что оставить в наследство сыну.

Допустим, что в этот момент страна Б увеличивает предложение б-валюты. Тогда дальнейшего снижения курса а-валюты не произойдет. Кто от этого выиграет и кто потеряет? Элиты государства А, успевшие снять сливки с инфляции, по-прежнему в выигрыше, а население этой страны по-прежнему в проигрыше. Но есть и изменения: они связаны с инфляцией б-валюты. От нее выигрывают инвесторы страны Б, вложившиеся в Альфанию. Это легко доказать, ибо не будь инфляции б-валюты:

а) инвесторы из Б понесли бы убытки в А;
б) они прекратили бы инвестировать в экономику А, а это означает, что им пришлось бы искать для инвестиций другое место, где условия скорее всего оказались бы менее благоприятными.

Допустим, что правительство Б тесно связано с группами, вкладывающими деньги за рубежом, и хочет обеспечить их долгосрочные интересы. Правительство обещает, что будет поддерживать стабильный курс а-валюты, увеличивая предложение б-валюты. В результате риски инвесторов резко уменьшаются. Каковы

будут последствия такой государственной политики? Она принесет выгоду экспортерам капитала страны Б за счет ее остальных жителей, но не только. Когда король А узнает о новом курсе денежных властей Б, его поведение изменится. Из того, что правительство Б намерено поддерживать курс а-валюты, следует, что король может увеличивать темпы инфляции, не опасаясь негативных последствий. Как мы помним, он сдерживал инфляцию исключительно потому, что боялся бегства из страны иностранных капиталов. Поскольку правительство Б фактически гарантировало стабильность а-валюты, такой опасности больше нет. Итак, новая денежная политика Б приносит королю А дополнительные выгоды, а расплачиваются за это не только граждане А, но и граждане Б.

Вполне возможно, что такое развитие событий перестанет устраивать правительство Б. При всех своих симпатиях к экспортерам капитала оно не может просто выбрасывать деньги на ветер: ему нужны средства на финансирование, к примеру, социального обеспечения, армии, строительства дорог и т.д. Правительство Б не сможет примириться с тем, что правители А проедают их деньги, даже если это идет на пользу инвесторам—гражданам Б. Рано или поздно оно прекратит поддерживать курс а-валюты. Как только это произойдет, в А наступит экономический и финансовый кризис. В период инфляции развивались в первую очередь те отрасли небольшой экономики страны А, в которые вкладывали деньги инвесторы из Б. Пока эти инвестиции осуществлялись, эти отрасли были рен-

табельными. Но как только финансовый поток иссяк, они стали нерентабельными, а занятые на них люди оказались не у дел. Конечно, работники могут на какое-то время продлить агонию предприятий, согласившись работать за более низкую оплату, но неизбежно наступает момент, когда капитал проеден, заводы останавливаются и люди теряют работу. Им нужно искать рабочие места в других секторах экономики. Возникает спрос на новые профессиональные навыки. На рынке появляются новые предприниматели.

Адаптация к новой экономической ситуации чрезвычайно тяжела для многих жителей страны А. Экономические проблемы страны усугубляются также падением курса а-валюты. Иностранные инвесторы больше не интересуются страной А, в то время как она остро нуждается в притоке денег, чтобы реструктурировать экономику.

Те группы людей, которые получали выгоды от инфляции, представляют собой самое существенное препятствие на пути реформ. Это король, его семья и придворные, которых инфляция сделала самыми богатыми людьми в стране. Важно то, что если другие богатые жители страны А достигли успеха за счет своей предприимчивости, таланта и умения предвидеть будущее, то король и его присные разбогатели за счет примитивного обмана граждан, которым они, пользуясь политической властью, всучили чудовищное количество необеспеченных бумажных денег. В результате они оказались у руля национальной экономики, совершенно ничего не умея. Непрофессионализм правящей элиты

приводит к тому, что положение ухудшается. Кризис переходит в депрессию, так как король лишен предпринимательского чутья, а те, у кого оно есть (бизнесмены), не обладают необходимым капиталом. Но, поскольку депрессия угрожает власти короля, он должен что-то сделать. Так как сам он не способен реформировать экономику, то начинает искать поддержку, в первую очередь финансовую, за пределами страны, иначе говоря, в Б. Естественно, он попадает в политическую зависимость от правительства этой страны. Общий итог печален. Сохраняется, более того, консервируется главная причина бедственного положения экономики А — незаконно (за счет махинаций с национальной валютой) приобретенная собственность остается в плохих руках и продолжает использоваться неэффективно. Сверх того, страна еще оказывается в зависимости от иностранного государства-кредитора.

В наше время экономические и валютные кризисы происходят примерно по описанному выше сценарию. Большая страна Б — это, понятно, США. В течение более чем 10 последних лет американские денежные власти защищали интересы американских инвесторов за рубежом, поддерживая курс разнообразных национальных валют. Эта политика привела к такому росту темпов инфляции в соответствующих странах, что от нее пришлось в конце концов отказаться. На этом этапе последовали кризисы, которые «преодолевались» с помощью либо прямой финансовой поддержки США, либо за счет кредитов международных финансовых институтов, т.е. опять-таки американских денег.

Первый из кризисов этого типа случился в Мексике зимой 1994/95 года. Мексиканское правительство было уверено, что ФРС будет поддерживать курс песо после вступления в силу Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА), как оказалось, напрасно. Во время президентской кампании осени 1994 г. правительство, как обычно, напечатало кучу песо, и без поддержки ФРС курс мексиканской валюты, естественно, вскоре рухнул. Кризис закончился, но не девальвацией песо, как можно было бы ожидать. Президент Мексики фактически обменял свои властные полномочия на чрезвычайный кредит в 50 млрд долл. С тех пор экономическая политика страны находится под жестким контролем американской администрации, которая действует через органы НАФТА. Граждане США платят за то удовольствие, которое доставляет американским политикам власть над Мексикой, ростом внутренних цен.

В июле и августе 1997 г. кризисы потрясли Таиланд, Филиппины, Малайзию, Индонезию, Сингапур и Корею. За несколько дней биржевые индексы резко упали; уровень падения составил от 24% в Корее до 48% в Малайзии. Все страны получили кредиты (иногда просто гигантские) от МВФ. В тучные годы инфляции ключевые позиции в экономике этих стран захватили политические группы, абсолютно неспособные к реформам. Особенно яркий пример — это Индонезия, страна, исключительно коррумпированная даже на фоне других переходных экономик. Вспышки насилия там не утихают до сих пор, что не помешало индо-

незийскому правительству получить от МВФ кредит в размере 23 млрд долл. Правящие круги Индонезии десятилетиями грабили страну, увеличивая налоговое бремя и раскручивая инфляцию, но своевременная помощь МВФ помогла им удержать власть.

В июне 1998 г. пришел черед России. В этой стране не было серьезных экономических реформ. Крупная промышленность, как и при советской власти, оставалась в руках государства. Центральный банк занимался тем, что искусственно поддерживал на плаву убыточные государственные предприятия, печатая деньги. Что касается биржи, то в России это место, где торгуются государственные облигации и разворовываются западные кредиты. Кризис не стал неожиданностью, хотя точный момент его наступления смогли предсказать лишь немногие эксперты. Россия, как и другие жертвы кризиса, получила кредиты от МВФ и от государств Запада, однако в отличие от товарищей по несчастью смогла ограничиться сравнительно небольшими уступками в политической сфере. Причины просты. Во-первых, Россия имела возможность использовать в ходе переговоров ядерную угрозу. Как известно, главный дипломатический аргумент российского президента такой: «Если вы не дадите мне денег, меня не переизберут и ядерное оружие окажется в руках коммунистов». Во-вторых, внешний долг России настолько велик, что его обслуживание без обращения к иностранной помощи само по себе является проблемой. В силу перечисленных причин Россия получила новые кредиты.

Северная Америка и Европа тоже обречены. Всякая экономика, основанная на принудительно навязанных государственных деньгах, обречена. Это только вопрос времени. В день X все нынешние игры с инфляцией и госдолгом закончатся. Дальнейшее развитие может пойти по двум сценариям. Первый — гиперинфляция; второй — государственная экономика примерно того же типа, что в национал-социалистической Германии, но в масштабах США и/или Европы. Это может случиться через несколько лет или через несколько десятилетий. Кризис может быть отсрочен с помощью валютного союза между долларом и евро (и иеной?), но это не принципиально. В конце пути нас ждет или социализм, или гиперинфляция. Только радикальные рыночные реформы спасут нас. Как говорил Ротбард, мир должен вернуться к свободному рынку денег (иначе говоря, к золоту — естественно выбранному рынком денежному товару), а государство должно отказаться от контроля за денежным обращением.

Предметно-именной указатель

Автомобили немецкие 152, 171—172
Американская революция 77
Аптон Дж. К. 108 сн.
Банк Англии 93, 96, 103, 104, 124—125, 130
Банки и банковское дело
— 100%-ное резервирование 57, 58
— банкноты 55, 91, 93—94, 107—108
— всемирный центральный банк 113, 134, 141—143
— «дикие банки» 64, 91
— «набег на банки» 61—62, 66, 97, 102
— свободное 64, 89, 91, 98
— центральный 92—103, 113
См. тж: Денежные склады
Банкор 141
Барнард Б. У. 32 сн.
Бартер 13, 17
Биметаллизм 49—51, 68—69, 82—84
Брассаж 80
Бременская конференция 1978 г. 154
Брешани-Туррони Константино 78 сн.
Бреттон-Вудс 128—136, 141, 142—143
Бреттон-Вудская система 152, 153—154, 166, 182
— инфляционное финансирование дефицита госбюджета 166
— перераспределение 167
— «социальные завоевания» 166—167
Бэкстер У. Т. 75 сн.
Вайндер Джордж 112 сн.
Валюта иностранная 89—109, 112
Валюты конкурирующие 145
Вклады до востребования 61, 62, 67, 90
Война 1812 г. 91
Всемирная полиция 150
Всемирная торговая организация 150
Всемирный банк 151
Всемирный заговор 151—152
Всемирный резервный банк 134, 141, 142
Всемирный центральный банк 151
Вторая мировая война 78, 126, 129
Второй Банк Соединенных Штатов 93
Гарднер Ричард Н. 126 сн.
Гаррет Гарет 108 сн.

ГАТТ 151
Генуэзская конференция 1922 г. 123—124
Государство всеобщего благоденствия
— общеевропейское 152, 178
Гражданская война 92, 107
Гринбеки 105—107
Грэшема закон 30—32, 82—84, 87, 143
«Грязное плавание» 121, 126, 138—139
Двухъярусный золотой рынок 133—134
Денежной системы распад 116—144
Денежно-кредитная политика 46—47, 88—90
Деньги
— бумажные 147—148, 149
- и элиты 149
- и новый мировой порядок 150
— и государство 147, 148—149
— металлические 147
— неразменные бумажные 147 сн., 156—157
— предложение 145, 147
- и эффективность обмена 145, 147
- и реальные доходы 146
- и перераспределение 147, 149—150, 157
— узаконенные средства платежа 147
Деньги 8—10
— возникновение 15—19
— и государство 113—115
— заместители 54, 55—56, 64, 82—83, 89, 95
— золото в качестве д. 16, 21—26, 33—34, 39—40, 48—51, 52—55, 80—82, 84—86, 106—108, 110
— как единица веса 21—25, 26, 79—80, 83—85, 117
— как средство обмена 16—21, 34, 35, 37—38, 48, 67—68
— как складская расписка 52—54, 56, 58—60, 62—63
— как товар 18—21, 24—25, 33—34, 49, 67—68, 118—119
— неразменные 71—72, 78—82, 96, 105—111, 112, 126—128, 136—143
— предложение д. 18, 33—36, 36—40, 43—46, 56—57, 59—66, 77, 101, 106, 118—119, 127—128
— серебро в качестве д. 16, 48—51, 84—85
— скорость обращения 43—44
— склады д. 55—55

— сосуществование 48—51
— спрос на 41, 44—45, 77, 106
— твердые 92
— форма 25—26, 33
— цена 41—43, 45, 47—48, 68—69
Дефляция 101
Джевонс У. Стенли 51 сн., 63 сн.
Динар 82
Долг 47, 67, 87—88
Доллар
— нехватка 110—111, 130
— определение 117
— обесценение 139—141
— происхождение 23, 27—28
Доходы государственные 70—72, 79, 80
Евро
— перспективы 174, 178
— и централизация политических институтов 176 сл.
— альтернатива 178 сл.
Евродоллары 132, 135, 136, 137
Европа 150
Европейская валютная система (ЕВС) (1979—1998 гг.) 150, 154—155, 155—169
— возникновение 154
— значение 155—163
— изменение природы и экономисты 162
— коррекции валютных курсов 160, 163, 168
— кризис 160, 168—169
— общая денежная политика 161, 162, 163
— расширение валютного коридора 161
— реальное функционирование 159, 165
— роль Бундесбанка 159
— роль Бундесбанка 163—165
— рост госдолга 167—168
— стабилизация валютных курсов 154, 169
— цель 155—156
Европейская денежная единица (ЭКЮ) 142—143
Европейская комиссия 151, 176
Европейская конституция 175
Европейский союз 170
Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) 142—143
Золотовалютный стандарт 122—125, 128—134
«Золотое окно» 6. *См. тж*: Бреттон-Вудс
Золотой стандарт 7, 23, 86, 102—108, 126—136, 140, 144
— классический 117—121
См. тж: Деньги; Золото

Золотослитковый стандарт 104—105, 112
Инвестиции (инвестирование) 78
Индексация 47
Иностранная помощь 130
Инфляция
— и естественное разделение труда 187, 190
— интересы элит 187
— перераспределение
— сопротивление 189
Инфляция 59—60, 64—67, 69, 73, 79, 89—110, 114, 119, 120, 130—143
— как вид налогообложения 71—72, 109
— последствия 72—79, 102—105
Капиталов передвижение 153, 154, 155
Кейнсианцы 140, 141, 142
Кейнсианцы 150
— и новый международный порядок 150, 152
Кеннан Эдвин 32 сн.
Конант Чарльз 32 сн.
Континенталы 77, 105
Коэффициент резервирования 99—101
Кредит 47, 60, 66—67, 73, 88
— расширение 99—101
Кризисы региональные
— и американская инфляция 183, 192 сл.
— в Индонезии 197—199
— в Мексике 197
— в России 198
— в Юго-Восточной Азии 197
Курсы валютные 24, 31,35, 83—85, 106, 112, 126, 137—138, 143
Лафлин Дж. Лоуренс 32 сн.
Лопез Роберт С. 51
Маастрихтские соглашения 169, 175
МВФ 146, 150, 197, 198
Международная бюрократия 150
— и новый мировой порядок 150
— еврократы 160, 163
Международная торговля 154, 155
Международные денежные системы
— на основе неразменных бумажных денег 154
- инфляционный характер 152, 154, 157
- механизм 156, 157 сл.
- новые группы интересов 154
- перспективы 157—158
- порок 156

- роль центральных банков 154
См. тж: Золотой стандарт; Деньги; Золото
Международный валютный фонд 113
Менгер Карл 18 сн.
Мизес Людвиг фон 18 сн., 32 сн., 51 сн., 87 сн.
Налогообложение 71—72, 76, 94
НАФТА 151, 197
Нелсон Р. У. 99 сн.
Никсон Ричард 116, 136, 137
Новый мировой порядок
— и кейнсианцы 150, 152
— международная бюрократия 150
Обмен
— косвенный 14—18
— средство. *См.*: Деньги
— функции 11
— частный 29
— эффективность 145
- и предложение денег 145
Обменное соотношение (меновое отношение) 19—20, 50, 68—69, 117
Общественное мнение 177
— и законы 175
— и инфляция 189
Остатки наличности 41—48, 85
Палий Мелхиор 105 сн., 120 сн.
Параллельный стандарт 51, 83
Первая мировая война 120—121, 126
Перераспределение 73
Платежный баланс 118—120, 137—138, 141—142
Покупательная способность 36—40, 46—47, 48—49, 50, 68—69, 100
«Порча монеты» 81—82, 84—85, 89
Производственная структура 19
Профсоюзы немецкие 152, 172
Расчет 20, 74
Роббинс Лайонел 122 сн.
Робинзона Крузо экономическая модель 8, 11—12
Ротбард 145, 150, 182, 199
Ротбард Мюррей Н. 79 сн.
Рюэфф Жак 131, 135 сн., 140
Сбережения 61—63
Сеньораж 80—81
Силвестер Дж. У. 51 сн.
Смитсоновское соглашение 136, 137
Смитсоновское соглашение 152
Совпадение желаний 13, 19
Спенсер Герберт 30 сн.
Специализация 12, 19
Специальные права заимствования 134—135

США 150
— инфляция и бум на фондовом рынке (1982—2001) 182—191
- естественные ограничения 186
- и естественное разделение труда 187, 190
- и курс доллара 183
- определение стоимости акций 183 сл.
- особенности инфляции 187 сл.
- региональные кризисы 183, 192 сл.
- экспорт инфляции 192
— и кризисы 1980—1990-х гг. 182, 183
— американская культура инфляции 182
Талер 23
Тауссиг Фрэнк У. 108 сн.
«Твердые деньги», движение, во главе с Э. Джексоном 92
Тезаврация (тезаврирование) 40—46, 82—84
Торговля международная 109—110, 111—112, 126, 136
Трудовое законодательство в Европе, унификация 172—173
Уайт Хорас 92 сн.
Уайт Хэрри Декстер 141
Узаконенное платежное средство, закон о 86—88, 94, 106—107, 119
Узаконенные средства платежа 147
Унита 141
Уокер Амаса 62 сн.
Участники рынка
— непривилегированные 149
— привилегированные 149
Учетная ставка 101
Фальшивомонетничество 58—59, 71, 72, 79—81, 89, 96, 128
Фаррер лорд 87 сн.
Федеральная корпорация по страхованию депозитов 97
Федеральная резервная система 143
— происхождение и история 93—95
— проводимая политика 7, 95 сл.
Феникс птица 141
Финансовая стабилизация 46—48
Французская революция 77
Фридмен Милтон (Чикагская школа) 127, 135, 138, 139, 140
ФРС 182
Фунт стерлингов 23, 24, 25,117, 122, 129, 130, 132

Халл Корделл 126
Цена 20—21, 41
— денег 22—23
— регулирование 31, 82—83, 88, 110
— уровень 46—48, 75—78, 118—119
Ценность меновая 11—14, 38, 42
Центральные банки 152, 157
— Бундесбанк 146, 156, 159, 160, 164, 168
- враги 164, 170
- роль в ЕВС 163—165
— ЕЦБ 150, 151, 163, 173
- истинные цели создания 166
- перспективы 174 сл., 178
- создание 165 сл., 169—170
- и централизация политических институтов 176 сл.
— Всемирный 151
— природа 164
Цены
— уровень 146
- для потребителей 146
- для бизнесменов 146
Частичное резервирование 58—66, 90, 95, 99—101
Чекан монет
— государственный 27—29, 32, 79—88, 104—105
— как бизнес 26
— мошенничество 28—30
— частный 27—32, 68, 117
Черные рынки 112
Шлик граф 23
Экономический и монетарный союз 178
Экономический цикл 75—79, 119—120
Экспорт, точечная либерализация 151
ЭКЮ 162, 163
Элиты 171
— и бумажные деньги 149
— европейские 163, 164, 165, 166, 170, 181
— и кризис 191
— политическая 150
— старые 159
Эмиссия 1970-х в Германии
— выигравшие группы 152
— побочные эффекты 153
Юм Давид 37, 118
Япония 150

Серия:
«Библиотека ГВЛ»

Мюррей РОТБАРД
ГОСУДАРСТВО И ДЕНЬГИ

Как государство завладело денежной системой общества

Редактор: *Е. Филиппова*
Корректор: *Е. Киселева*
Верстка: *С. Фонченко*
Художественное оформление: *А. Пушкарный*

Подписано в печать 23.06.2008. Формат $70\times100^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «AcademyC». Усл. печ. л. 9,1.
Уч.-изд. л. 7.

ООО Издательство «Социум»
(495) 330-51-98
e-mail: info@sotsium.ru
www.sotsium.ru

Серия «Библиотека ГВЛ»

Бастиа Ф. Грабеж по закону
Челябинск: Социум, 2006. 264 с. (Библиотека ГВЛ: Право)

Бастиа Ф. Что видно и чего не видно
Челябинск: Социум, 2006. 144 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)

Бентам И. Тактика законодательных собраний
Челябинск: Социум, 2006. 206 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена
Челябинск: Социум, 2006. 180 с. (Библиотека ГВЛ: Деньги)

Кэллахан Дж. Экономика для обычных людей
Челябинск: Социум, 2006. 423 с. (Библиотека ГВЛ: Экономика)

Мизес Л. фон. Бюрократия
Челябинск: Социум, 2006. 196 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Мизес Л. фон. Либерализм
Челябинск: Социум, 2007 336 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении
Челябинск: Социум, 376 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Ричард Кобден
Челябинск: Социум, 2006. 240 с. (Библиотека ГВЛ: Биографии)

Ротбард М. Государство и деньги
Челябинск: Социум, 2008. 200 с. (Библиотека ГВЛ: Деньги)

Спенсер Г. Личность и государство
Челябинск: Социум, 2007. 207 с. (Библиотека ГВЛ: Политика)

Готовится к печати:

Джон Локк
Два трактат о представительном правлении

Норман Энджелл
Великая иллюзия

Вильгельм фон Гумбольдт
О пределах государственной деятельности

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО

Деньги, банковский кредит и экономичские циклы. Челябинск: Социум, 2008. 663+xiv с.

Книга посвящена всестороннему рассмотрению центрального института современного экономического порядка — банковского дела на началах частичного резервирования с центральным банком и роли этого института в периодически повторяющихся экономических циклах. Автор анализирует эту проблему с юридической, исторической и экономической точек зрения. Первые три главы посвящены юридическим и историческим аспектам банковского дела с частичным резервированием. В главах 4—7 подробно объясняется, каким образом нарушение универсальных принципов права, выражающееся в ведении банковского дела на началах частичного резервирования, неизбежно ведет к кредитной экспансии и циклу бум—крах. Здесь Уэрта де Сото излагает и развивает подход австрийской экономической школы (Л. Мизес, Ф. Хайек, М. Ротбард). Глава 8 посвящена разбору теорий, обосновывающих необходимость центрального банка и допустимость банковского дела с частичным резервированием. В завершающей 9-й главе книги автор обсуждает проблему реформирования современной денежной системы, базирующейся на сочетании неразменных денег и банковского дела с частичным резервированием, находящихся под контролем центрального банка, выступая с собственным планом.

Книга написана для образованных неспециалистов простым нетехническим языком, можно сказать «на пальцах». Автор постоянно повторяет выводы, полученные в предыдущих главах, не давая забыть о них читателю, что значительно способствует пониманию логики изложения.

Готфрид ХАБЕРЛЕР

Процветание и депрессия:
теоретический анализ циклических колебаний
(474 с.)

Готфрид Хаберлер (1900–1995) – один из крупнейших экономистов XX в., получивший известность прежде всего своими работами по теории экономических циклов и теории международной торговли. Исследование состояния теории циклов было заказано ему Лигой наций в разгар Великой депрессии. Первое издание книги «Процветание и депрессия» появилось в 1937 г. Затем последовали второе (1939) и третье (1941) издания, в которых отражено развитие теории циклов в связи с появлением знаменитого сочинения Дж. М. Кейнса (гл. 8, 12 и ч. 3).

Первая часть представляет собой исчерпывающий анализ всех существовавших на момент написания книги теорий экономического цикла. Во второй части автор сделал попытку дать собственное «синтетическое» объяснение циклической динамики экономического развития. Изначально разделяя воззрения австрийской школы на природу экономического цикла, Хаберлер частично воспринял кейнсианские рецепты выхода из депрессии. Критикуя некоторые аспекты кейнсианского подхода (например соотношение между мультипликатором и склонностью к потреблению), Хаберлер представил логику Кейнса (абсолютно новую для того времени и довольно сумбурно изложенную самим автором) в терминах, понятных для студента-первокурсника.

Данное издание предваряется статьей Хаберлера «Деньги и экономический цикл» (1932), считающейся лучшим кратким объяснением теории экономического цикла австрийской школы.

БОННЕР У., УИГГИН Э.

Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI века

(402 с.)

Несмотря на название, навевающее образ очередного малосодержательного эмоционального памфлета, паразитирующего на сиюминутных проблемах американской и мировой экономики, книга не имеет ничего общего с легковесной сенсационностью. Это серьезный, глубокий и продуманный анализ экономической, политической и военной истории и, что особенно важно, поведения людей, начиная с Французской революции и до наших дней. В книге препарируется экономика Японии — начиная с 1980-х гг., прослежены действия Алана Гринспена — с 1987 г., и самое интересное — анализируются последствия неизбежного в самом ближайшем будущем события, обещающего стать переломным в новейшей истории, — снятия Америки с кредитной иглы. В центре внимания авторов — технологии, психология масс, демографические тенденции. Причем это не скучный научный трактат, а яркое публицистическое повествование, написанное с изрядной долей юмора.

В русское издание добавлены две статьи: Марк Скоузен «Кто предсказал Великую депрессию» и Алан Гринспен «Золото и экономическая свобода».

Спустя неделю после выхода в свет английского издания книга стала бестселлером в рейтингах Wall Street Journal Best Seller list (4-е место) и New York Times (8-е место) и в первый же день продаж вышла на 1-е место в интернет-магазине Barnes&Nobel.

Мюррей РОТБАРД

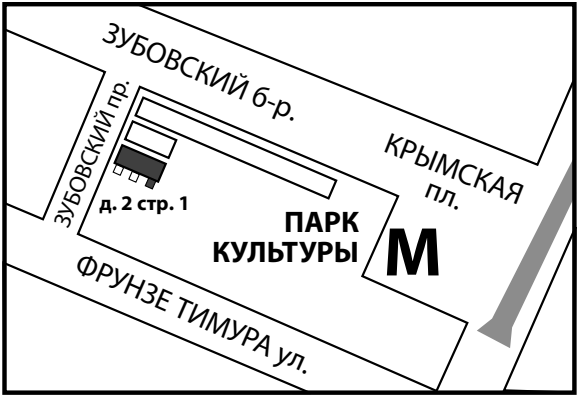
История денежного обращения и банковского дела в США: От колониального периода до Второй мировой войны

Автор исследует периоды инфляции, банковские паники и крушения денежных систем в Америке с колониальных времен до середины XX в., показывая, что причиной почти всех крупных экономических катастроф в американской истории является систематическое и целенаправленное стремление государства расширить инфляционный потенциал банковской системы, в конце концов приведшее к нынешнему бумажно-долларовому стандарту (коллапс которого еще впереди). Автор извлекает на свет финансовые интересы и идеологию деловой элиты на разных этапах формирования банковского сектора США, выявляет связи мотивов и планов, зачастую тайных и окольных, с результатами, которые порой оказываются трагическими. Особенно подробно разбираются взаимоотношения (борьба и сотрудничество) между двумя крупнейшими группировками американского бизнеса – Морганов и Рокфеллеров. Никогда еще история денег и банков не была написана с такой теоретической мощью и риторическим блеском.

Людвиг фон МИЗЕС

Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война

В книге представлена неотразимая критика политических, социальных и экономических идеологий, определявших историю Западной Европы и США в течение последних 200 лет. Автор подробно анализирует, как в специфических исторических и географических обстоятельствах в Германии эти идеологии (этатизм и национализм) породили стремление к автаркии и завоеванию требующегося для этого «жизненного пространства», став причиной Второй мировой войны, а также как те же самые идеологии помешали другим западноевропейским странам предотватить надвигавшуюся общеевропейскую катастрофу.

В Москве все книги издательства «Социум»
всегда можно купить в магазине «Гнозис»:

11^{00}–18^{00} Пн–Пт
м. Парк Культуры
Зубовский пр., д. 2, стр. 1
Тел. (495) 246-05-48